

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

ЭВАНГЕЛИНА АНДЕРСОН



Рождество Женщины

«БЕССПОРНЫЙ ФАКТ - ЭВАНГЕЛИНА АНДЕРСОН ЗНАЕТ, КАК ЗАСТАВИТЬ
ЧИТАТЕЛЯ ИЗНЫВАТЬ ОТ ПРЕДВКУШЕНИЯ» - ОТЗЫВ ЧИТАТЕЛЯ

Женевьева Уэллс, бессердечная хладнокровная начальница, вот-вот потеряет работу, если не найдет, с кем отправиться на интимный курорт для супругов. К сожалению, муж развелся с ней несколько месяцев назад — факт, который она скрывала ото всех. Дрю Джеймисон — её очень терпеливый и амбициозный сотрудник, мечтающий о повышении. Он ненавидит Женевьеву и в то же время страстно желает. Однако эта ледяная красавица почти на десять лет старше него и так недосыгаема. Соглашаясь выдать себя за мужа Женевьевы в обмен на продвижение по карьерной лестнице, Дрю даже не догадывается, какой интимный опыт приобретет со своей прекрасной, но недоступной начальницей. Отдых на новом корпоративном курорте оказался и вправду бесконечно насыщенным: съедобная краска для тела, костюмы для ролевых игр, БДСМ игрушки — и это только часть стандартного приветственного пакета курорта для супругов «Сосновый рай». Не говоря уже об «интимных упражнениях», выполнять которые обязательно каждую ночь. Дрю и Женевьева превосходно играют свои роли, но как только напряжение между ними нарастает, Дрю понимает, что влюбляется в женщину, которую когда-то ненавидел. А холодное сердце Женевьевы начинает плавиться, оттаивая под чувственными прикосновениями мужчины намного моложе неё. Раскроется ли их обман? Смогут ли они сохранить работу и не потерять при этом сердца? Или это Рождество изменит всё? Ответы на эти вопросы вы сможете узнать, прочитав «Рождество хищницы»...

Эвангелина Андерсон

Рождество хищницы

Над книгой работали:

Перевод: Kassandra37 (1–3 главы), Оксана Гладышева (4–5 главы), Мария Гридина (6 глава), Eva Morgenshtern (7-11)

Редактура: Nikolle (1–3 главы), Мария Гридина (4-11 главы)

Вычитка: Мария Гридина

Русификация обложки: Poison_Princess

Дрю Джеймисон не мог поверить своим глазам.

Женевьева Уэллс, его босс, которую боялись и ненавидели все женщины в компании, плакала.

По ее щекам стекали не просто несколько женственных слезинок. Сидя за огромным столом из стекла и стали — дань ее последнему продвижению по службе — она действительно плакала, почти рыдала, прикрыв лицо ладонями, ее хрупкие плечи вздрагивали.

Он только хотел зайти и забрать забытый на столе файл. Одним из сомнительных плюсов посещения офисной вечеринки в нерабочее время оказалось то, что не пришлось тратить тридцать минут на поездку за документами — Дрю уже был здесь. В восемь часов вечера в пятницу он находился в офисе компании, а не на свидании, и думал только о работе.

Пока не увидел, как рыдает его босс. И хотя Дрю уже сжимал в руке бумаги, за которыми вернулся в кабинет, он остановился, как вкопанный.

«Мне нужно идти», — подумал он, не двигаясь с места. Из-за чего, черт возьми, могла плакать такая женщина, как Женевьева?

Именно этот вопрос, больше чем все остальное, удерживал его на месте. Дрю работал под руководством Женевьевы Уэллс последние три года, рассчитывая на заслуженное повышение и мирясь со всем ее дерьмом, чтобы стать тем, кем он хотел быть — начальником отдела маркетинга в компании «Идеальная пара», где они оба работали.

За эти три года он видел, как она лихо заключала сделки с самыми трудными клиентами, легко справлялась со Стюартом Соломоном, генеральным директором и основателем компании, как увольняла бесчисленное количество сотрудников, не подходящих под стандарты «Идеальной пары». Но ни разу, независимо от того насколько тяжелые, сложные и напряженные возникали ситуации, он не видел ее даже вспотевшей, не то что плачущей.

«Снежная Королева» называли ее те, кому не повезло считаться ее подчиненными. Не менее популярными были прозвища «Леди Дракон» и «Фригидная Сука». Женевьеву как только не обзывали, но никто и никогда не обвинял ее в излишней эмоциональности. Женевьева Уэллс создавала видимость ледяного, непробиваемого спокойствия, независимо от того насколько интенсивным оказывалось давление. Вероятно, именно это качество позволило ей стать директором по маркетингу и продвижению в компании.

Теперь Женевьеве было тридцать семь, и она без труда удерживала эту должность в течение многих лет. Дрю исполнилось двадцать шесть, и он наблюдал за ее стремительным карьерным взлетом в первых рядах, в последние годы, по крайней мере. Абсолютно безжалостная, она добивалась результатов там, где другие терпели поражение, вот почему Стюарт Соломон совершенно серьезно называл ее «моя правая рука».

Тем не менее, вот она. Ледяная Королева. Фригидная Стерва. Сидела одна за дорогим рабочим столом и плакала.

«Уйди. Просто уйди сейчас. Для тебя же будет лучше, если она не узнает, что ты все видел».

Нужно было прислушаться к голосу разума, и Дрю понимал это. Тем не менее, он

ничего не мог поделаться со своим любопытством. Зная, что вляпается в дерьмо по самые уши, но будучи не в силах остановиться, он вошел в роскошный офис и тихо постучал в приоткрытую дверь.

На мгновение Дрю подумал, что Женестьева настолько погрузилась в свое горе, что не расслышала его. Он уже собрался закашлять, когда она подняла голову, и он увидел, что ее прекрасное лицо залито слезами. Мгновение она, молча, смотрела на него, затем поспешно вытерла щеки и выпрямилась.

— Дрю, что ты здесь делаешь?

Он неловко пожал плечами.

— Я просто пришел забрать кое-какие документы и услышал тебя. Женестьева, ты... ты в порядке?

Не то что бы его это сильно заботило. Он часто представлял, как его босса сбивает автобус. Она заставляла его работать круглыми сутками без выходных, поручала практически невыполнимые задания, которые Дрю ненавидел, в общем, Женестьева являла собой идеального босса из ада.

Но почему-то увидев ее, сидящей за этим шикарным столом, с большими карими глазами, полными слез, и элегантно заколотыми на затылке прядями, ниспадающими на пылающие щеки, Дрю не мог избавиться от чувства жалости к ней.

Женестьева выглядела по-другому с соблазнительной фигурой, высокими скулами и пухлыми губами — очень привлекательной. На самом деле каждый мужчина в офисе желал ее и в то же время ненавидел. Впервые Дрю испытывал к ней отнюдь не похоть, его тронуло выражение убитого горем человека на ее лице, настолько невероятной уязвимости, какой он никогда раньше не видел на обычно холодном и бесчувственном лице Женестьева. На мгновение она перестала быть жесткой и негибкой сухой-боссом. Она превратилась в маленькую девочку, которую ему захотелось взять на руки и обнять...

От этой последней мысли он вернулся в реальность. Как будто Женестьева Уэллс позволит кому-то взять ее на руки и успокоить, да и по любой другой причине тоже. Намного безопаснее обниматься с дикобразом.

На ее пальце сверкал огромный, размером с гору, бриллиант, Дрю довелось познакомиться с ее мужем на одной из вечеринок компании, он оказался корпоративным юристом, по слухам, такой же холодный и бездушный, как и сама Женестьева. Так что Дрю мог спокойно обнять ее, не то чтобы он мечтал об этом. Не было ни единого шанса, что такая особа, как она, обратит внимание на простого служащего, вроде Дрю.

— Я в порядке, — сказала Женестьева, врываясь в ход его мыслей. Затем покачала головой. — Нет, это ложь. Я не в порядке. Совсем не в порядке.

На мгновение Дрю подумал, что Женестьева снова расплачется, но она лишь приподняла подбородок и по-царски ему кивнула.

— Ты первый обо всем узнаешь, потому что я уверена, благая весть распространится со скоростью света. Завтра утром я уйду из «Идеальной пары».

— Что? Но почему?

Дрю был ошеломлен. Судя по тому, что он слышал, Женестьева работала в компании с момента ее основания. На самом деле именно ее опыт в сфере маркетинга превратил идеи основателя фирмы Соломона Стюарта от нечетких ночных информационных роликов, которые крутили между рекламой Magic Bullet¹ и Shamwow², до того, что его имя стало широко известным. Именно из-за нее Соломона Стюарта не раз приглашали на шоу Опры³,

благодаря ей, он стал ведущим консультантом для пар, своеобразным гуру в отношениях.

Возможно, Женевьева и была стервой, но также и чертовым трудоголиком, будучи при этом очень умной женщиной, Дрю не мог себе представить, что бы она когда-нибудь захотела уйти из компании по собственному желанию.

«Наверняка, что-то или кто-то вынудил ее», — подумал он, разглядывая ее заплаканное лицо.

— Я нарушила корпоративный договор, — подтвердила она его подозрения. — Неважно как, но нарушила, и заявление об уходе подам завтра утром.

— Ты? Ты нарушила договор? — Дрю едва не расхохотался, настолько это звучало нелепо. — Что ты сделала — присвоила средства, выделенные на проведение весенней маркетинговой компании?

— Нет, — огрызнулась она, и в ее огромных карих глазах блеснул неожиданный огонь, ее подчиненные, в том числе и Дрю, знали, что это предвещает крупные неприятности. Но на этот раз он не испугался. Броня Женевьевы треснула, и ему было интересно узнать, что же он обнаружит под ней.

— Что тогда? — он подошел и уселся на край ее стола, спокойно глядя на нее сверху вниз.

— Ничего, — Женевьева вдруг покраснела и отвернулась от него, стараясь не встречаться с Дрю взглядом.

— Ничего себе, должно быть, сегодня полнолуние. Во-первых, я вижу, как рыдает безжалостная Женевьева Уэллс, а теперь еще и смущается, — Дрю покачал головой. — Видать, ты натворила действительно что-то очень плохое.

— Не такое уж и плохое, — отрезала она, вставая и смотря ему в глаза. — Просто... глупое. И ты мог бы сделать вид, что я все еще твой босс, по крайней мере, сегодня.

Дрю не отступил.

— Ты, может, и мой босс, но так же и очень несчастный человек, которому нужно просто поплакаться в чью-то жилетку. Думаю, ты хочешь мне кое-что рассказать, иначе не стала бы начинать этот разговор с самого начала. Так что, давай, Женевьева, договаривай. Что ты сделала? — спросил он тихим голосом, заглядывая ей в глаза. — Расскажи мне. Я никому и словом не обмолвлюсь о твоём секрете, если не хочешь.

Она насмешливо посмотрела на него:

— Ты ожидаешь, что я тебе поверю и расскажу все подробности? Где гарантия, что ты не разнесешь слухи по всей компании сразу же, как только выйдешь отсюда?

Дрю выдержал ее взгляд.

— Я когда-нибудь давал тебе повод сомневаться в моей честности?

Она мгновение смотрела на него, а затем отвела взгляд и вздохнула.

— Нет, — она откинулась на спинку кресла. — Вот почему ты всегда получал наиболее сложные задания по сравнению с другими служащими, потому что я знаю, ты все сделаешь, во что бы то ни стало.

Он удивился этому неожиданному комплименту. Женевьева не часто хвалила своих сотрудников. И то, как она вела себя сейчас, лишь распаляло его любопытство — он желал знать, что же случилось.

— Давай, Джен... — сидя на столе, он наклонился к ней и вдохнул аромат ее дорогих духов с теплыми нотками амбры и меда. Или, возможно, это был всего лишь аромат ее кожи. Глядя в ее большие карие глаза, Дрю прошептал: — Скажи мне.

Она встала и обошла вокруг стола, в защитном жесте скрестив руки под грудью. Женестьева была одета в черное маленькое платье, идеально подчеркивающее ее пышные изгибы, на ногах — туфли на шестидюймовом⁴ каблуке, которые являлись ее визитной карточкой.

Несмотря на то, что Женестьева заставляла трепетать взрослых мужчин и повыше, чем Дрю с его шестью футами и четырьмя дюйма⁵, сама она была миниатюрной женщиной ростом пять футов и три дюйма⁶. Но те, кто видел ее идущей по офису в строгих, но сексуальных дизайнерских туфельках, даже не догадывались об этом.

— Я жду, — Дрю все еще восседал на краю стола.

Женестьева стояла напротив него, и с ее туфельками на невероятно высоких каблуках они практически смотрели друг другу в глаза.

Она глубоко вздохнула:

— Я нарушила свой контракт, когда не пошла на обязательные занятия для старшего персонала, которые проводит Соломон Стюарт для тех, у кого возникают проблемы в браке.

— Подожди минутку, — Дрю поднял руку, останавливая ее. — Ты хочешь сказать, что подписала контракт, который обязывал тебя прийти на консультацию, если твой брак полетит псу под хвост?

Она коротко кивнула:

— Как метко сказано, но да, я подписала. Это обязательный пункт для всех старших сотрудников.

— Но... зачем? Какое дело Соломону Стюарту, если твой брак разваливается?

— Задумайся, Дрю, — терпеливо объясняла она. — «Идеальная пара» не только обещает людям найти их истинную любовь, но и обещает помочь сохранить ее на всю жизнь. Об этом говорится в нашей последней брошюре. Стюарт говорил, цитирую: «Позвольте мне помочь вам найти вашу настоящую любовь и сохранить ее, так как делаю это я у нас в компании «Идеальная пара», — Женестьева вздохнула. — Я написала эту чертову стратегию, и теперь она мне аукнулась! Дело в том, что Стюарт лично консультирует всех старших сотрудников. Так что, если после такого слогана в нашей компании начнут разводиться сотрудники, не кажется ли тебе, что это будет выглядеть, мягко говоря, дерьмово?

— Допускаю, что никогда раньше не задумывался над этим, хотя мне и казалось странным, что никто из высшего руководства никогда не разводился, — нахмурился Дрю.

— Это не значит, что они не хотят, — мрачно сказала Женестьева. — Я знаю нескольких человек, которые убили бы ради развода, но остаются вместе из-за карьеры и отличной зарплаты, которую им платит Стюарт.

— Ничего себе, — Дрю покачал головой, вспоминая, как на вечеринке внизу Дэн и Ненси Кларксберг сверкали друг на друга убийственными взглядами. — То-то же СМИ повеселятся, когда сотрудники «Идеальной Пары» начнут разводиться.

— Совершенно верно, — вздохнула Женестьева, — к сожалению, для меня, моему мужу, бывшему мужу, наплевать на мою карьеру. У него своя юридическая практика и весьма прибыльная, так что он не нуждается в моих доходах.

Она покачала головой и совершенно бесшумно заходила по роскошному ковру взад-вперед на высоких каблуках.

— Наши отношения катились в пропасть уже долгое время, но у меня не было времени для консультаций, и я надеялась, что смогу сама все исправить. К сожалению, мой муж решил, что...

Она откашлялась и отвела взгляд. На мгновение Дрю показалось, что он снова увидел слезы в ее глазах, но потом Женестьева заговорила холодным и профессиональным голосом:

— Он бросил меня полгода назад. Так что я нарушаю контракт последние полгода, так как скрывала это.

Дрю все еще не мог поверить.

— Именно из-за этого ты потеряешь свою работу? Откуда Стюарт узнал, что ты развелась?

Женестьева провела рукой по выбившимся из элегантного пучка прядкам. Милые белокурые завитки обрамляли ее покрасневшее лицо, отчего она выглядела еще более привлекательной, чем днем в офисе, когда закалывала волосы в строгий узел на затылке.

— Он пока не знает. Но у меня нет иного выбора, кроме как сказать ему завтра, потому что я выиграла этот проклятый главный приз в лотерее на глупой рождественской вечеринке сегодня вечером.

— Путевку на курорт «Сосновый рай»?

Дрю всегда думал, что довольно дерьмово для такой компании, как «Идеальная Пара» раздавать бесплатные путевки в собственные санатории в качестве призов и подарков в стимулирующих акциях и конкурсах. Тем не менее, курорты «Идеальной Пары», должно быть, один из самых роскошных в мире, потому как он никогда не слышал, чтобы победители жаловались.

— Вот именно, — Женестьева опустила глаза. — И теперь, когда у меня нет супруга, чтобы сопровождать меня в «Сосновый рай», весь карточный домик, который я построила, рухнет.

— Придумай оправдание, — предложил Дрю. — Скажи Стюарту, что не сможешь пойти, потому что заболела твоя бабушка, ну, или что-то в этом роде.

— Я пыталась, — Женестьева обошла стол и уселась в кресло. — Подошла к столу Стюарта, желая поговорить с ним сегодня вечером через полчаса после выигрыша. Но, видимо, он заметил отсутствие Чарльза, моего бывшего мужа, на всех вечеринках компании за прошедший год. Такая мелочь, как отсутствие на вечеринках на Хэллоуин и Рождество, похоже, привлекли его внимание. Стюарт сообщил мне, что очень беспокоился о моем браке, чувствовал, что я и Чарльз нуждаемся в его консультации. Он сказал, я цитирую: «Я позвоню на курорт и лично проконтролирую, что ты и Чарльз посетите все рекомендованные мной сессии. Если ты не...»

— Если ты не что? — спросил Дрю, склонившись к ней.

Женестьева покачала головой и опустила ее на сложенные на столе руки.

— Он не сказал этого, да и так все понятно, — ответила она приглушенно, но внятно. — Я знаю, что он имел в виду так же хорошо, как и то, что меня уволят сразу же, как только завтра утром я пройду через ворота курорта без Чарльза на буксире.

Несмотря на неприязнь к ней, Дрю не желал видеть ее отчаяние. Это была самая личная информация, которой Женестьева, его ледяная стерва-босс, добровольно делилась с ним за все то время, что они работали вместе, и тем не менее он не радовался ее страданиям. Ему не понравилось, что она сидела, опустив голову на стол, и выглядела, как побитая собака. Жест поражения от женщины, которая, как он думал, была слишком жесткой и не способной на страдания. Раньше Дрю думал, что придется драться с ней зубами и когтями за повышение по службе, но теперь...

Внезапно его осенила идея.

— Кто-нибудь на том курорте знает, как выглядит твой бывший муж? — спросил он.

— Хм? — Женевьева подняла голову, потирая виски, как будто страдала от головной боли. — Нет, никто его не видел. Курорт новый, его только что открыли — «Сосновый рай» в Блю Ридж — и директор там тоже новый. Вроде бы, доктор Филлипс. Стюарт в восторге от его оперативного подхода к терапии семейных пар, но я никогда не встречала его лично.

— Идеально, — Дрю с удовольствием потер руки, когда план окончательно сформировался в его голове. — И если никто не знает, как выглядишь ты или твой бывший, что мешает тебе выдать за него кого-то еще?

— Что? — Женевьева посмотрела на него. — Ты серьезно? Но зачем... и кого мне взять с собой?

— Меня, — улыбнулся ей Дрю.

— Тебя? — Женевьева недоверчиво рассмеялась. — Категорически нет — это не сработает.

Дрю казался уязвленным.

— Почему нет? Я что слишком страшный и отталкивающий, чтобы сойти за твою вторую половинку? — он встал и развел руки в стороны, показывая стройное и мускулистое, высокое тело. Он отлично выглядел с чернильно-черными волосами и темно-синими глазами, что определенно давало ему преимущество в общении с противоположным полом. Не то чтобы он считал себя даром божьим, но и никогда не испытывал недостатка в женском внимании.

— Нет, конечно, ты не отвратительный. На самом деле ты довольно... — Женевьева резко замолчала на полуслове и, Дрю мог бы поклясться, снова покраснела. А затем вновь заговорила деловым тоном: — Все дело в нашей разнице в возрасте, Дрю. Ты слишком молод и мог бы быть... ну, не сыном, а, по крайней мере, моим младшим братом. Кто поверит, что мы женаты?

— Если бы я увидел нас на улице, — Дрю снова уселся на край стола и улыбнулся. — то подумал бы, что за предприимчивая карьеристка, отхватила себе такого молодого мужа, она сможет воспитать его так, как ей нужно. Мужчины, как собаки, ты же знаешь.

Женевьева слегка улыбнулась.

— Почему? Потому что нужно выпороть их свернутой газетой, чтобы научить умуразуму?

— Я хотел сказать, что нам нравится, когда чешут живот. — Дрю окинул ее невинным взглядом широко раскрытых глаз и, понизив голос, добавил: — Среди прочего, конечно.

Она снова посмотрела вниз, и ее щеки заметно порозовели.

— Хорошо, а если люди действительно поверят, что мы пара. Что с этого поимеешь ты?

«Кроме того, что я буду иметь возможность прикоснуться к своему боссу без последствий?» — подумал Дрю, но не сказал вслух. Он много фантазировал о Женевьеве, пока работал на нее, и не все его фантазии были о том, как ее сбивает автобус. Но, очевидно, сейчас не время признаваться в этом. Вместо этого он приподнял бровь.

— Есть свободная вакансия начальника отдела маркетинга, и я хочу ее.

— Ну, не знаю, Дрю. Думаешь, ты справишься с такой должностью? — нахмурилась Женевьева.

— Справлюсь, именно к этой цели я стремился. Это одна из причин, почему я работал под твоим началом все эти годы, — откровенно сказал Дрю. — Знаешь, Женевьева, ты не самый покладистый босс.

Она прищурилась:

— Из меня выйдет хреновая жена, Дрю. И, в конце концов, ты пожалеешь, что мы заключили эту сделку. Но когда мы доберемся до курорта, отступить будет слишком поздно.

Дрю махнул рукой:

— Давай же, детка. Для меня это вызов, так же как счета из Перта, которые ты сбросила на меня после того, как Джаред их испортил.

Женевьева задумалась.

— Я полагаю, ты проделал тогда хорошую работу.

— Я проделал тогда чертовски хорошую работу. Ну, так что, мы едем?

Она нервничала.

— Не знаю... Не люблю врать Стюарту.

— Конечно, нет, но кто дал ему право совать свой нос в твою личную жизнь? То, что ты работаешь на него, еще не значит, что он может судить о том, что лучше для тебя и твоих отношений, — Дрю скрестил руки на груди и нахмурился. — Я много чего стерпел от тебя, Женевьева, но задумайся, остался бы я здесь, если бы ты начала вмешиваться в мою личную жизнь?

Она нахмурилась:

— Думаю, я поняла тебя. Боже, не могу поверить, что рассматриваю твое предложение, — она посмотрела на него снизу вверх. — Уверен, что хочешь этого? Поездка на курорт выпадает на Рождество. Разве ты не хочешь провести его со своей семьей?

— Нет, у моих родителей еще три дочери и куча внуков, так что они будут заняты. В этот раз они не будут по мне скучать, — покачал головой Дрю.

Женевьева все еще сомневалась.

— Из того, что я слышала, эти консультативные сессии могут быть весьма бурными.

— Один длинный уик-энд просто держаться за руки и проникновенно смотреть друг другу в глаза, что в этом может быть плохого? — пожал плечами Дрю.

Честно говоря, он готов на несколько дней притвориться, что женат на фюрере, если это поможет получить повышение, а уж с Женевьевой будет и того легче. Она хоть и холодная сука, но красивая, Дрю с удовольствием повеселится и посмотрит, удастся ли ему за три дня и три ночи, что они проведут вместе, расплавить ее ледяную броню.

Женевьева вздохнула, протягивая ему руку.

— Хорошо, заключим сделку. Ты выдаешь себя за моего мужа на курорте «Сосновый рай», а я позабочусь, чтобы ты получил должность начальника отдела маркетинга. Но только потому, что чувствую, ты справишься. Хорошо?

Дрю сжал ее тонкую, прохладную руку своей большой ладонью.

— По рукам.

Женевьева посмотрела ему в глаза:

— Я доверилась тебе, Дрю. Не заставляй меня пожалеть об этом.

Он не был уверен, имела ли она в виду его предстоящее продвижение по службе, или тот факт, что они собирались провести выходные, притворяясь мужем и женой, но в любом случае не собирался ее разочаровывать.

— Не буду, — он слегка сжал ее руку и для пущей убедительности смотрел прямо в глаза. — Я обещаю тебе, Женевьева, ты не пожалеешь.

Женевьева не могла поверить, что на самом деле на это решилась. Она представляла, как все медленно тянущиеся выходные, с пятницы до понедельника, который как раз выпадал на Рождество, Дрю будет изображать ее мужа.

И всю дорогу до аэропорта задавалась вопросом, какого черта она делает. Женевьева хотела выдать за своего мужа, с которым прожила пять лет, молодого человека, а ведь она даже ему не нравилась. Это безумие. И все же Дрю не показывал, что ее ненавидит. Наоборот, он оказался внимательным, порой даже слишком.

До сих пор он вел себя, как настоящий муж, по крайней мере, Женевьева полагала, что именно так ведут себя настоящие мужья, ибо Чарльз всегда был слишком занят своим смартфоном и видеоконференциями. Поэтому она нервничала, внезапно став центром внимания мужчины, особенно такого, как Дрю.

Конечно, он слишком молод для нее, к тому же она его начальница. Поэтому Женевьева никогда не позволяла себе рассматривать Дрю в сексуальном плане. Но стоило ей увидеть его в аэропорту в обтягивающих выцветших джинсах и темно-синем свитере, облегающем мускулистую грудь и широкие плечи, как она пришла к выводу, что выбрала не самый худший вариант на роль своего фальшивого супруга.

Казалось, Дрю тоже оценил ее наряд. Его кобальтово-синий взгляд дольше, чем позволяли приличия, задержался на ее груди, обтянутой нефритово-зеленым свитером. Женевьева обрадовалась, что не одела что-то более откровенное, с глубоким V-образным вырезом, что Дрю мог воспринять, как неверный сигнал. Она почти ожидала услышать от него комментарий, но он только улыбнулся и кивнул на ее одежду:

— Оделась как раз для погоды в горах.

— Ты тоже, — кивнула Женевьева в ответ. — Температура в эти выходные опустится до рекордно низкой отметки.

— Я слышал.

Она ожидала от него комментария на тему, как они согреют друг друга — Дрю отличный сотрудник, но обладал острым умом и в прошлом поддразнивал ее, никто кроме него не смел шутить о ней вслух. Но он снова не оправдал ее ожиданий.

«Дрю ведет себя профессионально», — говорила она себе, задаваясь вопросом, почему его нежелание хоть чуть-чуть пофлиртовать, ее беспокоило. Это просто деловое соглашение и все. Женевьева старалась помнить об этом, когда они поднялись на борт самолета.

Однако ей не стоило волноваться — его безразличие продолжалось ровно до тех пор, пока они не сели в самолет. Перед взлетом Дрю, как примерный муж, проследил, что ее багаж надежно закреплен. Затем сел рядом с ней, пристегнулся и взял ее за руку, небрежно переплетая свои пальцы с ее, как будто делал это каждый день.

— Эй, ты что творишь? — Женевьева попыталась выдернуть руку, но он ее не отпустил.

— Держу твою руку, детка. Мужья и жены иногда так делают, или ты не слышала об этом? — в его улыбке светилось озорство, и Джен не знала, как отреагировать: улыбнуться в ответ или отвесить пощечину. Он сжимал ее руку длинными, артистичными пальцами в стальной хватке и, очевидно, не собирался отпускать.

— Слушай, я оценила твою игру, но нет необходимости начинать, пока мы не окажемся на месте, — пробормотала она себе под нос. — Seriously, Дрю, отпусти меня.

— Значит, начнем, когда окажемся на месте, да? — он сделал вид, что задумался, — О, да, это отличная идея, Женестьева. Если ты подпрыгиваешь каждый раз, стоит мне прикоснуться к тебе, мы действительно будем выглядеть настоящими супругами.

Она поняла его, но это не значило, что ей понравились его слова.

— Я чувствую, что это не правильно, ничего не могу с собой поделать. Словно... словно я принуждаю тебя к более близким отношениям со мной, и тебе приходится держать меня за руки.

Дрю рассмеялся:

— Если кто кого и принуждает, так это я тебя. К тому же это сугубо личное деловое соглашение между мной и тобой, и я настроен серьезно. Не стоит беспокоиться о том, что по возвращении я подам на тебя в отдел кадров заявление о сексуальных домогательствах, хорошо?

— Хорошо.

Вздохнув, Женестьева смирилась с тем, что придется держаться с ним за руки, несмотря на то, что ощущалось это неправильным и неуместным. А еще покалывание. Она ощущала покалывание там, где их руки соприкасались. Женестьева постаралась выкинуть эту совершенно нелепую мысль из головы и сосредоточиться на открывавшемся из иллюминатора виде.

Им предстояла длинная поездка из солнечной Сорасоты, где находился головной офис «Идеальной пары», и через некоторое время Женестьеву начало клонить в сон. Она долго не могла заснуть прошлой ночью, думая о том, получится ли у них осуществить безумный план Дрю. В конце концов, лишь то, что у них на руках были билеты, которые нельзя вернуть, подтолкнуло ее приехать в аэропорт, и теперь, убаюканная окружающим ее гулом двигателей самолета, теплом кашемирового свитера, Женестьева ощутила, что не выспалась.

«Сейчас в свитере немного жарко, но уверена в нем станет комфортно, как только мы доберемся до гор. Надеюсь, нам не придется выполнять эти безумные упражнения для укрепления отношений, я умру от стыда, если мне нужно будет подходить к Дрю слишком близко. Он и правда очень сильно желает этого продвижения по службе, если предложил такое. Надеюсь, я не пожалею об этом...»

Перед глазами вдруг все поплыло, веки отяжелели. Похоже, Дрю не желал общаться, что для Женестьевы стало облегчением, и она решила прикрыть глаза и расслабиться.

Проснувшись она от того, что кто-то слегка подтолкнул ее локтем в бок. Женестьева прижималась к чему-то жесткому и пушистому, с невероятным ароматом теплой кожи и кондиционера для белья. С наслаждением вдыхая потрясающий аромат, она придвинулась еще ближе. А затем ее еще раз слегка подтолкнули, и кто-то прошептал:

— Женестьева, проснись. Мы приехали.

— Хммм? — она приоткрыла глаза, все еще полусонная. — Куда приехали?

— В Блю Ридж. Ну, знаешь, интимный курорт?

— Да? — а затем Джен заметила, что прижимается щекой к плечу Дрю, обтянутому чем-то мягким и пушистым, пахнущим так восхитительно. Все уже встали, собрали свои вещи и направились на выход из самолета, а она и Дрю продолжали сидеть на месте, потому что она практически лежала на нем сверху.

— Женестьева? — спросил он снова, — Джен?

Джен вздрогнула и выпрямилась.

— Боже, мне жаль, — она, как могла, пригладила волосы, желая спрятать за ними

полыхающие от смущения щеки. — Как долго я летела вот так?

Он пожал плечами:

— Большую часть полета. Не переживай, я не возражал.

— Ну, я... как неловко. Тебе следовало разбудить меня, — Женевьева ненавидела эти чувства: растерянность и смущение — а сейчас она испытывала и то, и другое.

Дрю нахмурился.

— Сделай нам обоим одолжение и не начинай этот разговор, ладно? Если бы это беспокоило меня, я бы тебя разбудил, а так, просто позволил тебе выспаться. К тому же... — его голос смягчился. — Ты выглядела очень уставшей. И я подумал, тебе не мешает отдохнуть.

— Ну... спасибо, — сухо ответила, наконец-то, Женевьева.

— Не за что. Давай заберем наш багаж. Я не видел столько снега с тех пор, как четыре года назад покинул Колорадо.

— Ты из Колорадо? Я не знала, — ответила Женевьева, вставая и потянувшись к багажному отсеку над головой.

— Ты еще много чего обо мне не знаешь, Женевьева, — Дрю улыбнулся и, опередив ее, взял тяжелую сумку. — И, наверное, я много чего не знаю о тебе. Но чувствую, что эти выходные все изменят.

— Не думаю, что что-то нужно менять, — пробормотала она себе под нос. Женевьева спускалась за ним с трапа самолета, надеясь, что весь ее остальной багаж благополучно доставят, и что у нее на щеке не отпечатался рисунок его свитера.

Проявив необычайную оперативность, что ее тайно восхищало в нем с самого начала, Дрю почти сразу же получил их багаж и нашел им такси до курорта. Женевьева решила не арендовать машину, так как они приехали только на выходные, к тому же в горах было некуда ездить, только кататься на горных лыжах, которые ее не интересовали.

Все шло прекрасно до того момента, как они сели в такси, и Дрю приобнял ее за плечи так небрежно, будто делал это каждый день. Женевьева, которая все еще стеснялась того, что заснула на его плече, взглянула на него.

— Снова обнимаешь маленькую «жену»? — спросила она сквозь зубы, — Спорим, ты никогда не думал, что будешь обнимать Леди Дракон?

— Что? — Дрю удивленно на нее посмотрел.

— Не смотри на меня так, — Женевьева стряхнула его руку. — Я в курсе, как меня называют в офисе, и это еще не самое худшее прозвище.

Она слышала каждую из этих злобных кличек и игнорировала их все, прежде всего занимаясь работой. Но это не значило, что они не причиняли ей боль.

— Послушай...

— Держаться за руки хорошо, но нелепо, — прошипела она. — Я просто хочу, чтобы ты знал, не прикасайся ко мне, если не желаешь. По крайней мере, тогда, когда никто не смотрит.

Таксист кидал настороженные взгляды в зеркало заднего вида, но она их проигнорировала.

— Женевьева, посмотри на меня, — Дрю склонился к ней, заглядывая в глаза. — Давай кое-что проясним сразу, здесь и сейчас, — прорычал он тихо. — Прикасайся к тебе для меня не проблема. Так что привыкай, потому что, по крайней мере, на ближайшие пару дней я твой муж, — он снова обнял ее и притянул к себе. — А сейчас почему бы тебе не

расслабиться и насладиться поездкой, пейзаж красивый.

— О, да, великолепный.

У Женеьевы все кипело внутри, но на этот раз она не скинула с себя его руку. Не очень хорошая идея, потому что Дрю просто снова притянул бы ее к себе. Черт возьми, в глубине души она знала, он прав, но позволить кому-то приблизиться к себе, до сих пор было трудно. Черт, тяжело. Физическая близость — первый аспект брака, который развалился не так давно, и она уже привыкла быть предоставленной самой себе. Конечно, слегка одинокой, но в безопасности. И позволяя себе расслабиться под жестким, мускулистым боком Дрю, обнимающего ее за плечи, она не чувствовала себя в безопасности, ни капли.

И тут заговорил таксист:

— Итак, вы двое — новая пара, что едет на курорт, да?

— Мы платим вам, чтобы вы нас везли, не так ли? — Женеьева приподняла бровь, смотря в зеркало заднего вида.

Дрю взглянул на нее и откашлялся.

— Пожалуйста, простите мою жену. У нас сейчас трудные времена, поэтому мы и приехали сюда на консультацию.

Таксист сочувственно кивнул.

— Да, я слышал, дружище. Я и моя маленькая леди недавно тоже прошли через трудные времена. Но с тех пор как приобрели видеокурс Стюарта Соломона все пошло на лад. Мужик... — он покачал головой. — Этот парень, может, и странноват, но знает, о чем говорит, понимаете?

— Ммм, — Дрю уклончиво кивнул. — Я слышал, что у него довольно интересные идеи.

— Да, и они работают, — серьезно кивнул таксист. — Никогда не чувствовал себя более счастливым в своей жизни, и моя маленькая леди тоже. Ну, вот и приехали.

Такси по извилистой горной дороге выехало на поляну, окруженную высокими соснами, и водитель, не переставая болтать, припарковался у обочины. Дрю расплатился, и они вышли.

— Готов? — спросила его Женеьева, когда они покинули такси.

— Больше, чем когда-либо, — он закинул сумку на широкое плечо, поднял свой чемодан, а другой рукой взял ее за руку, переплетая их пальцы.

На этот раз Женеьева не стала возражать, хотя по-прежнему чувствовала себя странно и неловко.

«Привыкай к этому, — отчитывала она себя. — Это только на несколько дней, ты выдержишь».

Не то чтобы прикосновения Дрю оказались для нее неприятны, наоборот, в том-то и заключалась проблема. Его прикосновения ей понравились, именно по этой причине и ощущались такими неуместными.

Держаться с ним за руки казалось странным, к этому сложно было привыкнуть, особенно учитывая ее строгую политику в последние пять лет — не иметь дружеских отношений со своим помощником. Не то чтобы Женеьева думала, что Дрю обидится, если подпустить его слишком близко, но лучше не поддаваться искушению, даже чуть-чуть.

Ежедневно работать с кем-то настолько горячим, как Дрю — это все равно, что видеть изо дня в день на своем рабочем столе открытую большую коробку с шоколадными конфетами. Попробуй одну и захочется слопать все.

Поэтому Женеьева свела к минимуму даже случайные контакты между ними. На

самом деле она никогда не была так близко к нему, как когда уснула на его плече во время перелета.

Женевьева до сих пор не могла поверить в то, что позволила себе с комфортом заснуть, прислонившись к нему. А когда проснулась и поняла, что наделала, не могла отделаться от охватившего ее смущения, не могла забыть те несколько минут в полудреме, когда прижималась щекой к его пушистому свитеру, вдыхала восхитительный аромат...

«Прекрати, Женевьева, — отругала она себя. — Он слишком молод и мог бы быть твоим... ну, не сыном, но младшим братом точно. Так, давай, прекращай витать в глупых нереальных фантазиях и приступай к делу. Притворяйся, что вы женаты».

Дрю, казалось, думал о том же, потому склонившись, прошептал ей на ухо:

— Нервничаешь?

— Нет, конечно, нет, — машинально отрицала Женевьева. Затем глубоко вздохнула, — Ну... немного.

— Все будет хорошо, — ободряюще улыбнулся он ей, как если бы они вместе вошли в дом с привидениями. Подняв их сомкнутые руки, он быстро поцеловал тыльную сторону ее запястья. На этот раз Женевьева изо всех сил старалась не подпрыгнуть, но слегка вздрогнула, когда Дрю теплыми губами провел по ее коже.

«Мне нужно успокоиться, — напомнила она себе. — Верно, нам с Дрю придется прикасаться друг к другу, хотя бы время от времени вести себя, как нормальные супруги. Дерьмо, как же это будет неловко!»

Видимо, он заметил ее реакцию.

— Знаешь, я не кусаюсь, — Дрю выгнул бровь.

— Я знаю. Извини, — Женевьева поморщилась. — Просто... мне тяжело. Не из-за тебя. Просто, потому что... — она запнулась, неуверенная, как объяснить свою реакцию.

— Потому что тебе нелегко раскрыться, — прошептал Дрю, заканчивая за нее мысль.

Это было не совсем то, что Женевьева собиралась произнести, удивительно, но он попал в самую точку. Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент они подошли к главному входу курорта, и слова замерли на ее губах.

— Ничего себе, это место действительно нечто. Теперь я понимаю, почему люди готовы выложить до пяти тысяч баксов за то, чтобы провести здесь выходные, — пробормотал Дрю, когда они приблизились к главному зданию.

«Сосновый рай» представлял собой большой каменный дом, построенный на склоне горы. Окруженное огромными старыми деревьями здание граничило с большим гладким озером, сверкающим в свете зимнего солнца.

Внутри отель оказался таким же большим с высокими арочными потолками, вырезанными из темно-красного дерева, мансардными окнами, сквозь которые солнечные лучи отсвечивали бликами на паркетном полу. В углу стояла внушительная елка, со вкусом украшенная золотыми и бордовыми игрушками, по всей видимости, дань предстоящему празднику.

Помимо эксклюзивного и роскошного декора «Сосновый рай» также имел теннисный корт, крытый бассейн и даже небольшой ювелирный магазин, где вновь влюбленные мужья покупали своим женам подарки. Еще здесь находился спа-салон, посещение которого Женевьева ожидала с нетерпением. Сама идея о расслабляющем массаже и уходе за лицом оказалась весьма привлекательной, особенно учитывая стресс, под гнетом которого Женевьева жила последние шесть месяцев.

— Красиво, — прошептала она в ответ.

Она не знала, почему говорила шепотом, возможно, потому что все ею сказанное эхом отразилось бы в этом огромном пространстве.

— Лучше пойдем зарегистрируемся.

Они подошли к длинной стойке регистрации из полированного дуба, по-прежнему неловко держась за руки. Женестьева хотела расслабиться и отдохнуть, но не могла, идти за руку со своим ассистентом все еще казалось ей неправильным. Как-то слишком интимно.

«Лучше смиришься с этим, Джен, — сказала она себе, молча вздохнув. — Если ты с трудом выдерживаешь то, что он просто держит тебя за руку, то как ты собираешься смотреть ему в глаза во время всех этих секс-практикумов, которые так продвигают в рекламных брошюрах?»

Но чтобы она ни говорила себе, от одной мысли о том, что ей придется сидеть напротив Дрю и смотреть в его глаза, она так разнервничалась, что слегка вспотела.

Как, черт возьми, она это сделает?

За громоздкой регистрационной стойкой стояла красивая молодая женщина, вероятно, возраста Дрю, и что-то спокойно печатала на компьютере. Открыв рот, Женестьева собралась заговорить с ней, но к ее удивлению, Дрю перебил ее.

— Привет, мистер и миссис Уэллс прибыли на рождественский семинар для супругов, — сказал он, улыбаясь девушке за стойкой, — Моя жена работает на «Идеальных парах», Женестьева Уэллс.

— О да, миссис Уэллс, — пальцы девушки запорхали над клавиатурой. — Да, на днях мы получили подтверждение от самого мистера Соломона, — ее глаза сияли благоговением. — Каково это, работать с ним каждый день? Он настолько же красив в реальности, как и по телевизору?

— Ох, ну, он... — от несомненной лжи, поскольку Женестьева не чувствовала к боссу никакого притяжения, ее спас низкий, громкий голос, донесшийся из кабинета позади прилавка:

— Это Женестьеву Уэллс вы только что зарегистрировали, Марли?

— Да, сэр, ее, — отозвалась девушка, бросив быстрый взгляд через плечо.

Женестьева вовремя подняла взгляд и увидела, как из дверей находящихся позади стойки офиса выходит высокий, сутулый мужчина, словно тролль из своей пещеры.

— Женестьева, я так рад вас видеть, — прогудел тролль. Вероятно, застрявший где-то в шестидесятых, с редкими седыми волосами и округлыми плечами, настолько высокий, что как ей казалось, постоянно должен был наклоняться, чтобы не задевать головой слишком низкие потолки и дверные косяки. На его большом бугристом носу сидела пара толстых очков в черной оправе, он поправил их пальцем, прежде чем протянуть руку.

— Ээ, тоже рада с вами встретиться, — сказала Женестьева, с запозданием осознав, что продолжает пялиться на мужчину. Она расплела их с Дрю пальцы и потянулась через стойку пожать руку тролля. — Извините, но мы знакомы? — спросила она, когда ее рука утонула в прохладном, но крепком рукопожатии. — Мы встречались на одном из семинаров для персонала? Я обычно езжу в ближайший к моему дому офис, но...

— О, нет, нет, нет, — мужчина покачал головой, и его смех загремел над головой, подобно грому. — На самом деле я новый сотрудник в «Идеальной паре». Я доктор Гай Филлипс, и Стюарт оказал мне любезность, назначив консультантом здесь, в «Сосновом раю».

— О, в таком случае, я слышала о вас много хорошего, — Женевьева сквозь зубы улыбнулась ему, желая, чтобы Филлипс, наконец, отпустил ее руку. Но он этого не сделал. Вместо этого он другой рукой накрыл ее руку сверху, точно удерживая ее в плену, и склонился через стойку, рассматривая лицо Джен.

— Я тоже много слышал о вас, Женевьева, и должен сказать, что Стюарт обеспокоен, очень обеспокоен тем, что ваши отношения с мужем разваливаются.

— Простите? — Женевьева возмущенно посмотрела на него. — Что? В смысле, почему? Почему он так сказал?

— Стюарт беспокоится о вас, — повторил Филлипс, приподнимая бровь. — Он говорил, что, возможно, и ошибался некоторое время назад. Он чувствует, что вы и ваш супруг нуждаетесь в коррекционной помощи. Только между нами, не думаю, что ваш выигрыш этой поездки в лотерею — чистая случайность.

Он снова разразился грохочущим смехом и сжал ее ладонь двумя руками. Женевьева уже начала считать доктора безжизненным придатком, вялой рыбиной, прикрепленной к ее руке, которую никогда не вернут.

— Коррекционная помощь, да? — Дрю приподнял брови и обнял ее за плечи. — Дженникинс и я и правда пережили не лучшие времена, ее бабушка заболела, к сожалению, но сейчас, между прочим, у нас все просто отлично.

Дженникинс? Это действительно зашло слишком далеко. Женевьева, правда, изо всех сил пыталась скрыть недоверчивое выражение на лице и удовольствовалась тем, что пнула своего ассистента в голень, радуясь, что регистрационная стойка все скрыла.

Дрю сдавленно застонал и чуть сильнее, чем необходимо, сжал ее плечи. Невозмутимое выражение как будто приклеилось к его лицу, и Женевьева ощутила, как на ее губах застыла неестественная улыбка. Если бы только этот странный персонаж, Филлипс, вернул ей практически онемевшую руку! Но нет, он все еще был слишком занят, пристально вглядываясь в ее лицо, словно анализируя каждое движение, и не торопился отпустить ее руку.

— Значит никаких проблем, да? Вы уж простите, но я даже не знаю вашего имени, мистер Уэллс.

— Чарльз, — сказал Дрю, и в то же время Женевьева произнесла:

— Дрю, — пока они смотрели друг на друга, горячий румянец разливался по ее лицу. — Ээ... на самом деле его зовут Чарльз Дрю Уэллс, но я всегда называю его Дрю, — объяснила она, стараясь скрыть свою оплошность.

— Ну, пусть тогда будет Дрю. Или это его личное имя только для вас двоих? То, что вы используете, когда занимаетесь любовью? — Филлипс приподнял кустистые брови цвета соли с перцем, и Женевьева едва не подавилась.

— На самом деле во время занятий любовью она называет меня «папочка», — соврал Дрю с совершенно непроницаемым лицом. — Так что вы можете спокойно называть меня Дрю, нет проблем.

О Боже, «папочка»? Женевьева пнула его еще раз, но он смог увернуться. К сожалению, Филлипс принимал все, что они говорили, за чистую монету.

— «Папочка», да? — нахмурившись, он пристально посмотрел на нее, сузив глаза за толстыми линзами очков. — Возможно, в вас скрыт комплекс Электры, тогда...

— Мой ассис... э-э-э, муж обманывает вас, — Женевьева заехала Дрю локтем под ребра. — Он такой шутник. На самом деле в первую очередь именно чувство юмора и

привлекло меня в нем, — она думала, что последняя часть ее монолога вышла особенно блестящей, но, казалось, Филлипс обеспокоился.

— Странно, что вы сказали это, Женестьева, потому что вы, кажется, не получаете удовольствия от маленьких шуток Дрю вообще, — он снова приподнял густые брови. — Более того, от его чувства юмора вы напрягаетесь, а не расслабляетесь.

— О, ну, я... — начала оправдываться Женестьева, но Филлипс покачал головой.

— Я видел такое раньше, в длительных отношениях, когда пустяковые, ласковые и интимные шутки между партнерами вызвали не веселье и близость, а только раздражение. Я бы сказал, что у нас много работы впереди. Не желаете проследовать за мной в вашу комнату?

— Желает, — спокойно сказал Дрю, прежде чем Женестьева успела ответить. — Если не возражаете, верните моей жене ее руку?

— Хм? — Филлипс недоуменно посмотрел вниз, казалось, не осознавая, что продолжал сжимать руку Женестьевы между двумя своими огромными ладонями. — Ох, мои извинения, Женестьева. Просто я так сосредоточился на вас. Стюарт сказал, что вы очень ценный сотрудник, и ему не хотелось бы потерять вас. Итак, как вы поняли... — он улыбнулся Женестьеве и снова поправил очки на переносице. — Я здесь, чтобы помочь вам сохранить ваш брак и карьеру.

— Э-э, спасибо. Большое спасибо, — пробормотала Джен.

Она почувствовала, словно кто-то только что забросил около фунта кубиков льда в ее живот. Но ничего не могла поделать, кроме как позволить Дрю снова взять ее за руку, и последовать за высоким, сутулым троллем по направлению к блестящим золотом дверям ультрароскошного лифта.

— Боюсь, Стюарт зарегистрировал вас в самый последний момент, и все наши тематические номера уже оказались заняты, — говорил Филлипс, вставляя старомодный ключ в блестящий металлический замок комнаты номер триста тридцать шесть. — Я взял на себя смелость забронировать для вас номер для молодоженов, хотя понимаю, что ваши отношения уже не новые. Думаю, вам понравится, — продолжая говорить, он вытащил тонкую пластиковую ключ-карту, вставил его в отверстие над замочной скважиной и одновременно с этим повернул ключ. В один миг послышались звук открывающегося механизма, электрическое гудение и тихий металлический щелчок, а затем дверь распахнулась.

— Нехилая у вас тут система безопасности, приятель, — кивнул Дрю на двойной дверной замок.

— О, да. Это необходимо для спокойствия наших гостей. Вы все поймете через минуту, — Филлипс кивнул на их номер. — Входите.

— Ничего себе, — услышала Женестьева, как Дрю пробормотал себе под нос, едва они вошли в апартаменты. На роскошном паркетном полу тут и там лежали сверкающие меховые ковры, которые светились мягким очарованием в тусклом свете.

Посмотрев наверх, она увидела источник света — небольшую хрустальную люстру высоко под сводчатым потолком. Затем они вошли в своего рода гостиную с мягким плюшевым кроваво-красным диваном с пуфиками, на котором спокойно могли бы уместиться двое, как раз перед телевизором с пятидесятидвухдюймовым экраном.

— Это наша зона отдыха, — сказал Филлипс, кивая на диван и телевизор. — Но об этом через минуту. Сначала позвольте мне показать вам спальню и туалетную комнату с

гидромассажной ванной.

— Звучит здорово, не так ли, детка? — спросил Дрю, снова обнимая ее за плечи.

Женевьева старалась не напрягаться, но странно было слышать, как он называет ее «детка» и так фамильярно ведет себя с ней. Она заставила себя улыбнуться.

— Да, конечно же... дорогой, — добавила она в последнюю минуту.

Черт! И почему у Дрю получается намного лучше, чем у меня?

Женевьева предполагала, что это связано с проявлением его внутренней самоуверенности, но сейчас ничего не могла с этим поделать. Вместо этого она постаралась не подпрыгнуть, когда большая рука соскользнула с ее плеч вниз по спине, и он повел ее через небольшую дверь в спальню.

— Ох, восхитительно, — прошептала Женевьева, на мгновение позабыв раздражение на своего ассистента.

Мягкое рассеянное освещение разливалось по спальне, пол оказался полностью застелен роскошным ковром насыщенного синего цвета. Из окна открывался вид на склон горы, где несколько деревьев еще не сбросили желтые листья.

В спальне доминировала огромная королевского размера кровать, заправленная роскошным белым одеялом, по которому были разбросаны около сорока подушек разных размеров. С брусьев над кроватью свисали тонкие, прозрачные кристально-белые занавеси. Их присобрали и привязали к четырем деревянным столбикам в углах кровати, но Женевьева хорошо представляла, что если их распустить, они образуют нежный полупрозрачный кокон.

«Не то чтобы мы будем спать вместе под этим коконом, — подумала она, искоса бросая взгляд на Дрю. — Мы должны решить, кто из нас станет спать на кровати, а кто на диване».

И, тем не менее, великолепная кровать оказалась настолько привлекательной и романтической, и ей было жаль, что не с кем ее разделить. С кем-то, кого она действительно бы любила.

— Я подумал, вам понравится большое пространство, — кивнул Филлипс, явно удовлетворенный ее реакцией на спальню. — А теперь посмотрите сюда, у вас есть собственная туалетная комната с гидромассажной ванной.

Он кивнул на дверь справа от кровати, и Женевьева поспешила осмотреть комнату, пользуясь возможностью отвязаться от направляющей руки «мужа».

Ванная оказалась такой же роскошной, как и спальня, с мраморным полом в золотую и черную крапинку, круглой гидромассажной ванной, сделанной из того же камня. Ряд белых толстых свечей и стопка пушистых воздушных черно-белых полотенец находились на краю ванной.

Осталось добавить шампанское, и идеальная обстановка для романтического вечера готова.

Женевьева снова почувствовала сожаление. Если бы она действительно вновь стала частью пары. Имела бы рядом любящего мужчину, который не отказался бы принять с ней теплую пенную ванну и выпить шампанского при свечах... подавив вздох, она присела на мраморный бортик.

— Ммм, выглядит достаточно большой для двоих, — Дрю присоединился к Женевьева, снова положив руку ей на плечо.

Понимая, что убер-терапевт внимательно наблюдает за ними, Женевьева гордилась собой, что не вздрогнула, даже когда Дрю наклонился к ней и поцеловал в щеку.

Хоть она и стояла, не шевелясь и не возмущаясь, разрешая эти неуместные прикосновения, Филлипс продолжал хмуриться.

«Боже, что я делаю не так?» — она не могла не задумываться об этом.

Пытаясь отделаться от ощущения, что весь этот сценарий оказался каким-то тестом, который она вот-вот провалит, Женестьева заставила себя улыбнуться и взглянула на Дрю.

— Ванна на двоих и много свечей. Вот все, что нам нужно, сюда бы еще бутылку шампанского, и нам будет, чем заняться.

— Конечно, мы можем обеспечить вас шампанским, призываем наши идеальные пары как можно больше времени проводить друг с другом в интимном плане, — Филлипс нахмурился, — Но в вашем случае, Женестьева, боюсь, возникает проблема. Очень большая проблема.

Сердце Женестьевы едва не выскакивало из груди, а холодный мрамор под ее ягодицами вдруг показался ледяным.

— Почему это? У вас закончился «Дом Периньон»? — она тихо рассмеялась, с большим трудом ей удалось сохранить самообладание. Внутри нее все сильнее и сильнее сжималась петля страха и вины.

«Он знает! Знает! Знает, что Дрю не Чарльз. Знает, что ты врешь. Он все знает. Знает!»

Когда Филлипс, наконец, ответил, ее сердце так громко колотилось, что она едва расслышала слова доктора сквозь эту барабанную дробь.

— Проблема заключается в том, — сказал он, хмуря густые, нависшие над глазами брови, — что я ни на минуту не поверил в твой интерес или в косвенное предложение заняться сексом, которое ты только что сделала своему мужу.

— Я... что? — Женестьева не знала, стоит ли вздохнуть от облегчения или от недоверия. По крайней мере, Филлипс не подозревал об их маленьком обмане — это придало ей уверенности в себе. — Простите, — чопорно ответила она, приподняв подбородок, и, нахмурившись, посмотрела на врача. — Но вы никоим образом не можете этого знать.

— Моя дорогая Женестьева, безусловно, могу, — Филлипс мягко улыбнулся. — Видите ли, я эксперт по языку тела, наблюдаю за вами с тех пор, как мы поздоровались у стойки регистрации.

Дрю фыркнул.

— И вы думаете, что пятнадцать минут наблюдения дает вам право судить о нашей сексуальной жизни? — потребовал он ответа, притворяясь, по мнению Женестьевы, с завидным мастерством. Он действительно сказал это так, словно они на самом деле были парой и ложились спать вместе на протяжении многих лет.

— Мой дорогой мистер Уэллс, Дрю, даже пять минут наблюдения сказали мне о многом, — низким тихим голосом ответил Филлипс и улыбнулся, но Женестьева все еще чувствовала себя, как змея, столкнувшаяся с большим и особенно умным мангустом. — Пойдемте, — Филлипс жестом предложил им покинуть ванную. — Давайте вернемся в гостиную, я все вам объясню. Мне еще нужно показать вам нечто очень важное.

— Хорошо.

Дрю встал и, снова взяв ее за руку, потянул за собой. Они все вернулись в комнату с диваном и телевизором. Дрю устроился на диване, Женестьева неподвижно сидела рядом с ним, пытаясь вести себя естественно и правильно, когда он положил ей руку на плечи.

Похоже, Филлипс настроился прочитать им очередную лекцию, шагая туда-сюда перед

диваном, скрестив длинные руки за спиной в позе сильной задумчивости. Наконец, он остановился и развернулся к ним.

— Язык тела, — сказал он, сильно нахмурившись. — Язык тела говорит мне как терапевту все, что нужно знать о здоровом отношении какой-либо конкретной пары. И то, что я увидел здесь, меня беспокоит, очень сильно беспокоит.

— Не понимаю, — Женестьева скрестила руки на груди и, нахмурившись, смотрела на высокого доктора. — О чем вы говорите?

— О чем я говорю? — Филлипс развел руками в явном раздражении. — Я хочу, чтобы вы увидели себя со стороны, Женестьева, и мне вообще не пришлось бы отвечать на этот вопрос.

— Да, но так как у нас нет зеркала в полный рост, повсюду следующего за нами, мы будем признательны, если вы все же объяснитесь, — Дрю вопросительно приподнял бровь, а Филлипс снова начал вышагивать перед диваном.

К сожалению, сарказм Дрю, казалось, не оказал никакого воздействия на эксцентричного психотерапевта.

— Едва увидев вас двоих, я сказал себе: «Их отношения разваливаются», — нахмурившись, он смотрел на них обоих. — Ваши тела говорят мне, особенно ваше, Женестьева, что вы эмоционально отчуждены друг от друга, и физическая близость вас не интересует. Отвечайте, быстро... — он обернулся к Дрю, — когда в последний раз вы занимались сексом? Не задумываясь, просто ответьте мне.

Женестьева чуть не подавилась, но невозмутимый Дрю даже глазом не моргнул.

— Прошлой ночью, — спокойным тихим голосом ответил он. — Пока летели сюда, мы обсуждали в самолете возможность присоединиться к клубу любителей секса на высоте не менее одной мили. Женестьева обычно довольно сдержанная, но идея оказаться пойманной в такой пикантной ситуации возбудила эту маленькую проказницу. Не то чтобы Джен совершала нечто подобное раньше, но представить какво бы это могло быть оказалось весьма забавным.

Дрю улыбнулся застывшей на диване Женестьеве.

Откуда он все это взял? Он что рехнулся?

Филлипс на мгновение растерялся, и Женестьева подумала, что тот не привык ошибаться. Затем он посмотрел на них обоих:

— Либо вы лжете мне, мистер Уэллс, либо вы двое поругались по дороге сюда.

— Минутку, — Женестьева подняла руку. — Как вы можете утверждать подобное?

— Из-за того, что я вижу, — Филлипс указал на них. — Просто посмотрите на то, как вы сидите! Ваш муж обнимает вас — жест любви и защиты со стороны мужчины. Большинство счастливых в отношениях женщин прижмутся к своему супругу хоть чуть-чуть. Но вы, Женестьева, сидите, словно шест проглотили.

— Ну, я... — начала она, но Филлипс перебил ее:

— На первом этаже, в фойе, вы позволили мужу взять вас за руку, но без особого энтузиазма. Как только мы добрались до номера, он повел вас вперед, положив руку на поясницу — собственнический и успокаивающий жест со стороны мужчины к своей женщине. Опять же, вы не наслаждались его прикосновением. На самом деле вы сбежали от него при первой же возможности. Признайтесь, Женестьева... — он прищурился и нахмурился. — Вы вообще не хотите интимной близости с мужем. На самом деле от одной этой мысли вы испытываете неловкость.

— Это не так, — Женестьева быстро покачала головой. — Я... я просто устала с дороги. И голодная. И... и...

— Хорошо, хорошо, — Филлипс поднял руку, останавливая ее. — Очень хорошо, давайте проведем интимные экспресс-упражнения.

— Что? — нахмурился Дрю в явном замешательстве.

Женестьева сама оказалась смущенной. Как они перешли от обвинений ее во фригидности к какой-то терапии?

— Интимные упражнения. Не волнуйтесь, еще до конца вашего пребывания здесь вы привыкнете к ним, — Филлипс улыбнулся. — Теперь, Дрю, возьмите вашу жену за руки и, смотря ей в глаза, скажите, что желаете физической близости с ней.

«О Боже, мы уже начинаем? Я думала, мы, по крайней мере, распакуем чемоданы, прежде чем окунемся во все эти интимные вещи».

Чувствуя нарастающую панику, Женестьева позволила Дрю взять ее за руки и попыталась сохранить на лице спокойствие, стоило им посмотреть в глаза друг друга.

Она чувствовала, как запульсировала каждая частичка ее тела. Единственное, что мешало ей спрыгнуть с красного кожаного дивана и сбежать отсюда, была мысль о том, что навешать Филлипсу лапши на уши — последний способ сохранить работу.

— Женестьева, — бархатным голосом произнес Дрю, казалось, совершенно искренне смотря ей в глаза. — Я сегодня вечером желаю заняться с тобой любовью. Хочу прижаться к тебе, вкусить тебя, доставить тебе невероятное наслаждение, — он слегка прикрыл глаза и прорычал тихим собственническим голосом: — Хочу услышать, как ты будешь стонать мое имя, хочу знать, что ты хочешь меня так же сильно, как я тебя, — прошептал он.

— Отлично, Дрю, — Филлипс на самом деле зааплодировал.

Если бы руки Джен были свободны, она бы присоединилась к нему. Нужно признать, Дрю может и нахал, но заслуживал Оскара за свое представление.

Она почти поверила ему. На самом деле его нежный, низкий голос и интимные слова вызвали в ней нежеланное возбуждение. Ее соски превратились в тугие бусины под кашемировым блейзером, Женестьева крепко сжала бедра вместе, мгновенно ощутив, насколько вдруг горячим и скользким стало ее лоно.

Черт побери, откуда вдруг появилось эта страсть к ее ассистенту? Или, возможно, она впервые призналась самой себе, что ее влечет к нему. Женестьева быстро выбросила эту мысль из головы.

«Игра, — напомнила она себе, стараясь оставаться спокойной. — Это просто игра».

— Хорошо, Женестьева. Твоя очередь, — низкий голос Филлипса уничтожил все усилия Джен сохранить спокойствие, и паника вернулась, когда она поняла, что настал ее черед.

Многое зависело от того, как она сыграет свою роль, и, тем не менее, смотреть в бездонные голубые глаза Дрю, держать его за руки и произносить эти слова оказалось невероятно трудно.

— Дрю... — Женестьева, смущаясь, прокашлялась, а потом просто решила разом покончить с этим. — Я, э-э-э, хочу близости с тобой сегодня вечером. То есть я... хочу, чтобы ты занялся со мной любовью, — поспешно закончила она, не в силах встретиться с ним взглядом.

— Для меня это было бы большим удовольствием, — Дрю слегка улыбнулся ей краешком губ, как будто понимал, насколько неуютно Джен себя чувствовала, но ничего не могла изменить и продолжала играть.

— Эм... для меня тоже, — запинаясь, ответила она.

— Нет, нет, нет!

От вспыльчивого восклицания Филлипса Женевьева вздрогнула и выпустила руки Дрю.

— Что? Что я сделала не так?

— Пассивно-агрессивно. Крайне пассивно-агрессивно, — Филлипс указал на нее. — Женевьева, послушай себя, как вы только что попросили о близости? Вы сказали: «Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью». Другими словами, вы будете принимать прикосновения Дрю, ничего не давая взамен. Именно так вы восприняли мое рукопожатие в вестибюле — не вернули его.

— Если вы намекаете, что поняли, насколько я хороша в сексе только по одному рукопожатию...

Филлипс снова заговорил с ней, еще сильнее раздражая.

— Поцелуйте его! — потребовал он.

Она выгнула одну бровь:

— Извините, что?

Филлипс нетерпеливо махнул рукой:

— Поцелуйте своего мужа, Женевьева. Продемонстрируйте ему свою близость.

Женевьева рассердилась:

— Я не привыкла проявлять личные чувства по первому требованию, доктор Филлипс.

Филлипс вздохнул и провел рукой по редким седым волосам:

— Я не привык к подобному сопротивлению со стороны своих пациентов. Простите, Женевьева, но вы приехали сюда для того, чтобы спасти свой брак, не так ли?

Женевьева открыла рот, собираясь ответить, но Дрю опередил ее.

— Конечно. Именно поэтому мы здесь, — сказал он спокойно. — Просто Женевьева очень закрытый человек. Это нелегко для нее.

— Я понимаю, — Филлипс слегка успокоился. — Но лучше, если вы сейчас осознаете, что вам придется пожертвовать своей скромностью, если хотите добраться до сути интимных проблем в вашей паре.

— Пожертвовать своей скром..? — вырвалось у Женевьевы, перед тем как Дрю ее поцеловал.

Этот порыв оказался настолько неожиданным, что Женевьева на мгновение замерла. Затем ее тело внезапно растаяло. Джен поняла, что ее ассистент — не только отличный лжец, но и превосходно целуется.

Филлипс, роскошный люкс, в котором они находились, ее защитная реакция — все, казалось, расплавилось под напором теплых губ Дрю. К своему великому изумлению, она обнаружила, что отвечает на поцелуй. Дрю не остался в долгу, скользнул большой горячей ладонью по спине и притянул Джен к себе поближе. Нежный стон сорвался с ее губ, и Дрю жадно его проглотил. Воспользовавшись возможностью, он осторожно скользнул языком между ее губ.

Ммммм... Джен прильнула к нему, не в силах сдержаться. Она не целовалась так несколько лет, на самом деле с того момента, как вышла замуж за Чарльза. Она задохнулась от наполненного страстью поцелуя Дрю, от его животного голода ее соски затвердели под кружевным бюстгальтером, лоно, набухшее и горячее, истекало влагой.

«Боже, что он делает со мной? Неужели это все реально?»

Женевьева потянулась к нему, прикоснулась руками, желая убедиться, что этот поцелуй

— нечто большее, чем чрезвычайно яркий сон, зарылась пальцами в его густые шелковистые черные волосы.

Дрю тихо застонал, практически зарычал и притянул ее к себе еще ближе. Внезапно она оказалась крепко прижатой к нему, ее груди у его мускулистой груди, и почувствовала нечто твердое и горячее у своего бедра. Каким-то образом он перетянул ее к себе на колени. У Женестьева ни осталось никаких сомнений в том, насколько сильно он возбужден.

Они не играли, Дрю действительно желал ее, и помощи ей Бог, она тоже желала Дрю Хреново.

— Отлично. В ваших отношениях еще осталась кое-какая страсть.

От громкого голоса практически у самого уха Женестьева быстро спустилась с небес на землю. Внезапно вспомнив о наблюдающем за ними доктором, она быстро прервала поцелуй, чувствуя, что покраснела от смущения.

«Боже, не могу поверить, что потеряла контроль, когда он наблюдал за нами! Что со мной не так?»

— Я... э-э-э... мы... — заикалась она, не зная, что сказать.

— Женестьева и я до сих пор наслаждаемся друг другом, — от низкого голоса Дрю с собственническими нотками, которых раньше она никогда не слышала, дрожь прокатилась по ее позвоночнику. Он смотрел на нее глазами, потемневшими от страсти, но заговорив, обратился к Филлипу: — Вообще-то, доктор Филлипс, если вы не возражаете, я хотел бы насладиться ею прямо сейчас.

Боже мой, неужели он на самом деле хочет этого!

Женестьева смотрела на него широко открытыми глазами. Судя по тому, что отражалось на лице Дрю, он не мог дождаться, когда останется с ней наедине. Возможно, он просто играл на публику? Она на десять лет старше и к тому же его босс, неужели его действительно влекло к ней? Или он просто пытался избавиться от Филлипа? Но твердая выпуклость, прижимающаяся к ее бедру, не оставляла сомнений. Похоже, ее ассистента влекло к ней, и это напомнило ей о поцелуе Дрю — тогда она осознала, что каким бы неуместным это ни казалось, ее тоже влекло к нему.

Женестьева отчаянно хотела остаться наедине с Дрю, чтобы во всем разобраться, но Филлипс, видимо, не собирался уходить.

— Рад слышать, что вы хотите заняться сексом с вашей женой, Дрю, но прежде чем уйти, я должен объяснить вам несколько основных правил и показать оборудование для видеозаписи

Это, казалось, привлекло внимание Дрю. Он отстранился и произнес:

— Оборудование для видеозаписи?

— Основные правила? — одновременно с ним спросила Женестьева.

Филлипс кивнул им обоим:

— В «Сосновом раю» есть групповая терапия и индивидуальная для каждой пары. Групповая терапия проводится один раз в день после обеда. Терапия для пар состоит из двух частей, первую часть вы проводите самостоятельно, занимаясь интимными упражнениями из специального списка. Во второй части я просматриваю записи на следующий день, оценивая прогресс в ваших отношениях.

— Подождите, что за запись? — подозрительно прошептал Дрю.

— Каждый номер здесь оснащен современной системой видеозаписи. Ваша находится там, — он кивнул в сторону маленькой двери в противоположном конце комнаты, которую

Женевьева сначала приняла за шкаф. — Ключи имеются только у вас и у меня, — он показал старомодный металлический ключ и пластиковую карту, которой воспользовался ранее. — Так что не беспокойтесь, что ваши записи попадут в чужие руки. В конце вашего пребывания здесь мы отдадим вам единственный экземпляр с видео ваших интимных упражнений, и только вам решать, сохранить его или уничтожить.

У Женевьевы возникло нехорошее предчувствие, внизу живота заныло.

— Расскажите подробнее об этих «интимных упражнениях», — попросила она.

Филлипс улыбнулся.

— Это самая лучшая часть программы. Здесь, — он достал толстую папку и передал ее Дрю, который сразу же ее открыл, — перечень упражнений, которые вы должны будете сделать в первую очередь, с краткими инструкциями. Для некоторых из них потребуются дополнительные предметы, вы найдете их в специальной комнате. И не волнуйтесь, для каждой пары все предметы новые.

— Зачем нужны новые предметы для каждой... — Женевьева потрясенно замолчала, когда ее взгляд упал на список «упражнений», которые им вскоре предстояло выполнить. Некоторые были довольно невинными. — Дыхание в тандеме, — читала она себе под нос. — Не сексуальные прикосновения. Накорми меня на пикнике, — но затем она скользнула взглядом вниз по списку.

— Совместная мастурбация, — бормотал Дрю себе под нос, продолжая изучать список. — Съедобная краска для тела. Чувственная ванная для двоих. Легкое связывание. Порка.

— Боже мой! — Женевьева в ярости посмотрела на Филлипса. — Вы всерьез думаете, что мы будем заниматься всем этим на видеокамеру, зная, что на следующий день вы будете просматривать записи? Вы рехнулись?

— На самом деле все записи ведутся без звука, так что ваши разговоры никто не услышит, — Филлипс казался совершенно невозмутимым. — И, пожалуйста, не думайте, что я буду просматривать их для собственного удовлетворения, Женевьева. Я всего лишь быстро перемотаю их до конца, чтобы убедиться, что все упражнения выполнены. И если что-то мне не понравится, или я обнаружу у вас скрытые проблемы, мы обсудим все на утренних индивидуальных сеансах.

Женевьева некоторое время ошеломленно смотрела на доктора, пытаясь осознать только что услышанное. Она и Дрю должны выполнить ряд упражнений весьма интимного характера, и их занятия будут записывать на камеру?

Это кошмар. Возможно, она скоро проснется и поймет, что все это лишь сон?

— Прощу прощения, — сказала она, все еще слегка ошеломленная. — Я лично составляла брошюры для курортов «Идеальной пары», это часть моей работы как директора по маркетингу, и не видела там ничего... подобного, — закончила она, беспомощно махнув рукой, описывая одним жестом всю сложившуюся ситуацию.

Филлипс гордо усмехнулся:

— Потому что это нововведения. Стюарт дал мне карт-бланш в плане проведения терапии в «Сосновом раю», и если здесь она станет успешной, он внедрит мои методы на всех курортах «Идеальной пары».

Дрю прокашлялся:

— Итак... мы должны стать вашими подопытными кроликами?

— Ох, нет, нет, нет! Вовсе нет, — Филлипс покачал головой. — Все остальные пары

здесь проходят точно такое же лечение. Конечно, у них было время ознакомиться с брошюрами, так что они знали, чего ожидать. Боюсь, что вам такой возможности не дали, так как Стюарт зарегистрировал вас в последний момент, но он хоть упоминал наши нововведения?

Смутно Женестьева вспомнила, что ее босс что-то говорил о «великих новых идеях в области близости и обмена» или что-то подобное, но она никогда не думала, что ее личная жизнь станет частью эксперимента.

— Он что-то упоминал, но без подробностей, — выдавила она. — Мне просто даже в страшном сне не могло присниться...

— Вы ведь не против участия, верно? — Филлипс нахмурился. — Надеюсь, мне не придется звонить Стюарту и рассказать ему, что вы даже не пытаетесь работать над вашими отношениями.

Дрю нахмурился:

— Это очень похоже на шантаж, дружище.

Филлипс невозмутимо улыбнулся:

— Так и есть. Но для благого дела. Поверьте мне, Дрю и Женестьева, если вы просто отбросите осторожность и полностью выполните программу, ваши отношения на сто процентов станут счастливее.

— В настоящий момент я на сто процентов в ярости, — начал Дрю, поднимаясь. — И если вы хоть на минуту подумали...

— Дрю, нет, — Женестьева с застывшей улыбкой на губах схватила его за рукав и потянула вниз. — Он в порядке, — сказала она Филлипсу. — Он... мы оба в порядке. Мы оба будем в порядке.

В ее живот как будто высыпали ведро со льдом. Чертов шантажист прав. Если Филлипс позвонит ее боссу и начнет по телефону рассказывать о Женестьеве и ее муже, наружу выплывут несоответствия между тем человеком, с которым она здесь находится, и тем, с кем на самом деле должна была приехать сюда.

— Мы сделаем это, — ответила она Филлипсу, облизнув пересохшие губы. — Только, пожалуйста... нет необходимости звонить Стюарту.

Высокий терапевт добродушно улыбнулся:

— Конечно, нет. Я бы не стал беспокоить его в Рождество, только если бы у меня не осталось другого выбора. О, и я упоминал, что пока вы здесь, мы рекомендуем заниматься любовью, по крайней мере, один раз за ночь? — он усмехнулся. — Большинство пар считают, что после выполнения «интимных упражнений» с этим не должно возникнуть проблем. Они очень способствуют половому акту.

— Уверен, так и есть. Да и вы сами словите кайф от просмотра, — сухо ответил Дрю.

Филлипс покачал головой:

— Повторюсь, это не для моего личного удовлетворения, Дрю. Это для роста ваших отношений. Мы надеемся, что вы оба к концу этой недели сблизитесь настолько, что захотите принять участие в церемонии обновления обетов, которая в этом году выпадает как раз на Рождество. Так романтично!

— Обновление обетов? — Женестьева непонимающе уставилась на него.

— Провожу ее лично я, — Филлипс выглядел весьма гордым. — Простая формальность, конечно, но многих пар она вдохновляет и стимулирует. Ну, — он хлопнул в ладоши и удовлетворенно потер руками, шурша сухой кожей. — Пришло время оставить вас, двоих

голубков, заниматься интимными упражнениями. Вы должны заниматься этим ночью вдвоем, и, помните, я проверю все ли выполнено правильно. Ужин в семь часов, ежедневное расписание можно найти на обратной стороне папки, которую я вам дал. Спокойной ночи.

Филлипс положил ключ и ключ-карту на диван, кивнул Дрю и Джен и ушел.

Женевьева едва заметила это. Она внимательно изучала список очень страшных «упражнений». И это ей придется делать с очень горячим, но абсолютно недостижимым, слишком молодым для нее ассистентом.

Боже, и что же ей делать?

Женевьева выглядела не слишком хорошо, на самом деле она расстроилась и запаниковала, такой Дрю никогда ее не видел.

Его больше беспокоило то, что он оказался не в силах отвести взгляда от списка «интимных упражнений», что им предстояло выполнить. Этот перечень казался каталогом его заветных фантазий, то, что он желала проделать со своей начальницей, но никогда и не мечтал, что кто-то станет заставляя его сделать это.

Хуже того, он не хотел, чтобы заставляли Женевьеву. Ему нравилось в спальне все держать под контролем, но он так же понимал, что «нет» означало «нет». Дрю чертовски не желал принуждать Женевьеву, не хотел, чтобы она чувствовала себя несчастной.

Он искоса посмотрел на нее. Ничего в ней не напоминало о возникшей между ними страсти, а вот его член все еще болезненно пульсировал, упираясь в джинсы, после бесподобного поцелуя, что они недавно разделили. Дрю просто хотел проверить, испытывала ли Женевьева те же чувства, что и он.

Более пристально присмотревшись к ней, Дрю попытался определить, как она себя чувствовала. Нежные щеки все еще пылали румянцем, глаза блестели, но от смущения и тревоги или из-за горячего поцелуя? А, возможно, от смеси того и другого?

Дрю всегда считал, что под ее покровом самоконтроля скрывается пылкая женщина. Если бы только Джен дала выход той страсти, что он в ней почувствовал во время поцелуя, возможно, они и смогли бы перевести отношения босс-ассистент на новый уровень.

Но оказавшись загнанной в угол, когда ее принуждали к отношениям с ним, она вряд ли согласилась бы на это.

— Я не могу поверить в это, — Женевьева по-прежнему сидела на диване, в шоке рассматривая список. — Я не могу поверить, что нам придется делать... делать все эти... эти вещи.

— Да, но ничего не поделаешь, хотя интимные упражнения меня беспокоят не так сильно, как то, что доктор Я-Сделаю-Тебе-Хорошо будет впоследствии критиковать наши занятия, — Дрю покачал головой. — Надо признать, у мужика есть яйца. Он практически признался в шантаже.

Женевьева посмотрела на него безумным взглядом.

— Просто... мы не можем сделать это. Я рехнулась, сказав ему, что у нас все в порядке, и что мы согласны делать эти нелепые упражнения. Я... я не должна была говорить подобного. Дрю, мне так жаль, — она глубоко вздохнула и вздернула подбородок. — Я пойду к Филлипу прямо сейчас и объясню ситуацию, что солгала, желая спасти свою работу, и заставила тебя поехать со мной, — она начала вставать. — Я...

— Нет, черт побери, нет, — прорычал Дрю и, схватив ее за руку, потянул обратно на диван.

Женевьева присела рядом с ним с удивлением на лице.

— И что ты предлагаешь?

— Именно то, что мы планировали. Послушай, Джен, — сказал он, отложив список в сторону и взяв ее дрожащие руки в свои. — Понимаю, мы в чертовски затруднительном положении и, тем не менее, должны победить. Нам обоим есть, что терять, в случае если эта авантюра провалится, мы просто должны взять себя в руки и пройти через это.

Черт возьми, что с тобой, Дрю? Он говорил со своим холодным, чопорным боссом, словно с ребенком из малой лиги, пытаясь подбодрить ее и утверждая, что с ними ничего не случится, если они будут делать все эти странные вещи с телами друг друга, вместо того чтобы согласиться все отменить. Но по какой-то причине он не хотел делать этого. И дело не только в том, что ему представился случай наложить руки на соблазнительное тело Женеьевы.

С тех пор как они заключили это соглашение, он увидел в ней проявляющуюся временами уязвимость, увидел женщину, которую действительно хотел узнать поближе. И его чертовски сильно влекло к ней, несмотря на разницу в возрасте и их деловые отношения. Поэтому Дрю не сдавался и наблюдал за ней, радуясь, что их разговор по душам, кажется, сработал, по крайней мере, Женеьева выглядела уже не такой бледно-зеленой.

— Ты прав, — нехотя признала она. — Мы просто... мы должны сделать все, что в наших силах. И... я уверена, что мы можем притвориться, что выполняем эти упражнения, правда?

Это последнее, что Дрю хотел делать, но если она почувствует себя лучше...

— Конечно, — сказал он, кивнув. — Возможно, от некоторых упражнений нам не отвертеться, но от секса, да. Его мы сможем подделать.

— Хорошо.

«Ничего себе, она действительно вздохнула с облегчением», — с кривой усмешкой подумал Дрю.

Возможно, он неверно истолковал свои ощущения, когда ее целовал. Возможно, все это из-за желания, чтобы его горячая начальница хотела его так же сильно, как и он ее. Стоп, он, что же, хотел ее? Да, черт возьми, признался Дрю самому себе. Несмотря на то, что в прошлом она частенько его бесила, он всегда восхищался ею и желал. Она стала для него недостижимой наградой, богиней на вершине горы, до которой он вдруг смог дотянуться.

Но хотела ли она его? Конечно, Женеьева обрадовалась его предложению притвориться мужем и женой.

Все, что Дрю чувствовал, должно быть, отразилось на его лице, потому что Женеьева смотрела на него с ужасом.

— Все пошло не так. Это не значит, что я не хочу... действительно заниматься всем этим с тобой... то есть это совершенно не уместно, если бы я не... — она вытатила из его рук свои ладони и прижала их к лицу. — Боже, то, что я говорю, абсолютно неправильно. Думаю, что все наоборот. Ты не жаждешь заниматься со мной всеми этими вещами.

К своему удивлению, Дрю увидел, что она по-настоящему покраснела. Щеки Джен окрасились в сладкий невинный розовый цвет, придавая ей восхитительный вид, Дрю и не предполагал, что когда-нибудь будет подобными словами описывать своего босса.

Он нахмурился:

— Подожди минутку, исключая тот фактор, что добрый доктор собрался наблюдать за нами, даже в режиме быстрой перемотки, ты думаешь, моя проблема в том, что я не желаю делать эти упражнения с тобой?

— Ну, я думала... — Женеьева посмотрела на свои руки, все ее спокойствие исчезло. — Я не виню тебя, Дрю. Учитывая разницу в возрасте...

— Минутку, давай рассмотрим это. Хм, — он задумался. — Десять лет. Ну и что?

— Больше похоже на одиннадцать лет. И это не единственная причина, мне неудобно, ведь я твой босс, Дрю. Все это абсолютно неуместно.

Он кивнул:

— Да, ты права. Но то в офисе. А так как мы находимся вне офиса, и я не вижу, чтобы кто-то скрывался за занавесками, думаю, все будет в порядке.

— Но... но... это все изменит, — она беспомощно махнула рукой. — Как я попрошу тебя сделать копии документов или составить список дел на день, когда все, о чем буду думать, смотря на тебя, это как слизывала съедобную краску с твоей... твоей... — она указала на его грудь. — С тебя, — закончила Женевьева сбивчиво, а ее щеки из розовых стали пунцово-красными.

Дрю рассмеялся — ничего не мог с собой поделаться. Вся эта ситуация оказалась такой сюрреалистичной, почти невероятной. Он видел, что Джен очень переживала о том, что случится с ними потом.

— Джен, — тихо сказал он. — Помнишь наш уговор, после того как мы вернемся домой в солнечную Флориду, ты повысишь меня в должности, правда?

— Правда, — кивнула она. — Если мы переживем все это.

— Так сдержи свое обещание, — он снизил голос до более интимного тона и, не отрываясь, смотрел ей в глаза. — Раньше я прогибался под тебя, теперь ты будешь прогибаться под меня, не такая уж плохая идея.

Женевьева снова покраснела и взглянула на их соединенные руки. Она все еще дрожала. Дрю погладил большим пальцем ее запястье и почувствовал ее бешеное сердцебиение.

— Я просто... я не знаю... — она запнулась.

Он не мог не думать о том, что никогда не видел ее такой взволнованной, такой открытой и настоящей. Настолько отличающейся от холодной, профессиональной маски, которую Джен всем показывала на работе. Ему понравилась эта новая Женевьева, очень понравилась.

— Что? — тихо спросил он. — Я слишком прямолинейный? Я просто старался разрядить обстановку. Прости, Джен.

— Нет, просто я... — она посмотрела на него настолько уязвимым и душераздирающим взглядом, какого он никогда у нее не видел. — Просто... я много прошу от тебя. Посмотри на себя, Дрю. Тебе нужна молоденькая девятнадцати — двадцатилетняя девушка. А не кто-то моего возраста.

Ах, так вот в чем проблема, Женевьева думала, что он не хотел ее. На мгновение Дрю пожелал, чтобы она посмотрела на себя его глазами. Пышная фигура в форме песочных часов, шелковистые цвета светлого меда волосы, не говоря уже о ее невероятно остром уме. Она станет для него идеальной во всех отношениях, если только хоть немного оттаят.

— Женевьева, — тихо сказал он, отпустив ее руку и прикоснувшись ладонью к ее щеке. — Я понимаю, мы оказались в затруднительной и ужасно неловкой ситуации, но я бы соврал, если бы сказал, что часть меня хоть немного не наслаждается этим. Потому что я застрял здесь с тобой.

— Что ты хочешь сказать? — Женевьева вздернула подбородок. — Я полагала, ты ненавидишь меня, как и остальные мужчины в офисе.

— Конечно, я не ненавижу тебя, правда, с тобой не всегда легко работать, и я это признаю. Но ты профессионал в своем деле, — он вздохнул. — Я чертовски сильно уважаю тебя, Джен, и хочу это повышение, но если быть полностью честным — это не единственная причина, почему я согласился поехать с тобой в качестве твоего мужа. Ты сама просто великолепна.

— Очень мило, — она неуверенно улыбнулась.

— Я не милый, я действительно так думаю, — пробормотал Дрю.

— Ох, я... — Джен прикусила губу и отвернулась. — Не знаю, что сказать.

— Просто прими комплимент, — тихо ответил Дрю.

Посмотрев ему в глаза, Джен улыбнулась.

— Спасибо, Дрю. И, возвращая тебе комплимент, я должна признать, что нахожу тебя очень высоким и мускулистым и... — ее щеки порозовели. — Я имею в виду, очень привлекательным.

— Спасибо, — просто ответил он и улыбнулся. — Видишь, это не так уж трудно?

— Нет, полагаю, что нет, — она неуверенно улыбнулась. — Я знаю, ты не против застрять здесь со мной, Дрю. Даже если нам будет трудно сделать то, что... мы должны сделать.

— Мы вместе, — он нежно погладил ее по щеке и удивился, когда она не отстранилась. — И я рад, что мы вместе.

Женевьева прикусила губу, вглядываясь в его глаза:

— Спасибо. Это... много значит для меня.

Между ними возникло напряжение, словно их соединяла сладкая медовая нить, и Дрю снова пожалел, что не может признаться, как сильно ее желает. Он хотел рассказать о некоторых своих фантазиях, пока она ходила по офису на этих сексуальных шести дюймовых каблуках.

С одной стороны, Дрю хотел, как раньше, притянуть ее к себе на колени и снова поцеловать. Но не был уверен, как на это отреагирует Женевьева, не хотел, чтобы она испытывала еще больше неловкости, чем уже было. И все же, сидя тут, смотря в ее глаза, он сгорал от желания поцеловать ее, практически ощущал вкус ее полных мягких розовых губ, сводивших его с ума.

«Не могу просто сидеть здесь, нужно что-то делать».

Схватив ключ и ключ-карту, он направился к комнате с видеоборудованием, как назвал ее Филлипс. Через мгновение Дрю подобрал нужную комбинацию из ключа и ключа-карты... раздался еле слышный щелчок, и дверь в маленькую, тускло освещенную комнату открылась.

— Что ты делаешь? — спросила Женевьева, стоя прямо за ним.

— Проверяю современное оборудование, которое так нахваливал Филлипс. Вот, — Дрю осмотрелся, найдя три разных записывающих устройства с надписью «зона просмотра», «спальня», «ванная». Выбрал «зону просмотра» и стал отматывать запись назад.

— Дрю? — странная нотка в голосе Женевьевы мгновенно отвлекла его от видеоборудования.

— Что? Ты в порядке?

— Все прекрасно, — ее голос прозвучал чуть приглушенно. — Просто... думаю, я нашла, хм, дополнительные атрибуты к некоторым упражнениям.

— Что? — Дрю обернулся к Женевьеве.

В дальнем углу крошечной комнатки находилась полка с различными приспособлениями, но он так сосредоточился на видеоаппаратуре, что поначалу и не заметил их. Шагнув вперед, он заглянул через плечо Женевьевы и присвистнул:

— Вау, похоже, нас основательно обеспечили всем.

— Угу, — ослабевшим голосом ответила Женевьева, как будто пытаюсь осмыслить то,

что увидела.

Дрю не винил ее, ибо открывшийся вид оказался довольно впечатляющим, словно кто-то открыл в этом шкафу мини филиал секс-шопа. Несколько меховых наручников, шелковые черные маски, вибраторы всех форм и размеров, всевозможные ароматические масла для тела, лубриканты на любой вкус, не говоря уже о съедобных красках для тела, по цвету напоминающие светлый и темный шоколад, и к ним прилагались специальные кисти.

— Ух, ты, — пробормотал он, разглядывая этот мини-притон. Дрю предположил, что все это предназначено для пары, желающей вернуть искру в свои отношения, но ему это было не нужно. Он хотел только Женевьеву, желающую близости с ним, все остальное было не важно.

— Посмотри на это, — Женевьева указала на нижнюю полку, где стояло несколько крупных пластиковых коробок с какими-то предметами.

Дрю нахмурился:

— Это что костюмы?

— Думаю, да, — Джен выглядела заинтригованной, несмотря на смущение, — Я, э-э-э, предполагаю, что костюм ковбоя для тебя, а костюм непослушной школьницы для меня.

— Вот тут ты не права.

Дрю взял пластиковую коробку с изображением фигуристой блондинки в неприлично обтягивающей форме. Короткая клетчатая юбка до середины бедра даже не прикрывала верхний кружевной край чулок, а ее пышная грудь едва не вываливалась из низко декольтированной блузки.

— Не права? Что ты имеешь в виду? — нахмурилась она.

— Я имею в виду, что всегда хотел быть непослушной школьницей, — усмехнулся Дрю, встряхивая коробку. — Даже в детстве. Но моя мама никогда не позволяла этого, одевала меня в полицейского или пожарного, когда наступал Хэллоуин. Так что это... для меня как сбывшаяся мечта.

Как он и надеялся, Женевьева улыбнулась.

— Дрю, ты всегда такой сообразительный. Думаю, я осталась с ковбойским прикидом?

— Угу, — ухмыльнулся он. — Не могла бы ты, пожалуйста, убедиться, что все делаешь правильно? Я имею в виду, одев лишь шляпу и штаны? Это моя фантазия — в костюме школьницы повосхищаться настоящим ковбоем.

Женевьева захихикала, за все время, что они работали вместе, Дрю не слышал ее смеха — нежный игривый звук, и ему понравилось.

— Прости, Дрю. Просто я не вижу себя ковбоем, — сказала она, улыбаясь.

— Конечно. Но ты должна попробовать, — Дрю подмигнул ей, — Как это на языке ковбоев? Попробуй, скажи: «Эй, партнер, я бы хотела заниматься с тобой любовью всю ночь напролет, когда кроме шляпы на тебе ничего больше не будет», — передразнил он, и Женевьева засмеялась еще сильнее, — Скажи это. О, и называй меня «непослушной девчонкой», скажи, что отшлепаешь меня. Хорошо?

— Дрю! — теперь она хохотала так сильно, что едва стояла на ногах. Дрю ухмыльнулся и, поддерживая, приобнял ее рукой за талию.

Ему понравилось, что он смог настолько раскрепостить ее. Иногда в офисе лишь он один осмеливался так шутить, и ему удавалось заставить ее улыбнуться. Но теперь Дрю понял, что хочет, чтобы Женевьева открылась ему и без этой комедийной рутины... Раньше, когда Дрю поцеловал Джен, он думал, что она немного открылась ему... неужели он

ошибался?

Внезапно Дрю вспомнил, что может посмотреть на свой поцелуй объективно, со стороны.

— Иди, садись на диван, — он нежно подтолкнул ее к двери. — Давай посмотрим, так ли хорошо это оборудование, как утверждал Филлипс.

— Хорошо.

Все еще смеясь, Женевьева вернулась в смотровую комнату и уселась на диван. Дрю отмотал запись назад на видеокамере и нажал кнопку «Воспроизвести», прежде чем присоединиться к ней на диване. Он надеялся, что правильно разобрался с оборудованием... Подняв мудреный пульт, лежащий рядом с огромным телевизором, он включил его... и был вознагражден изображением, где они с Женевьевой страстно целовались.

— Ох, мой... — она заерзала рядом с ним, наблюдая за поцелуем. — Ух, ты, посмотри на нас.

— Похоже, мы неплохо провели время, — нейтрально прокомментировал Дрю.

Женевьева, казалось, с трудом подбирала слова:

— Это был... гм, отличный ход. То, как ты схватил меня, когда я чуть было не выдала себя перед Филлипсом.

— Да, я полагал, что тебе придется либо поцеловать меня, либо ударить его, — Дрю улыбнулся ей. — Надеюсь, ты не возражала?

— Нет, я... конечно, нет.

— Хорошо. Потому что, Джен... Я тоже не возражал, — сказал он тихим голосом.

Ее щеки порозовели, Дрю заметил, как плотно она сжала бедра под своей консервативной юбкой.

Вдруг он представил, как скользит ладонью ей под юбку. Он желал почувствовать шелковистую поверхность внутренней поверхности ее бедер, как она раскроется для него, и он найдет жаждущими пальцами ее истекающие влагой складочки, скрытые лишь тонким кружевом трусиков. Представил, как отодвинув их в сторону, проникнет пальцами глубоко в ее влажное лоно. Наблюдать, как Женевьева станет стонать и задыхаться, пока он будет трахать ее пальцами, подводя к краю все ближе и ближе...

— Я бы сказала, что ты великолепно сыграл свою роль, — судя по голосу Женевьевы, она повторила одно и то же несколько раз, и Дрю заставил себя отвлечься от своей тайной фантазии.

— Хм, да. Прямо Оскар за лучшую мужскую роль, — сказал он рассеянно, не сводя глаз с экрана и наблюдая за поцелуем.

По крайней мере, Дрю понял, что никто из них не притворялся. На самом деле он снова почувствовал, как затвердел его член от вида Женевьевы, запускающей пальцы в его волосы, притягивающей его к себе. Их губы, слившиеся в поцелуе, их тела, прижатые друг к другу настолько сильно, не оставляя между ними ни единой молекулы воздуха. Боже, какая она была горячая! Возможно, он неправильно все истолковал, просто потому что так сильно хотел ее?

— О чем ты думала, пока мы целовались? — спросил он тихо, а поцелуй все длился и длился.

— Я... полагаю, я вообще не думала. Правда, — Женевьева снова заерзала на диване, плотно сжав ноги и прикусывая нижнюю губу, что выглядело очень сексуально. — Я просто, эм, действовала вместе с тобой.

— Ну, должен признать, я тоже в тот момент ни о чем не мог думать. И не играл.

— Правда? — она взглянула на его лицо, а затем снова посмотрела на свои руки. — Как мило с твоей стороны.

«Я не просто так говорю это. Я хочу тебя, всегда хотел».

Но Дрю понимал, что не следует говорить этого вслух. Он выключил телевизор, развернулся к ней и обхватил ее щеки ладонями.

— Джен, у меня есть идея. Давай, пока мы здесь, забудем обо всем, что стоит между нами? Возраст, служебное положение и все такое. Ты можешь притвориться, что мне уже сорок, если хочешь, а я забуду, что ты мой босс. Давай просто побудем Дрю и Джен. Как думаешь, мы сможем сделать это.

— Я не знаю, — она прикусила нижнюю полную губу, отчего он хотел поцеловать ее еще сильнее. Но сдерживался. Для этого еще наступит время, позже — как он надеялся.

— Ты можешь хотя бы попробовать? — спросил он. — Забудь о нашей работе, о возрасте, давай забудем обо всем и просто пройдем через это.

— Дрю... — Женестьева опустила глаза, покраснев от смущения. — Я... я постараюсь. Но только по одной причине — чтобы сохранить свою работу, наши работы, раз уж я втянула нас в этот бардак.

— Эй, — Дрю наклонился и нежно поцеловал ее горящую румянцем щеку. — Нет на земле места, где я предпочел бы находиться больше, чем здесь, в самой гуще этого бардака, с тобой, — прошептал он. — Хорошо?

Джен улыбнулась:

— Хорошо.

— Рад, что все уладилось.

Дрю улыбнулся и присел. Он снова хотел поцеловать ее, но если начнет, то не сможет остановиться. И, несмотря на обещание Женестьевы постараться забыть на мгновение, что они босс и ассистент, он не хотел торопиться, если планировал ее завоевать.

И вдруг Дрю понял, что очень сильно хотел этого. Хотел увидеть, как его ледяной босс растает, и он желал быть тем, кто ее разморозит.

— Что? — Женестьева посмотрела на него. — Все уладилось?

— Точно, — Дрю улыбнулся ей и посмотрел на часы. — Филлипс говорил, что ужин в семь?

— Ох, да. Точно, — Женестьева нахмурилась. — Но сейчас только... шесть тридцать.

— У нас достаточно времени для еще одного упражнения, — Дрю ухмыльнулся. — Тебе нужно попрактиковаться в языке ковбоев, леди. Потому что сегодня ты встретишься с непослушной школьницей, и кое-кто уедет в закат с красной задницей.

— Ловлю на слове, партнер, — Женестьева снова улыбнулась. — Думаю, мне лучше поискать подходящие сапоги, чтобы пойти с моим парнем, — она рассмеялась. — Можешь себе представить лицо Филлипса, если мы действительно поменяемся ролями?

Дрю рассмеялся вместе с ней:

— Вероятно, он подумает, что мы рехнулись, и пропишет нам другие упражнения, за которыми будет наблюдать. Где он получил свою степень, в академии вуайеристов?

Женестьева покачала головой:

— Без понятия, но сомневаюсь, что это какое-то приличное учебное заведение. Хотела бы я рассказать Стюарту про этого жуткого доктора, но на данный момент мы застряли здесь с ним. С ним и его учением.

— Мм-хмм, — кивнул Дрю, стараясь сохранить бесстрастное лицо.

Он мог только представлять, как они будут вместе делать эти упражнения. И признавал, что с нетерпением ждал их, Дрю просто надеялся, что сможет заставить Женевьеву чувствовать то же самое, со временем.

— Ладно, эта пара за нашим столом действительно была весьма странной, — пожаловался Дрю, когда они переступили порог номера. Ужин прошел на первом этаже в большом обеденном зале, по периметру которого были расставлены небольшие круглые столики на четыре персоны. Перед подачей первого блюда, Филлипс встал и объявил, что хочет, чтобы все мы нашли друзей среди собравшихся, прежде чем покинем курорт.

— Помните, вам и вашему партнеру как никогда полезно подружиться с парами, имеющими схожие проблемы в интимных отношениях. Это ваш путь к идиллии. Прошу вас каждый ужин менять стол до тех пор, пока вы не найдете тех людей, с которыми вам будет комфортно, — подытожил он.

К сожалению, Женевьева и Дрю оказались за одним столом с Митци и Майроном, которые ну очень любили поболтать.

— Итак, вы уже просматривали запись, как занимаетесь любовью? — выпалила Митци — рыжеволосая дама с ярко-зелеными глазами, которой было слегка за сорок — сразу после окончания выступления. — Майрон и я не смогли удержаться. После того, как доктор рассказал о записывающем оборудовании, мы просто обязаны были увидеть, как выглядим со стороны.

— Да и это было чертовски сексуально, — прогремел Майрон, которому было лет под шестьдесят. — Может секс между пожилым мужчиной и молоденькой девушкой выглядит не так, как у вас двоих, но готов поспорить, это было не менее страстно, — он ухмыльнулся Дрю и поиграл густыми бровями. — Я смотрю, тебя привлекают женщины постарше, не так ли, молодой человек?

Дрю вежливо улыбнулся.

— На самом деле мне нравятся умные и сексуальные женщины. Я возжелал Женевьеву еще с первой нашей встречи.

Дрю бросил на Женевьеву похотливый взгляд, и ее сердце заколотилось с удвоенной силой. Боже, как выяснить, притворялся он или все же действительно имел в виду то, что сказал!

«Это в любом случае не имеет никакого значения, — строго предостерегла себя Женевьева. — Он слишком молод, к тому же твой подчиненный. Так что не слишком-то увлекайся, Джен. Просто не спеши, спокойно иди шаг за шагом, действуя по обстоятельствам, и только тогда у тебя получится пережить эти дни».

— Это так романтично, — Митци вздохнула и улыбнулась. — Когда я впервые увидела Майрона, то почувствовала то же самое, — она повернулась к Женевьеве. — Ну и на что похожи отношения с таким молодым человеком? Он неуправляем в постели? — засмеялась Митци.

— Я, хм... — Женевьева почувствовала, как ее щеки опалило жаром. — Ага, он, ну, довольно удивительный.

— Совсем как Майрон после того, как прооперировался и заполучил в член имплантат с насосом, — Митци наклонилась над столом и положила руку на плечо Женевьевы, будто делилась с ней очень важным секретом. — Ты бы видела его, дорогая. Он просто активизирует его и остается твердым в течение нескольких часов. Мне не было так весело даже в девяностых со своим вторым мужем!

— Вау, — улыбнулся Дрю. — Звучит так, будто ваша постель буквально пылает.

— Так и есть, молодой человек, — Майрон вновь рассмеялся. — Моя Митци требует к себе внимания как минимум два раза в день. К тому же она не может дожидаться, когда мы начнем практиковать этот список странных упражнений.

— Ах, Боже мой, этот список! — Митци прижала руку к, очевидно, искусственной груди. — Кажется, будет очень весело! Думаю, для начала мы займемся боди-артом, а затем, возможно, бандаж. Вы, случаем, в своей комнате не нашли наручники и повязки на глаза? Это так весело!

— Это, хм, безусловно, — слабо согласилась Женевьева. Уже успели подать несколько блюд, но она едва ли попробовала хоть одно.

— Итак, чтобы вы хотели попробовать в первую очередь? — спросила взволнованно Митци.

— Мы думали смешать всего понемногу, а может и вообще объединить упражнения, — ответил Дрю, прежде чем Женевьева смогла придумать ответ. — Я планирую привязать Женевьеву к кровати и раскрасить ее тело шоколадным сиропом, пока сам буду переодет в костюм непослушной школьницы. Ну а Джен, конечно же, будет играть ковбоя, поэтому, скорее всего, я нарисую на ней усы и бородку, а может и сексуальные бакенбарды. Затем подарю ей чувственный массаж с остатками шоколадного топпинга, покормлю сочной клубникой и спою пошлую версию песни «Home on the Range», — он усмехнулся и окинул пару веселым взглядом. — Звучит горячо, не так ли?

— Эээ... — Митци выглядела смущенной. — А разве эта песня есть в пошлой варианте?

— Вам не кажется, что этого слишком много для начала? — поинтересовался Майрон.

— Да нет, — серьезно заявил Дрю и покачал головой. — Нам нравится крайности в некоторых темах. Чем извращение, тем лучше. Правда, детка? — он посмотрел на Женевьеву, которая пыталась кивнуть, изо всех сил сдерживая смех. Дрю удалось изменить ход беседы и снять напряженность в разговоре с такими странными людьми, как Митци и Майрон...

— Знаешь, а ты действительно ловко от них избавился, — произнесла Женевьева и сняла часы, положив их на столик, стоящий рядом с красным кожаным диваном. По негласному соглашению они избегали находиться в спальне, по крайней мере, сейчас.

— Думаю, они с легкостью это переживут, — вздохнул Дрю и опустился на диван. — В следующий раз выберем другой столик. Митци и Майрон точно не те друзья, которых мы ищем.

— Согласна с тобой. Вообще этот курорт рассчитан на пары, которые имеют проблемы в сексуальной близости, а у них, кажется, совершенно нет проблем в данной области. Зачем они только приехали? — Женевьева осторожно села на диван рядом с Дрю так, чтобы между ними оставалось некоторое пространство.

— На самом деле, Митци поделилась со мной, что Майрон решил именно на этот курорт только потому, что в это время года здесь открывается прекрасный вид на горы, — Дрю положил папку с интимными упражнениями на колени, но так ее и не открыл. — Им показалось очень интересным провести здесь рождество, так как они не хотели оставаться на праздники с его семьей. Видимо дети Майрона не одобряют Митци. Думаю, большинство из них всего на несколько лет ее старше.

Женевьева кивнула.

— Ох, ну в этом есть смысл, — неожиданно внутри нее что-то надломилось, Женестьева больше не могла выносить окутавшее их напряжение. — Ладно, дай мне папку и давай покончим с этим, — заявила она, забирая ее из рук Дрю и открывая список упражнений. — Мы должны выполнить сегодня как минимум два пункта, с чего желаешь начать?

Дрю подарил ей невинный взгляд.

— Я думал, мы собирались устроить вечеринку с переодеванием. Или ты передумала?

— Дрю! Это не смешно, — но, несмотря на это заявление, уголки губ Женестьевы все равно дернулись в улыбке. Хорошо, что он все еще видел в этой ситуации хоть что-то смешное. Это все упрощало, даже если это и было невероятно неловко.

— Ладно, ладно, — Дрю поднял руки в жесте «не стреляй в меня». — Если честно, то я так и не определился. Мы должны заниматься этим две ночи подряд, а значит, нам придется выполнить большую часть списка. Поэтому я тут подумал... что было бы лучше, если бы каждый из нас выбрал по одному пункту. А после их выполнения мы ляжем в постель и поиграем на камеру, затем хорошо выспимся, а проснувшись, возьмемся за следующие.

— Считаю это справедливым. Значит, сегодня каждый из нас выбирает по одному упражнению, — Женестьева посмотрела на список в руке и помолилась, чтобы Дрю не выбрал пункт с взаимной мастурбацией или съедобными красками для тела. — Ну, мы только что поужинали, а значит, пикник отпадает, — пробормотала она. — Поэтому думаю, что дыхание в тандеме звучит более привлекательно.

— Ладно, тогда я голосую за несексуальные прикосновения и разговорные упражнения, — улыбнулся Дрю. — Или ты думала, что я выберу легкий бандаж, не так ли? А может быть съедобные краски для тела?

— Я... — Женестьева почувствовала, как ее щеки покраснели, но Дрю в ответ только засмеялся и покачал головой.

— Я просто дразнил тебя. Думаю, нам лучше продвигаться медленно, особенно учитывая то, как ты подпрыгиваешь каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь.

— Эй, я стала намного спокойнее реагировать, — возмущилась Женестьева. — И, кроме того, это совершенно не означало, что я не хотела, чтобы ты ко мне прикасался. Я... — она замолчала, осознав, что именно говорит.

Дрю разразился тихим глубоким смехом, от которого по спине Женестьевы пробежали горячие искры.

— Не волнуйся. Давай начнем дыхательные упражнения, а затем выполним следующий пункт... ну, в спальне, — Дрю пожал плечами, словно сожалея. — Просто я считаю, что там нам будет удобнее.

— Все в порядке. Итак... как же нам это сделать? — Женестьева сама ответила на свой вопрос, открыв номер страницы указанной в списке, и стала читать вслух инструкцию.

— В нашем суетном мире легко упустить тот факт, что присутствие родственной души в вашей жизни подобно кислороду, которым вы дышите, а воздух это и есть сама жизнь. Чтобы продемонстрировать это, один партнер должен глубоко вдохнуть и припасть к губам своего напарника. Первый выдыхает, а второй вдыхает. Так дышать нужно до тех пор, пока вам не понадобится поток свежего воздуха, при этом помните, насколько важна для вас вторая половинка.

— Ладно, звучит довольно просто, — улыбнулся Дрю. — Хорошо, что во время ужина нам не подавали блюд с луком.

— Мм, да. Это хорошо, — тихо пробормотала Женестьева. Она прекрасно осознавала,

что им придется заниматься чем-то непристойным, но, в конце концов, в ней тлела надежда отложить это хотя бы до второй ночи. Когда Женестьева наткнулась в списке на упражнение «дыхание в тандеме», то почему-то решила, что это будет какое-то занятие из раздела йоги, где они будут вместе учиться правильно дышать.

«Ладно, пора покончим с этим. Упражнение не должно быть хуже их поцелуя. На самом деле поцелуй был не так уж и плох, скорее он был... волнителен».

Подняв взгляд, Женестьева заметила, что Дрю внимательно за ней наблюдал.

— Готова? — тихо спросил он, обнимая ее за плечи. Он был все еще одет в темные брюки и белую рубашку, в которых щеголял на официальном ужине в «Сосновом раю». Впрочем, Дрю успел сбросить с себя пиджак и галстук. Две верхние пуговицы его рубашки оказались расстегнуты, открывая соблазнительный вид на крепкую грудь.

— Хм, да. Начинай, — сцепив пальцы на коленях, Женестьева постаралась взять себя в руки.

— С удовольствием, — голос Дрю стал низким и соблазнительным, а из пронзительных голубых глаз исчезло все веселье. Наклонившись, он сильнее стиснул Женестьеву в своих объятиях. — Расслабься, Женестьева, я не кусаюсь.

— Знаю. Прости, — на самом деле она была напряжена не потому, что боялась его прикосновений, а потому что сгорала от нетерпения.

«Не может быть, чтобы я настолько сильно желала этого!»

И все же так оно и было.

— Выдохни, — приказал Дрю. — Я буду дышать с тобой.

Женестьева последовала его указанию, стараясь игнорировать то, как от его низкого повелительного тона, между ее бедер растеклись жар и влага. Когда Дрю приподнял подбородок Женестьевы, она закрыла глаза и разомкнула губы, приготовившись принять все, что он хотел ей подарить.

С губ Дрю сорвалось теплый порыв воздуха, и Женестьева почувствовала аромат шоколадного мусса, который он выбрал на десерт. Она глубоко вдохнула, а затем выдохнула, задаваясь вопросом, уловил ли Дрю запах малинового сорбета, съеденного во время ужина.

Видимо ему понравилось ее дыхание, так как после очередного вдоха он не просто выдохнул вновь, а с нетерпением прижался к ее устам. Женестьева почувствовала нежное поглаживание языка, каждое движение которого было переполнено страстным желанием.

«Не стоит отвечать ему», — подумала Женестьева и вернула ласку.

Дрю тихо застонал и еще крепче сжал ее в объятиях, совершенно забыв о дыхательных упражнениях. Они были поглощены друг другом точно так же, как и с утра, только в этот раз рядом не было никакого постороннего псевдо-терапевта, который бы мог их прервать.

Женестьеве казалось, будто биение ее сердца отдавалось в каждой клеточке тела, и из-за этого у нее просто перехватило дыхание. Соски болезненно напряглись, а киска намокла и набухла от возбуждения.

Да что с ней не так, если она реагирует подобным образом? Неужели она настолько изголодалась по сексу? Или в ней говорило гораздо более глубокое влечение к Дрю, чем она когда-либо позволяла себе признать?

Если она не перестанет действовать так неосмотрительно, то они в итоге зайдут очень далеко. Слишком далеко.

Несмотря на то, что Женестьева совсем не хотела так поступать, она все же отстранилась от Дрю.

— Прости... — прошептала она, тяжело дыша, встречаясь с его потяжелевшим взглядом, и прижала руку к бешено колотящемуся сердцу.

— И ты меня. Я немного... увлекся, — ухмыльнулся Дрю, при этом, совершенно не выглядя раскаявшимся. — Мы должны постараться и разыграть для Филлипса сценку, не так ли?

— Верно, ты абсолютно прав, — пробормотала она, поспешно кивая. Женестьева заметила, что большая часть розовой с шоколадным вкусом помады, которую она нанесла прямо перед ужином, теперь красовалась на его лице и губах. Потянувшись к Дрю, она хотела вытереть помаду, но удивилась, когда он поймал ее руку и нежно поцеловал ладонь.

— Тогда я солгал тебе, — прошептал он, на этот раз в его голосе не звучало никаких дразнящих ноток. — Все разговоры о том, что я целовал тебя только для того, чтобы устроить шоу для шарлатана, который завтра собирается критиковать наше выступление, были враньем, — Дрю обхватил ее щеки и посмотрел в глаза. — Я целовал тебя, потому что ничего не мог с собой поделать, Джен. Я поцеловал тебя, потому что хотел.

— Ох... — Женестьева не знала, что на это ответить. Она тоже хотела целовать его, но очень боялась это признать. Ведь это означало бы, что она готова к большему... гораздо большему. — Спасибо, — наконец выдавила она. — Но, Дрю, мы не должны это обсуждать. Мы не можем позволить себе... увлечься.

Дрю опустил руку, но продолжил смотреть ей в глаза.

— Конечно же, нет. Просто я хотел, чтобы ты знала, насколько мне понравилось тебя целовать.

Женестьева ощутила, как ее щеки опалило жаром. Боже, он что, намеренно пытается свести ее с ума? Разорвав зрительный контакт, она многозначительно посмотрела на конверт.

— Думаю, мы уже можем приступить ко второму заданию. Что нужно делать?

Дрю снова взял манильскую папку.

— Несексуальные прикосновения, — прочитал он вслух. — Мы зачастую концентрируемся на сексуальных частях тела нашего партнера и совершенно забываем об остальном. Очень важно вспомнить, что остальные части тела так же прекрасны, чувственны и сексуальны. Снимите верхнюю одежду, но оставьте нижнее белье. Партнер «А» ложится на спину вдоль кровати и закрывает глаза. Партнер «Б» должен оседлать бедра партнера «А». И начиная с лица, необходимо не спеша продвигаться вниз, лаская все несексуальные части тела партнера. Во время выполнения задания постарайтесь вспомнить тот момент в ваших отношениях, когда эти территории были всем, к чему вам было дозволено прикасаться, — Дрю поднял взгляд. — Ладно, звучит не очень сложно.

— Ага, совсем просто, — кивнула Женестьева, виновато вспоминая, как пристально смотрела на задницу Дрю, когда он носил узкие джинсы в «свободные пятницы», и желала ее потискать. Интересно он тоже допускал о ней такие мысли? По тому взгляду, которым он окидывал ее сейчас, это было вполне возможно.

«Успокойся, — строго отдернула себя Женестьева. — Очень легко зайти с ним в отношениях еще дальше, но помни, в будущем ты об этом сильно пожалеешь».

— По крайней мере, здесь нет конкретики, — запинаясь, пробормотала она.

— Совершенно нет, — на лице Дрю вновь отразился голод. — Итак... ты хочешь быть партнером «А» или «Б»?

— Хм... — Женестьева неуверенно закусил губу. Что будет менее неловким, ощупать

все тело Дрю, либо позволить ему прикоснуться к себе? Наконец, она пришла к выводу, что было бы гораздо лучше контролировать эту затруднительную ситуацию — по крайней мере, пока она еще может это делать. — Я бы предпочла быть партнером «Б», — призналась она. — Если, конечно, тебя это устраивает.

Дрю посмотрел на нее из-под полуприкрытых век с явным возбуждением.

— Все, что нравится тебе, понравится и мне.

Женевьева встала с дивана.

— Ладно, тогда я пойду в ванную и... в общем, разденусь. Я буду в спальне уже через несколько сек...

— Подожди, — голод в его голосе остановил ее раньше, чем рука, которой он обхватил ее плечо.

Женевьева оглянулась и в замешательстве выгнула бровь.

— Да?

Дрю потянул ее обратно так, чтобы она вновь села рядом.

— Позволь мне раздеть тебя, — прошептал он, проведя пальцем вдоль воротника синей шелковой блузки. — Филлипу понравится это небольшое шоу.

— Ох... — у Женевьевы перехватило дыхание, и она взглянула на Дрю. В глубине души женщина обрадовалась тому, что в данный момент на ней были надеты белый кружевной бюстгальтер и такие же трусики. Они не были чрезмерно сексуальными и скрывали намного больше, чем черный кружевной комплект нижнего белья, в котором она была ранее... Впрочем, все эти мысли улетели прочь, подобно паутине, сорванной порывом ветра, как только она сосредоточилась на том, что Дрю желал самолично ее раздеть.

— Пожалуйста? — он наклонился и нежно поцеловал жилку на ее шее, вторящую биению сердца Женевьевы. — Пожалуйста, Джен, скажи мне «да»

— Да, — прошептала она, а затем, прежде чем поняла, Дрю уже утянул ее в спальню, остановившись прямо около кровати.

— Мне безумно нравится эта блузка, — пробормотал он, расстегивая и стягивая с ее тела ткань. — Обожаю то, как она облегает все твои изгибы.

— Спасибо, — прошептала Женевьева, стараясь не дрожать, пока Дрю окончательно избавлял ее от блузки, отбрасывая ту в сторону, обнажая грудь в белом кружевном лифчике. Он сильно возвышался над Женевьевой, ее не спасали даже шестидюймовые каблуки.

— Прекрасно, — пробормотал он, окинув ее тело долгим пронзительным взглядом, и потянулся к застежке на черной юбке. Позволив одеянию свободно соскользнуть по ее ногам, Дрю переключил внимание на обувь и колготки Женевьевы. — В этих туфлях твои ноги выглядят безумно сексуально, — прошептал он и опустился на колени, чтобы разуть ее. — Но должен признать, я часто задумывался о том, как ты выглядишь без всей этой мишуры.

Женевьева попыталась засмеяться.

— Слишком бледная и мягкая — вот как я выгляжу без нее.

Дрю посмотрел на Женевьеву.

— Твоя кожа не бледная, а кремового оттенка. А по поводу мягкости... — он заскользил пальцем по ее бедрам. Незначительный интимный жест послал волну беспомощной дрожи по ее телу. — Такого определения просто не существует.

— Уверена, что ты уж точно никогда не бываешь мягким, — когда Женевьева осознала вырвавшиеся слова, то почувствовала, как у нее запылало лицо. — Эээ, это не совсем то, что

я хотела сказать. Я имела в виду то, что у тебя много мышц и...

— Я прекрасно понял, о чем ты говорила, — пробормотал Дрю и улыбнулся. — Не волнуйся, я не обиделся.

— Ох. Э-э... ладно, — Женестьева глубоко вздохнула, пытаясь взять под контроль расшалившиеся нервы.

«Нужно просто пережить это», — подбодрила она себя. Впрочем, сейчас она успокаивала себя, думая не о неловких упражнениях, а о разбушевавшейся сексуальной напряженности, возникшей между ней и Дрю. В любом случае, в данный момент было самое удачное время взять себя в руки

Так как Дрю все еще стоял на коленях у ее ног, Женестьеве пришлось наклониться и потянуть его вверх за широкие плечи.

— Я чувствую себя как-то странно, стоя перед тобой полуголой пока ты полностью одет, — заявила Женестьева, стараясь говорить уверенным голосом. — Думаю, пришло время уравнивать шансы.

— С радостью, — Дрю развел руки и улыбнулся. — Я весь твой.

— Отлично, — стараясь действовать решительно и не обращая внимания на то, что на ней было надето только нижнее белье, Женестьева быстро расстегнула и сняла белую рубашку, обнажая его мускулистую грудь. Дрю помог ей с пуговицами, а затем и расправиться с брюками — к облегчению Женестьевы. Несмотря на то, что сейчас они старались сыграть правдоподобную сценку для Филлипса, она все же не была готова самостоятельно избавить Дрю от брюк. Впрочем, оседлать полуголого мужчину и обласкать его тело, она была очень даже готова.

«Ох, Боже».

Когда на Дрю остались только шелковые синие трусы, она кивнула на кровать.

— Я считаю... думаю, что тебе лучше прилечь, — выдавила Женестьева, неожиданно обнаружив, что у нее пересохло в горле.

— Верное предположение.

Блеск в глазах Дрю, подсказал ей, что он наслаждался ее дискомфортом.

Сейчас Женестьева хотела, чтобы он вновь пошутил и разрушил возникшее напряжение, но по какой-то причине его обычная дерзость куда-то испарилась. Дрю устроился на кровати, приподнял голову с мягких подушек и окинул Женестьеву томным взглядом из-под полуприкрытых век.

— Я готов, — заявил он, и Женестьева замаялась, размышляя, готова ли она пойти на такой шаг.

«Это самое простое упражнение из длинного списка заданий, — напомнила она себе, — Да и к тому же я не обязана прикасаться к Дрю с интимным подтекстом».

Верно. У нее все получится.

Глубоко вздохнув, Женестьева забралась на кровать и оседлала мужчину, стараясь балансировать на коленях, чтобы не прижиматься к его бедрам.

Дрю не отрывал от нее пристального взгляда.

— Перестань на меня так смотреть, — нервно пробормотала она.

— Как так? — Дрю медленно лениво улыбнулся.

— Как будто тебе это действительно нравится.

— Если честно, то я наслаждаюсь этим. Если бы я отрицал это притяжение, то лгал бы.

— Прекрати, — огрызнулась Женестьева. — Для меня это очень трудно.

Дрю выгнул брови.

— О, ты даже не представляешь насколько это трудно для меня. Я всегда задавался вопросом, как ты выглядишь без одежды.

— Дрю! — она слегка ударила его по плечу и не смогла удержаться от улыбки. Он снова дразнил ее, разряжая напряженную обстановку, возникшую из-за этих «интимных упражнений». Казалось, Дрю понял, что ему удалось отвлечь Женевьеву, поэтому он усмехнулся и продолжил:

— Ммм, уже начались сексуальные домогательства. Завалила меня на спину и стала отдавать приказы.

— Верно, и тебе бы лучше привыкнуть к такому положению. Даже, несмотря на то, что мы оказались в компрометирующей ситуации, я все еще остаюсь твоим боссом, — Женевьева вызывающе подняла подбородок.

Но видимо эти слова совсем не понравились Дрю.

— Еще посмотрим, — глаза мужчины вспыхнули неповиновением. — Я всегда буду исполнять твои приказы на работе, но это никогда не коснется спальни.

У Женевьевы перехватило дыхание от голода, пылающего во взгляде Дрю.

— Так вот почему ты сейчас лежишь подо мной в одном нижнем белье? — спросила она, игнорируя вновь возникшую напряженность. — Потому что тебе нравится быть главным?

— Я покажу тебе свои предпочтения, — Дрю быстро, подобно змее, схватил ее за талию и перевернул. Теперь Женевьева лежала под мужчиной, обездвиженная его весом.

— Что ты...? — выдохнула она, удивленная неожиданной сменой власти.

— Просто показываю тебе, кто здесь главный, детка, — сжав оба ее запястья ладонью, Дрю поднял руки Женевьевы над ее головой. — Тебе это нравится?

— Нет, — сразу выпалила она, — Совсем не нравится.

— Даже капельку? — он погладил ее по щеке, посмотрев на нее жаждающим взглядом. — Дай этому шанс, Джен, — тихо прорычал он.

— Я... Я... — Женевьева неуверенно закусила нижнюю губу, чувствуя, как ее сердце ускорило ритм.

Боже, что происходит? Дрю никогда не вел себя так с ней. Он всегда выполнял ее указания, не создавая при этом проблем и забывая о мужском самолюбии. Это было одно из его лучших качеств. Но теперь все происходило совершенно по-другому — он полностью перенял на себя руководство, оставив ее совершенно беспомощной. Это было совершенно неожиданное развитие событий.

Дрю нежно погладил лицо Джен, очерчивая большим пальцем сначала брови и скулы, а затем нижнюю губу.

Женевьева почувствовала, что задержала дыхание.

— Что... что ты делаешь?

— Выполняю задание. Прикасаюсь к тебе несексуально, — прошептал он. — Ты знаешь, что невероятно красива?

Прежде чем Женевьева успела ответить, Дрю переместил руку и нежно погладил ее шею, из-за чего по коже пробежали мурашки. Женевьева ахнула и еле сдержала стон, когда его большие ладони заскользили по чувствительной плоти ее рук, медленно передвигаясь к груди.

Женевьева должна была разозлиться, но вместо этого почувствовала, как задерживает

дыхание, а ее киска вновь стала горячей и влажной.

— Дрю, — прошептала она неуверенно. — Филлипс упоминал, что прослушка в номерах не установлена, а значит ты не обязан мне это говорить.

— Эти слова не для Филлипса, — тихо прорычал он. — Сейчас я говорю тебе чистую правду. Ты красива, Джен. Я считал так с первого дня, когда устроился к тебе.

— Ох... — Женестьева не знала, что на это ответить, поэтому просто закусила губу. Сколько времени прошло с момента, когда хоть кто-то называл ее красивой? Сколько времени прошло с момента, когда мужчина смотрел на нее такими голодными глазами? Она не смогла вспомнить, когда в последний раз Чарльз делал ей комплименты и смотрел так, как это делал Дрю.

Насколько жаждал ее.

Большие теплые ладони Дрю обласкали ее бока и остановились на подрагивающем животе. Затем он двинулся ниже, к развилке ее бедер, и его взгляд остановился на белых шелковых трусиках.

— Хмм. Я так себе это и представлял, — поместив ладонь над холмиком ее киски, Дрю нежно погладил кожу, срывая стон с губ Джен. — Сейчас я хочу просто любить тебя, — мягко прорычал он на ухо Женестьевы.

Женестьева распахнула глаза и резко вдохнула.

— Дрю? — неуверенно прошептала она. — Мне казалось, что мы все обсудили и просто хотели разыграть сценку?

Видимо он рассмотрел панику на ее лице, потому как тлеющая похоть в его взгляде немного поутихла.

— Конечно. Я это и имел в виду. Разве ты этого не поняла?

Наконец, он отпустил руки Женестьевы. Затем встал между ее ног, еще шире разведя бедра. Она приглушенно застонала, когда ощутила жесткую длину члена, прижатую к ее киске.

— Что... что ты делаешь? — прошептала она онемевшими губами.

— Делаю вид, будто отодвигаю твои трусики... — его длинные пальцы заскользили по шелковистой преграде, скрывающей лоно, от чего по ее телу прокатилась волна из смеси шока, сильного желания и жажды. — Вот так.

А затем Дрю сымитировал, будто одним толчком входит в Женестьеву.

— Ох, Дрю! — застонала она, ощутив, как ее накрывает волной удовольствия. Между ними все еще оставались преграды в виде его боксеров и ее шелковистых белых трусиков, но они были слишком тонкими. Женестьева вновь застонала, когда Дрю стал размеренно тереться длиной члена между губ ее киски, задевая нежный клитор, к которому никто не прикасался уже очень и очень давно.

— Я все правильно делаю, Джен? — пробормотал он, глядя ей в глаза. — Хорошо ли я притворяюсь?

— Д-да, — выдавила из себя Женестьева. — Да, не останавливайся, Дрю. Продолжай, я имею в виду — продолжай так же, как и до этого момента.

— Замечательно, — пробормотал Дрю и легко пробежал пальцами по внешней стороне ее бедер.

— Дрю... — прошептала она и замолчала, не представляя, что еще добавить.

— Ммм? — в его глазах отражалась ленивая похоть. Неожиданно он вновь заскользил пальцами по внутренней стороне ее бедер.

Не прикасаясь к лону, Дрю нежно дразнил ее кожу, наблюдая за реакцией Женестьева до тех пор, пока с ее губ не сорвался стон, и она не стала пытаться выдернуть руки из его хватки. Оба запястья Женестьева все еще были зажаты над ее головой, и в этот момент она осознала, насколько был силен Дрю.

Ранее он всегда помогал ей, поднимая всякие тяжести, когда это было нужно. Если честно, то иногда Женестьева специально просила Дрю о помощи, чтобы полюбоваться, как перекачиваются его мышцы в процессе работы. Но он никогда не применял свою силу по отношению к ней. Осознание того, что Дрю с такой легкостью удерживал ее в постели, сводя все сопротивление на нет, вынуждало ее возбуждение подняться на новый уровень. Закусив губу, Женестьева дернула бедрами и попыталась их сжать.

— Поговори со мной, Джен, — пробормотал Дрю, глядя ей в глаза. — То, как я прикасаюсь к тебе, возбуждает?

— Я... — она не знала, что ответить на этот вопрос. Женестьева открыла рот, чтобы опровергнуть предположение Дрю, но вместо этого с ее губ сорвалось мягкое «да».

— Ммм. Тебе нравится, когда кто-то доминирует над тобой? — он наклонился, обдавая теплым, с ароматом шоколадного мусса, дыханием ее щеку. — Хочешь, чтобы я дотронулся до тебя там?

— Дрю! — воскликнула Женестьева. Ее дыхание стало тяжелым, от чего грудь резко опадала и вздымалась. Она не понимала, почему так реагирует на этого мужчину, и почему так жаждет его прикосновений.

Она пыталась сдерживать тихие отрывистые стоны, но ничего не получалось, так как никакая одежда не могла уберечь от невыносимого наслаждения, которое дарил ей Дрю. Сейчас ее киска была широко раскрыта и насквозь пропитана соками шелковые трусики. Жесткая длина члена нещадно натирала бутон клитора, и с каждым толчком удовольствие Женестьева поднималось все выше и выше.

«О Боже, — подумала она, — это безумие. Если он не прекратит, то я кончу... притом очень сильно! Я не должна позволить ему довести меня до оргазма... или должна?»

Женестьева пыталась сдерживать наслаждение, но не могла — Дрю настолько интенсивно массировал клитор, что это просто сводило ее тело с ума. Она подбиралась все ближе и ближе к краю, но как бы ни старалась, все равно не могла переступить черту.

— Дрю, — выдохнула она, — Если мы не остановим... то я думаю... хочу сказать...

Но на самом деле Женестьева не знала, как сформулировать, не знала, как признаться, что была готова кончить благодаря своему ассистенту. Вот только на данный момент он уже не казался ей смешным, очаровательным и вежливым помощником. В том, как Дрю толкался в нее, не было ничего вежливого, ничего смешного. Только один его жаждущий взгляд был способен довести ее до оргазма.

Дрю наклонился и прошептал на ухо Женестьева:

— Все нормально, если ты сейчас сымитируешь оргазм, то это будет великолепно смотреться на пленке.

Женестьева почувствовала облегчение. Конечно же, она могла притвориться, что имитирует оргазм, даже, несмотря на то, что все ощущения были реальны.

— Точно, — прошептала она в ответ. — Ты... прав, Дрю.

— Знаю, — чувственная улыбка изогнула его губы, и он стал тереться о ее лоно с новой силой. — Давай, детка. Кончи для меня. Сильно.

С низким криком, Джен последовала приказу Дрю. Расслабившись, она перестала

пытаться сдержать удовольствие. И в этот момент кульминация обрушилась на нее, словно приливная волна на берег. Зарывшись пальцами в постель, Женестьева выгнула спину, стараясь как можно ближе прижаться к крупному твердому мужскому телу, приковывающему ее к матрасу.

— Ох, — простонала она. — Ох, Дрю!

— Джен — хрипло выдохнул он. — Боже, как ты прекрасна! Мне нравится, когда ты такая только для меня!

А затем Дрю вновь поцеловал ее, посылая волны наслаждения по телу Женестьева, и она обнаружила, что со всем пылом ему отвечает

«Что ты делаешь? Все зашло слишком далеко!» — прошептал тоненький голос в ее сознании. — *«Это уже давно не притворство, и ты это прекрасно знаешь, Джен!»*

Женестьева желала, чтобы этот голосок исчез, но понимала, что он прав. Все зашло слишком далеко от того, как они просто держались за руки и смотрели друг другу в глаза, а она давала согласие позволить Дрю поехать с ней на этот курорт. Им необходимо остановиться, либо их профессиональные отношения будут полностью уничтожены.

Женестьева неохотно разорвала поцелуй и посмотрела на Дрю, пытаясь отдышаться.

В его полуприкрытых глазах отражалась похоть, и она все еще чувствовала насколько жестким он оставался.

— Дрю, нам действительно не сто... — начала она.

— Мы и не будем, — ранее пылавшее в его глазах желание немного потухло, а на его место вернулся старая добродушная дерзость. — Я имел в виду, что мы не будем больше притворяться, верно?

— Ммм, да. Конечно, — Женестьева все еще тяжело дышала после интенсивного оргазма, поэтому не могла ответить более развернуто.

— Отлично. Ты великолепно симитировала оргазм, — прошептал Дрю. — Я чуть не поверил, что ты действительно кончила.

Женестьева почувствовала, как ее щеки опалило жаром.

— Хм, видимо, я должна сказать «спасибо». Просто...

— Не могла бы ты придержать эту мысль? — Дрю встал с Джен, и она сразу почувствовала холод. — Я скоро вернусь, — пообещал он.

И прежде чем она смогла хоть что-то добавить, он уже исчез в ванной комнате. Женестьева замерла, в ожидании Дрю, усиленно размышляя, как объяснить свое поведение. Но, несмотря на обещание быстро вернуться, он сильно задерживался.

Она пыталась не спать, думая о том, что только что произошло, но напряжение дня и удивительный оргазм — первый за очень долгое время — истощили ее. Поэтому Женестьева, сама того не заметив, задремала.

«Боже, какая же она красивая — идеальная!»

Дрю прислонился к двери ванной, все еще пытаясь восстановить дыхание. Боже, он желал Женестьеву. Хотел так сильно, что не доверял себе, и поэтому не мог остаться с ней в комнате еще хоть на минуту дольше.

Грубо засунув руку в свои боксеры, он обернул ладонь вокруг члена. Он гневно пульсировал в руке, требуя освобождения. Дрю думал о том, насколько мягкой Женестьева ощущалась под его телом. Как влажный жар ее киски под трусиками, согревал член. Как она выкрикивала его имя, в тот момент, когда достигла кульминации. Как задыхалась, стонала и толкалась на встречу, ища свое удовольствие...

Яркий мысленный образ Женестьева стал погибелью Дрю. Обычно он был в состоянии продержаться гораздо дольше, но сейчас ему хватило всего трех поглаживаний, и он взорвался в оргазме, покрывая свой живот спермой.

«Боже, Джен, как же я хочу тебя!»

Дрю жаждал кончить вместе с ней, внутри нее, но знал, что, вероятно, этого не произойдет. Женестьева делала вид, будто это являлось игрой, но на самом деле все было совсем не так. Она сдерживала свою кульминацию, но затем Дрю подыграл ей и успокоил, убедив, что нет ничего плохого в том, чтобы сымитировать оргазм. Только тогда она позволила себе расслабиться.

Дрю вздохнул и подошел к раковине, чтобы умыться.

«Все это неважно, — строго оборвал он свои мысли. — В конце концов, это история не про взаимные чувства друг к другу. Она твой босс, а ты ее помощник, и все происходящее всего лишь крупномасштабная игра. Так ведь?»

Так и есть. Но почему-то он не мог забыть о том, насколько мягким чувствовалось ее тело, о том, как она выкрикивала его имя, сводя с ума. Все это напоминало фантазию, которой никогда было не суждено сбыться, но теперь Женестьева стала для него кем-то большим, нежели холодным бесстрастным боссом. Отношения между ними изменились, при том так, как ранее Дрю не посмел бы и мечтать.

И он надеялся, что они изменятся еще сильнее.

— Итак, похоже, вчера в ваших отношениях наметился некий прогресс, — Филлипс расположился на стуле в своем кабинете возле большого телевизора с плоским экраном. Дрю и Женевьева сидели в обнимку на кушетке, наблюдая за записью своих игр.

— Мы сделали все возможное, — жестко заявила Джен. Дрю видел, насколько сильно она смущалась, и прекрасно понимал ее чувства. Непросто наблюдать со стороны за тем, как ты занимаешься сексом. Ну, или имитируешь секс, да какая разница.

— Нет, все далеко не так, как вы утверждаете, — продолжал критиковать Филлипс, мужчина нахмурился и потер между собой ладони, наполняя комнату очень странным скрипящим звуком.

— О чем вы? — мрачно потребовал ответа Дрю. — Мы выполнили упражнения в точности, как указано в инструкции. А затем мы занялись любовью, точно так же, как и каждый вечер.

— Может и так, но вы остались в одежде, — Филлипс еще сильнее нахмурился. — Будто боялись показать друг другу тела. Может вам действительно не нравится находиться вместе голыми?

— Конечно, нравится, — возмутился Дрю. — Я обожаю тело Джен. Когда она обнажена, то выглядит великолепно, — он заметил, как в ответ на его слова она покраснела, но ему было все равно. Женевьева была очень привлекательна, и Дрю открыто это признавал.

— Значит, вы должны убедить ее в том, что без одежды она лишь еще более прекрасна, — заметил Филлипс. — На самом деле, я хочу, чтобы этим вечером вы приняли вместе чувственную ванну с пеной, и таким образом обрели взаимопонимание. Необходимо неспешно вымыть все тело партнера.

— Что? — казалось, Женевьева запаниковала. — Но... но вы же говорили, что мы можем сами выбирать упражнения, которыми хотим заниматься каждую ночь!

— Так и есть, второе упражнение можете выбрать по своему вкусу, — кивнул Филлипс, будто дело было уже решено. И прежде чем Дрю и Женевьева смогли хоть что-то добавить, он продолжил: — По крайней мере, ты не симитировала оргазм, Женевьева. А значит ты на правильном пути.

— Что? — большие карие глаза Джен округлились. — С чего... я имею в виду, как вы смогли это определить?

— Я понимаю, что обычный мужчина навряд ли определит, достигла ли женщина своего освобождения, — засмеялся Филлипс, будто это была отличная шутка. — Но для такого профессионального терапевта, как я, это не сложно увидеть.

Женевьева покачала головой.

— Но я не вижу никаких...

— Посмотрите сюда, видите, как ваши зрачки расширились? А как порозовела грудь. Это сексуальный румянец верный признак возбуждения. И вот тут... — Филлипс перемотал запись назад и остановил в определенном месте. — Вы поджали пальцы на ногах и выгнули спину в судорогах удовольствия, будто пытались вынудить Дрю еще глубже проникнуть в себя. Это физиологическая реакция на оргазм, эволюция, таким образом, у семени мужчины намного больше шансов оплодотворить ожидающую яйцеклетку, — он нахмурился. —

Скажите, Женестьеы, вы двое случаем не пытаетесь завести ребенка? Иногда неудачи в прошлом омрачают отношения.

— Я... Я... — она замолчала, но Дрю заметил, как Женестьеу объял ужас. Ее щеки порозовели, она не могла вымолвить ни слова.

— Нет, на данный момент мы не думаем о детях, — спокойно произнес Дрю, пытаясь отгородить Джен. — Но планировали через несколько лет. Послушайте, а когда закончиться сеанс? Скоро ужин, а я жутко проголодался.

Филлипс окинул их хмурым взглядом.

— Итак, полагаю, мы можем отложить этот разговор. Но я хочу, чтобы сегодня ваши упражнения прошли более успешно. Разденьтесь и посмотрите друг на друга. Исследуйте друг друга. Наслаждайтесь друг другом. Я понятно объясняю?

— Вполне, — быстро выпалил Дрю, поднимаясь. Так как Женестьева уже встала и направилась к двери. Видимо, она по-прежнему была очень расстроена.

— Увидимся позже, — попрощался доктор Филлипс.

Дрю стиснул зубы.

«Обязательно, старый извращенный ублюдок!»

К сожалению, Дрю никак не мог повлиять на эту ситуацию, они застряли в этом. Он поспешил проследовать за Женестьевой, чтобы поговорить с ней о произошедшем.

Но к тому времени, как он вышел из кабинета терапевта, ее уже не было.

«О Боже, теперь он все знает. Знает, что я не притворялась!» — Женестьева металась по роскошной спальне, зарывшись руками в своих волосах. — *Черт подери этого идиота Филлипса за то, что он заметил и озвучил очевидное!»*

— Джен? Ты здесь?

Из-за двери раздался голос Дрю, и Женестьева поняла — ей не сбежать.

Сеанс терапии этим утром настолько сильно смутил ее, что Джен буквально выбежала из кабинета. Она решила пропустить обед — просто не могла есть, так как казалась ее желудок был завязан в узел — и Дрю ушел один, видимо осознал, что Женестьеве на данный момент требуется уединение. Но вот теперь он вернулся, и ей придется столкнуться с ним, посмотреть в глаза, понимая, что Дрю все знал.

«Не забывай, в первую очередь ты его босс, — напомнила она себе уже в сотый раз. — Но как же нам теперь работать вместе и сохранять профессиональные отношения, когда он знает, насколько сильно меня заводит? Знает, что я кончила под ним? Даже после его повышения, мы все равно будем работать бок о бок, и я буду видеть его каждый день, постоянно вспоминая, что произошло между нами...»

— Джен? — снова позвал Дрю, входя в спальню. — Вот ты где. Тебе лучше?

— Немного, — Женестьева выдавила из себя улыбку. Она надеялась, что, черт возьми, Дрю не спросит, почему она так быстро выбежала из кабинета терапевта. — Мм, и что же я потеряла, отказавшись спустаться на обед?

Дрю пожал плечами.

— Не так много, как если бы это был ужин. Насколько я заметил, в это раз они не выставили на стол икру и паштет, — на его лице отразилось возмущение. — Изначально я хотел пожаловаться, но затем решил, что просто буду наслаждаться уткой в апельсиновом соусе и перченым стейком с черным трюфельным муссом.

Слова Дрю вызвали у Джен непроизвольную и уже более естественную улыбку. И как у

него получалось всегда поднимать ей настроение? В офисе Женевьева считала Дрю одним из самых умных сотрудников, но теперь он демонстрировал совершенно новую сторону — юмор, из-за чего он все больше и больше ей нравился.

— Дрю...

— Пойдем, — он протянул ей руку, ободряюще ухмыльнувшись. — Мы опаздываем на групповую терапию. А сама мысль о том, что сделает с нами Филлипс, если мы ее пропустим, мне совершенно не нравится. Вернее заставит сделать друг с другом, — мрачно добавил он.

— Ты прав, — Женевьева расправила плечи. — Кто знает, какое еще домашнее задание он может выдумать. Я имею в виду... — она почувствовала, как жалкий румянец окрасил ее щеки. Боже, и что же она только что лягнула? Не стоило напоминать Дрю и себе об интимном упражнении, которое произойдет сегодня ночью. Тем более она до сих пор чувствовала неловкость из-за того, что Дрю узнал об ее оргазме.

Казалось, Дрю догадался о том, что происходило у нее в голове.

— Не думай о том, что произойдет вечером, — быстро выпалил он. — Давай будем решать проблемы по мере их поступления, ладно, Джен? На данный момент нам стоит посетить сеанс групповой терапии. Затем мы попробуем найти и подружиться с новой парой за ужином. Или ты хочешь вновь сесть с Майроном и Митци?

— Черт, нет! — поморщилась Женевьева. — Клянусь, если я еще хоть раз услышу о его «имплантате» во время еды, то меня...

— Даже не знаю, мне показалось, что это был очень занятный разговор, — усмехнулся Дрю. — Тем более меня все никак не оставляет мысленный образ, как Митци накачивает его, чтобы затем взобраться и объездить, — Дрю склонил голову набок, пытаясь не рассмеяться. — Как думаешь, она использует велосипедный насос? И откуда она вообще знает, когда стоит остановиться? То есть когда ты накачиваешь шины, то точно знаешь, когда нужно прекратить, чтобы они не лопнули, но если говорить о...

Дрю замолчал, а Джен захихикала. Ее воображение разыгралось, Женевьева представила, как рыжеволосая Митци стоит над толстым лысеющим Майроном и накачивает имплантат, в то время как его член становится все больше и больше, превращаясь в огромный красный шар, поднимающийся между бедер. Все было настолько нелепо, что она не смогла сдержать смех.

— Дрю, — наконец вымолвила Джен, подавая ему руку. — Что с тобой?

— Ничего, Джен... — он привлек ее ближе и посмотрел в глаза. — А как ты? Все в порядке? Я очень о тебе беспокоился.

— Все хорошо, — Женевьева быстро отвернулась, не желая обсуждать источник своего смущения. — Давай просто отправимся на терапию, ладно?

На какое-то мгновение лицо Дрю омрачило разочарование, но он просто кивнул.

— Конечно. Пойдем.

Когда они добрались до кабинета групповой терапии, — большой роскошной комнаты, по периметру которой располагались огромные витражные окна, впускавшие море света и открывающие великолепный вид на горы — то обнаружили, что помещение напоминало гончарную мастерскую. Вернее, шесть небольших мастерских, так как каждая была ограждена и имела свой гончарный круг.

— Что это? — Женевьева подошла к ближайшему кругу, на котором уже находился комок глины. Он доходил ей до талии, а значит при лепке, они могли стоять рядом.

— Разве это не очевидно? — Дрю усмехнулся, — Мы будем разыгрывать ту горячую сцену из «Призрака»⁷. Помнишь с Деми Мур и Патриком Суэйзи? — Дрю задумчиво посмотрел на Женевьеву. — Надеюсь, я смогу сыграть роль Деми, всегда хотел, чтобы меня соблазнили за гончарным кругом.

— Ой, да ладно, — Джен положила руку на свое бедро и окинула Дрю скептическим взглядом. — Ты слишком молод и не мог смотреть этот фильм.

— Не тогда, когда ты вырос с кучей старших сестер, — он усмехнулся. — Я видел все классические мелодрамы — «Стальные магнолии», «Милашка в розовом», «Терминатор»...

Женевьева не сдержалась и рассмеялась.

— Дрю, «Терминатор» точно не относится к девчачьим фильмам.

— Но это действительно так, — искренне заявил он. — Герой — это я про того парня, который противостоял Арнольду Шварценеггеру — проходит сквозь время, чтобы спасти девушку, которую пытается убить терминатор.

— И? — Женевьева пожала плечами. — Разве из-за этого можно назвать фильм мелодрамой?

— Только подумай, Джен — он отправился в прошлое, совершенно обнаженный, чтобы столкнуться с роботом-убийцей и спасти женщину, которую никогда не встречал, влюбившись в нее лишь по фотографии, — последнее слово Дрю намеренно выделили. — Если это не романтическая мелодрама, то я даже не знаю, как обозвать этот фильм.

— Ладно, — покачала головой Женевьева, все еще улыбаясь. — Но ты все же должен признать, что сюжет в «терминаторе» развивается не так, как в обычных девчачьих фильмах.

— А вот в этом-то вся и проблема, — заметил Дрю. — Ведь если добавить в фильм «Милашка в розовом» путешествие во времени и робота-убийцу, то это бы очень оживило сюжет. Это бы помогло и «Шестнадцати свечам», и «Красотке», — он задумчиво кивнул. — На самом деле, если хорошо подумать, то любую романтическую мелодраму можно было бы улучшить с помощью робота из мрачного будущего.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Женевьева обнаружила, что снова рассмеялась, не сумев сдержаться.

— Дрю, — выдохнула она, покачивая головой. — Как ты это делаешь? Как, всегда заставляешь меня смеяться, даже когда я расстроена?

Джен ожидала, что Дрю просто отшутится, но к ее удивлению, он вдруг стал серьезным.

— Так я защищаю себя, — тихо произнес он. — Умничаю и вынуждаю тебя улыбаться. Таким образом, я скрываю свои чувства.

Смех замер на ее губах, и Женевьева неуверенно посмотрела на Дрю.

«О чем он?»

— Мне казалось, парни не любят обсуждать свои чувства, — прошептала она.

— В принципе да, но... это еще один побочный эффект, когда воспитываешь среди множества старших сестер, — Дрю пожал плечами, натягивая зеленый свитер своей мускулатурой.

— Если быть честным, то меня приводят в замешательства мои эмоции. С тех пор как мы приехали сюда, ты раскрылась для меня с совершенно неожиданной стороны, Джен, и мне это нравится, даже больше чем должно бы.

— Я... Кажется, мне тоже это нравится, — прошептала она. — Но, Дрю, я не уверена, что...

— Ох, да это же мастерская для декоративного искусства! Обожаю творчество!

Громкий голос Митци прервал Джен.

— Ах, это просто какой-то абсурд, — пробормотал Майрон, входя следом за ней в комнату. — Но если тебе нравится, милая, то и мне тоже.

— Мне нравится. Нравится! Эй, вы двое, приветик! — Митци помахала им и подошла широко улыбаясь. — Только посмотрите на эту установку? Вы тоже от этого в восторге?

— Нам... тоже это очень нравится, — серьезно произнес Дрю. — Мы с Джен всегда хотели заняться лепкой из глины. Если честно, то Джен планирует сделать обнаженную статую моего тела.

— Что? — нахмурился Майрон. — Я думал, что мы будем изготавливать горшки, пепельницы или что-то в этом роде.

— Неа, в Джен слишком развита творческая жилка, чтобы делать какие-то безделушки. Тем более ей доставит удовольствия использовать меня в качестве модели, — Дрю уставился на пару, выгнув брови. — Надеюсь, вы, ребята, не будете против, если я сниму всю одежду. Джен необходимо видеть даже мельчайшие детали.

— Ох, э-э... — Митци растерялась, впрочем, Майрон уже взял ее под руку и потащил к передней части комнаты, подальше от Женевьевы и Дрю.

— Я же говорил, что они — извращенцы, — Женевьева услышала бормотание Майрона. — Прошлым вечером они упоминали о переодевании в школьницу и пошлой версии песни «Home on the Range», а теперь еще и это. Сегодня мы не сядем с ними за ужином и найдем кого-то другого для общения!

— Мы просто... пока побудем здесь, чтобы вы могли заняться всем, чем угодно, — выкрикнула Митци из-за перегородки. — Ладно?

— Отлично. Все нормально, — Женевьева изо всех сил старалась не рассмеяться. — Спасибо, — тихо пробормотала Джен.

— Не за что, — усмехнулся Дрю. — Похоже, этим вечером нам придется искать новую компанию.

— Кажется, ты прав, — прошептала Женевьева.

Вскоре подтянулись остальные пары, и урок начался. Наставницей была миниатюрная женщина, которая получила степень в области арт-терапии. Она показала, как работают круги, и объяснила, что горшок им нужно слепить совместными усилиями. Затем она быстро смастерила красивую вазу — весь процесс выглядел обманчиво легко — снабдив всех строгими инструкциями, как работать в команде и одновременно с партнером лепить из глины.

Оказалось, что это занятие было очень грязным. Круг был механическими, поэтому кто-то должен был поддерживать устойчивый ритм, постоянно нажимая на педаль и заставляя его вращаться, и в это же время пара должна была попытаться слепить из бесформенного комка серовато-коричневой глины что-то похожее на горшок.

Женевьева слышала спор Майрона и Митци, даже находясь в дальней части комнаты.

— Ты слишком медленно нажимаешь, нужно быстрее, — приказал Майрон. — А теперь слишком быстро! Остановись, теперь глина повсюду! Ты устроила бардак!

— Нет, это ты устраиваешь бардак, — огрызнулась Митци. — Только посмотри, она везде! Кто-то должен будет то убрать, Майрон, и это буду не я.

Они поняли друг друга без слов. Дрю выгнул бровь и посмотрел на Женевьеву, заставляя ее рассмеяться настолько сильно, что она отдернула руки, и их горшок рухнул, вновь превратившись в бесформенную массу.

В конце концов, им удалось вылепить кривобокий сосуд, который бы никогда не выиграл ни одного конкурса по искусству, впрочем, Женевьева — являвшаяся по сути перфекционистом — обнаружила, что это ее совсем не заботит. Создание горшка с Дрю оказалось самым веселым и увлекательным опытом, который она когда-либо могла вспомнить. Джен не могла игнорировать ту искру удовольствия, которую испытывала, пока их руки соприкасались, в попытке сделать что-то с мокрой глиной.

Женевьева на время занятия забыла про свое смущения, желая, чтобы урок никогда не заканчивался. Желая, чтобы они с Дрю могли остаться здесь навсегда и продолжать притворяться, наслаждаться той чарующей жизнью, которую сами выдумали.

«Но это невозможно, — грубо отдернула себя Женевьева, — Рано или поздно нам придется вернуться в реальность и столкнуться с тем, что Дрю на самом деле лишь мой помощник. Неважно, насколько он был смешным или привлекательным, как хорошо пах или как поразительно целовался. Дрю слишком молод, к тому же он мой коллега, а не любовник».

Женевьева прекрасно осознавала происходящее, и все же ей было так весело, что она решила проигнорировать все переживания, по крайней мере, пока. Тем более, разве она не могла позволить себе хоть на немного забыть обо всех аспектах, связанных с Дрю в реальном мире?

«Именно этим я и займусь, — пообещала себе Джен, когда урок подошел к концу и Дрю гордо водрузил их горшок на полку, чтобы тот высох. — Постараюсь расслабиться... пока наша авантюра не закончится».

Женевьева надеялась, что ей хватит сил сдержать это обещание. После того контроля, которым она себя окружила, это не будет легко. Но она поклялась себе, что очень постарается.

Этот ужин был куда более сдержанным, нежели вчерашний. Дрю и Женестьева выбрали новых партнеров, с которыми сели за стол, но разговора между ними практически не получилось — в основном из-за Стэна, мужа в выбранной паре, который постоянно висел на телефоне, и Джорджии, его жены, которая просто тихо сидела, мрачно ковыряясь в тарелке.

Дрю наблюдал за тем, как они общались — а скорее не общались — и желал, чтобы они с Джен выбрали другой стол. Даже шумные и несносные Майрон с Митци были лучше, чем их нынешние соседи. Вообще, сотовые были запрещены на курорте, потому что ты должен был сосредоточиться на своем партнере. Однако, Стэн — владелец какой-то компании, требующей его постоянного внимания — пронес с собой как минимум один. Весь ужин он писал кому-то сообщения, игнорируя фактически все, что ему говорили.

Женестьева решительно пыталась начать диалог. Она спросила Джорджию, где они со Стэном жили, нравился ли им район, и что они думали о курорте. Но та отвечала ей короткими, почти односложными фразами и вновь утыкалась в тарелку.

Дрю тоже пытался. Он спросил Стэна — в промежутке между написанием сообщений — чем занималась его компания, как давно он ей владел, или если он сам основал ее, то планировал ли расширяться.

Но Стэн тоже отвечал парой слов. Если он не строчил смс или не ел, то погружался в свои мысли.

В конце концов, Женестьева обменялась взглядами с Дрю, и они перестали даже пытаться вести беседу, а просто продолжили ужинать в тишине. Но хотя разговоры умолкли, Дрю заметил, что Женестьева все равно безостановочно наблюдала за парой, сидящей с ними за столом, с какой-то грустью во взгляде. И ему стало любопытно почему.

Напоминали ли эти супруги ей о ней самой и ее бывшем муже, Чарльзе? Подумав об этом, Дрю вспомнил, что Чарльз вел себя почти так же, как и Стэн сейчас, появляясь вместе с Джен на корпоративных мероприятиях. Всегда в мобильном, всегда в своих мыслях... Принес ли их сегодняшний ужин ей плохие воспоминания?

Дрю надеялся, что нет. Он все еще не знал точно, что было с Джен не так с утра, прежде чем он смог поднять ей настроение на занятиях во время арт-терапии. Ему было совершенно не нужно добавлять новых поводов для беспокойства в свой список.

Когда ужин был, наконец, закончен, Дрю был только рад взять Джен за руку — жест, который казался ему теперь таким правильным и естественным — и вывести ее из ресторана.

— Ну, это было... интересно, — заметил Дрю, как только они отошли достаточно далеко, чтобы его слова можно было расслышать.

— Ты имеешь в виду грустно? — вздохнула Женестьева, скрещивая руки у себя на груди. Сегодня вечером она надела маленькое черное платье, которое лишь подчеркивало вес ее изгибы, и подходящие к наряду черные туфли-лодочки на высоком каблуке.

— Ты имеешь в виду то, как наши партнеры по ужину игнорировали друг друга? — Дрю приподнял бровь, когда они вошли в лифт. — Ну, или, по крайней мере, то как Стэн не обращал внимания на Джорджию, — добавил он, нажимая кнопку их этажа.

— Что за придурок, — пробормотала Женестьева, рассматривая свои туфли.

— Он напомнил тебе кого-то знакомого? — равнодушно спросил Дрю.

Джен вздохнула.

— Конечно же, моего бывшего. Я тебе говорила, что он бросил меня ради своей секретарши? Двадцатитрехлетняя платиновая блондинка с фигурой модели — да в ней весу-то было не больше восьмидесяти трех фунтов, — Джен пожалла плечами, все еще разглядывая носки своих туфель. — Я имею в виду, разве кто-то мог бы его за это винить?

— Я могу, — прорычал Дрю. — Он был таким идиотом, что оставил... неверным идиотом, — обман на самом деле выводил его из себя по личным причинам.

— Да, ну... — Женестьева вновь пожалла плечами.

— Послушай, Джен... — Дрю потянулся, чтобы приподнять ее подбородок, вынуждая посмотреть ему в глаза. — Если это будет для тебя что-то значить, то я прекрасно понимаю, через что ты прошла, — пробормотал он. — В коллеже у меня была девушка, и у нас все было серьезно — на самом деле серьезно. Я даже планировал сделать ей предложение — купил кольцо и все такое.

— Да? — глаза Джен, еще минуту назад потухшие и полные грусти, зажглись интересом. — И что случилось?

Дрю вздохнул.

— А случилось то, что я планировал сделать ей сюрприз, прийти в ее комнату в общежитии, позвать на романтическое свидание и затем задать, наконец, вопрос. Я все спланировал — ужин при свечах, карета с лошадьми.

— И? — Женестьева сочувственно смотрела на Дрю, но тот почему-то совершенно не возражал против таких чувств — в конце концов, она прошла через тоже самое.

— И когда я зашел в комнату, то обнаружил ее в кровати с преподавателем, в то время как они одновременно орально удовлетворяли друг друга, — Дрю запустил пальцы в волосы. — И это был конец всему.

— О, Дрю... Мне так жаль, — к его удивлению, Женестьева взяла его за руку и переплела их пальцы. — Это больно, правда? — пробормотала она.

— Чертовски больно, — подтвердил Дрю. Он не позволял себе размышлять об этих провальных отношениях в колледже на протяжении нескольких лет, но теперь признался себе, что, скорее всего, именно поэтому полностью погрузился в работу, не особо уделяя внимания отношениям. Ну, до недавних пор — если то, что происходило между ним и Джен, можно было назвать отношениями. — Но я справился со всем, — сказал он, пытаюсь избавиться от плохих воспоминаний. — На мое счастье, я смог сдать кольцо обратно в магазин.

Женестьева вздохнула и посмотрела на свою левую руку, на которой сверкал огромный бриллиант.

— Хотела бы и я снять свое — заложить, продать, просто выкинуть — я всего лишь хочу избавиться от него. Это постоянное напоминание о Чарльзе и его неверности, но я не могу этого сделать из-за боязни, что люди в офисе начнут задавать вопросы.

— Да, оно довольно заметное, — задумчиво произнес Дрю, разглядывая сверкающий бриллиант грушевидной формы на руке у Джен. — Думаю, что в первую очередь именно на это я и обратил внимание, встретив тебя — ну, на кольцо и на твою потрясающую задницу.

— Дрю! — Женестьева хлопнула его по груди, но при этом она улыбалась. Дрю был рад, что смог повысить ей настроение.

— Я серьезно, — сказал он с уверенным выражением на лице, когда они вышли из лифта. — Я тогда еще подумал: «Как же я смогу сконцентрироваться на работе, если у моего

босса такая потрясающая задница».

— А потом ты обнаружил, что я Леди Дракон и мою задницу куда проще игнорировать, чем ты думал, да? — Джен все еще улыбалась, но в ее карих глазах отразилась боль.

— Ты больше не Леди Дракон, — Дрю остановился, когда они подошли к двери их номера, и протянул руку, обхватывая ладонью щеку Джен. — Не для меня. Теперь ты просто... Джен.

— Спасибо, Дрю, — она покраснела, а кожа ее щек стала горячее под его рукой, — Эм... Думаю, нам надо зайти внутрь и, эм, и покончить уже с этим, — Джен указала на дверь.

— Заняться делом? — Дрю нахмурился, отпирая номер и пропуская Женевьеву внутрь, — О, ты о нашем «домашнем задании» — эротическая ванна с пеной, которую прописал нам доктор Я-Сделаю-Тебе-Хорошо?

— Верно, — ее тело внезапно затрясло от напряжения так сильно, что Дрю даже мог это видеть.

Он надеялся, что Джен не боялась этого нового опыта — сам он с нетерпением ждал его, но не хотел, чтобы она чувствовала себя слишком расстроенной или испуганной, чтобы насладиться процессом.

— Эй... — Дрю положил Женевьеве руку на плечо и наклонился, чтобы заглянуть в глаза, — Все будет хорошо, Джен. Это же просто ванна.

— И... какое-то еще одно задание, которое мы выберем, — она подняла на него взгляд, ее рука нервно подрагивала под ладонью Дрю. — Есть какие-то мысли по этому поводу?

У него было множество мыслей о том, что он хотел бы сделать с Джен, но Дрю подумал, что, возможно, им стоило бы сначала пройти через задание с ванной.

— Мы можем поговорить об этом позже, — успокаивающе произнес он. — А теперь, позволь мне пойти и наполнить ванну.

Дрю отправился в соседнее помещение и пустил воду в огромную мраморную ванну. На полке расположился огромный выбор различных пен и солей, но больше всего он удивился, увидев, ведро с охлаждающейся в нем бутылкой дорогого шампанского. Рядом с ним стояли два хрустальных бокала и карточка, подписанная от руки, со словами «Наслаждайтесь».

— Дрю, — услышал он мягкий голос Женевьевы за своей спиной.

— Хмм? — обернувшись, Дрю увидел, что она уже разделась и обернула свое тело в большое пушистое белое полотенце.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — нервно указала Джен на себе. — Я, эм, подумала, будет лучше, если я разденусь, пока ты тут.

Дрю был разочарован — он с нетерпением ждал того момента, когда смог бы снять с Женевьевы всю ее одежду, деталь за деталью — но сказал себе, что не следует быть слишком уж жадным. В конце концов, он вскоре он увидит ее обнаженной и сможет помыть ее прекрасное тело в ванне.

— Только посмотри на это, — сказал Дрю, указав на шампанское. — Догадываюсь, кто послал его.

— Доктор Филлипс, — Женевьева скривилась. — Он, наверное, думает, что выпивка поможет нам избавиться от запретов.

Дрю изогнул бровь.

— Значит, мы устроим для него прекрасное шоу?

— Может быть, — выдохнула Джен. — Ну, он не так уж и не прав — о том, что алкоголь делает нас более раскрепощенными. Я, эм, на самом деле очень нервничаю из-за всего этого. Может нам уже приступить к делу, даже если доктор Филлипс все увидит.

— Хорошая мысль, — Дрю вытащил пробку и разлил шампанское по бокалам. Затем он обернулся к Женевиэве. — Может мне помочь тебе залезть внутрь? Тут довольно скользко — я мог использовать слишком много пены для ванны.

— Ну, пока там будет много пузырьков, я не возражаю.

— Почему ты так говоришь? — нахмурившись, спросил Дрю. — Ты стесняешься, Джен?

— Очень, — она прикусила губу. — Я ничего не могу с этим поделать. Я уже, эм, довольно долго не была обнаженной перед мужчиной.

— А как же твой бывший, Чарльз?

Джен пожала плечами.

— Как я и сказала, это было довольно давно. Эм, секс исчез из наших отношений первым. Мужчина не касался меня больше года. Может двух. Ну, я имею в виду, кто-то кроме тебя.

Она вновь покраснела, и Дрю продумал о том, насколько красивой Джен при этом стала.

— Какой позор, Джен, — пробормотал он. — Давай посмотрим, сможем ли мы сегодня положить конец твоему воздержанию? Я имею виду ту его часть о прикосновениях. Не... ничего большего.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты на самом деле этого хочешь? — Джен склонила голову в сторону. — Или ты просто говоришь это из вежливости?

Дрю недоверчиво посмотрел на нее.

— Хочу ли я на самом деле снять с тебя полотенце и помыть полностью это великолепное тело? Ты шутишь? Конечно, я хочу, и Чарльз был полным дураком, если не желал этого.

— Спасибо, Дрю, — Джен послала ему легкую улыбку. — Это все делает для меня чуть легче — хотя я все еще немного смущаюсь из-за того, хм, что мне придется полностью обнажиться перед тобой.

— Может тебе будет проще, если я тоже разденусь? — Дрю приподнял бровь. — Хочешь, я тоже сниму одежду, и мы вместе залезем в ванну?

— Конечно, — Джен смущенно рассмеялась. — Я имею в виду, если ты не против.

Эндрю уже раздевался. К счастью, он совершенно не переживал из-за необходимости продемонстрировать свое тело, поэтому быстро разделся и предстал перед Джен абсолютно голым.

— Хорошо, — Дрю отбросил одежду и встал рядом с Женевиэвой. — Ну, вот и я. И я готов.

— Более чем, — ее глаза пробежали по всему его телу: плечам, прессу, длинным ногам — и тому, что находилось между ними. — Эм... ты более чем готов.

Дрю опустил взгляд, посмотрев на себя, и заметил, что его член был полностью эрегирован, поднимаясь между бедер.

— Прости, — усмехнулся он самодовольно. — Ничего не могу с этим поделать — но одна мысль о принятии ванны с красивой женщиной заводит меня. Ну, зато теперь ты уж точно можешь понять, что я не был просто «вежливым».

— Дрю... — Джен вновь покраснела, но ему показалось, что также она выглядела

польщенной.

— Теперь твоя очередь, Джен, — сказал Дрю мягко. — Пора сбросить полотенце.

— Хо... хорошо, — прикусив губу, Женестьева потянула за края пушистого белого полотенца, раскрывая свое тело. Дрю пришлось проглотить стон, когда он увидел, как она постепенно обнажается.

От вида ее полной, высокой груди, увенчанной темно-розовыми сосками, его рот наполнился слюной. Сглотнув, Дрю позволил своему взгляду скользнуть вдоль ее округлого живота к аккуратно подстриженным светлым кудряшкам, покрывающим лобок. Губы ее киски были такими полными, розовыми, пробуждая в Дрю желание провести по ним языком.

У него внезапно появилось желание упасть перед Джен на колени и скользнуть между этих губ языком, поддразнивая маленький розовый клитор, который, как он знал, прятался между нежных складок. Его переполнило желание лизать, сосать и трахать Женестьеву своим языком, пока она бы не застонала, заходясь в крике, полностью отдаваясь ему.

— Ну? — голос Джен был тонким и неуверенным, когда Дрю понял, что она ждала, пока он окончит рассматривать ее, и они могли бы залезть в ванну. — Ты готов? — спросила она.

— Более чем просто готов. Джен, ты выглядишь невероятно, — Дрю протянул ей руку. — Давай заберемся внутрь.

Они залезли в ванну и опустились в теплую, мыльную воду — Женестьева почувствовала облегчение, когда пена покрыла ее — прежде чем Дрю взял разлитое им ранее шампанское.

— Давай, — сказала Джен. — До дна, — она залпом осушила свой бокал, задохнувшись, когда пузырьки ударили ей в голову. — Ух, ты, оно крепкое!

— Хэй, — Дрю сделал глоток и аккуратно поставил шампанское на бортик ванны. — Неужели ты и вправду так нервничаешь из-за того, что находишься обнаженной передо мной?

— Что... что ты имеешь в виду? — Женестьева отставила свой бокал в сторону, желая, чтобы у нее было чуть больше выпивки.

— Храбрость от выпивки, — Дрю кивнул на ее пустой бокал. — Ты настолько боишься позволить мне прикоснуться к себе?

— Я просто... — Женестьева не знала, что ответить ему. — После прошлой ночи я...

— Да, давай поговорим о прошлой ночи, — Дрю нахмурился. — С тобой все было нормально, ровно до того момента, пока этим утром мы вместе с Филлипсом не просмотрели запись того, как мы изображали страсть и удовольствие. После этого ты чего-то испугалась и убежала. Не хочешь сказать мне почему?

— Я... Я... — вон он тот вопрос, приводящий Джен в ужас. Она уже было открыло рот, чтобы соврать — оттолкнуть Дрю — и обнаружила, что вместо этого говорит ему абсолютную правду. — Я расстроилась, потому что не претворялась, — наконец, прошептала она, опустив взгляд на пенные пузырьки, покрывающие ее колени. — И Филлипс лишь указал мне на это. Что было, хм, довольно смущающим.

— Ты смутилась из-за того, что кончила? — пробормотал Дрю.

Женестьева кивнула, все еще не поднимая глаз.

— Из-за того, что Филлипс все знал или из-за того, что все знал я? — нежно поинтересовался Дрю.

Джен резко вскинула голову.

— Ты тоже это знал? Я имею в виду, до того, как он сказал об этом?

Дрю тихо усмехнулся.

— Давай скажем, что у меня были некоторые подозрения. Но почему это тебя смутило?

— Потому что! Я твой начальник, Дрю! Я не должна была позволять тебе доводить меня... доводить меня...

— Доводить тебя до оргазма? — неожиданно он притянул Женеьеву к себе на колени. Она сначала сопротивлялась, но Дрю был сильнее. Прежде чем она осознала, Джен оказалась сидящей между ног Эндрю, прижимаясь спиной к его широкой груди, а его твердый член оказался прямо напротив ее ягодиц. Ощущение его большого, напряженного, обнаженного тела так близко к ее послало сквозь нее дрожь, но Женеьева постаралась не показать этого.

— Дрю, прекрати... что ты делаешь? — настаивала она на ответе, желая, чтобы ее голос не звучал так глухо.

— Мою тебя, детка... так, как я должен это делать, — в одной руке Дрю держал губку, он опустил ее в воду, намачивая и захватывая немного пены, а затем провел мыльной мочалкой от правого запястья Джен до ее плеча... а после скользнул вниз, обхватывая ее грудь.

— Дрю... — прошептала Женеьева, зная, что должна снова велеть ему остановиться, но совершенно не желая этого. Его большая, теплая ладонь так потрясающе ощущалась на ее обнаженной плоти, даже не смотря на тонкую мочалку в его руке.

— Какое имеет значение то, что я заставил тебя кончить? — мягко прорычал Дрю ей в ухо, нежно поглаживая ее грудь, уделяя особое внимание соску.

— Ты не должен был... Я не должна была тебе позволять. Не должна... хотеть тебя, — прошептала Джен, с трудом осознавая, что именно она говорила.

— Потому что ты моя начальница? Я думал, что мы договорились отбросить это, забыть на эти выходные, — сказал Дрю, его ладонь двинулась дальше и прикоснулась ко второй груди. То, как он ласкал ее сосок под губкой, заставило искры удовольствия проскочить прямо от возбужденной вершинки до мокрой и пульсирующей киски Женеьевы.

— Я... но ты... — Боже, она не могла думать, когда Дрю ее так касался!

«Я же Леди Дракон — Ледяная Королева!» — отчаянно напоминала себе Джен. Только казалось, что Дрю смог растопить весь ее лед, хотела она того или нет.

— Я твой муж, — напомнил он ей низким, притягательным голосом, заставившим Женеьеву задрожать. — Ты принадлежишь мне, Джен... а я принадлежу тебе. По крайней мере, на эти выходные. Попробуй запомнить это.

— Да, я... я попробую, — она не могла поверить, что сдалась Дрю подобным образом, но ничего не могла с этим поделать. Она никогда не видела эту сторону Дрю — собственническую, властную сторону. Он заставлял Женеьеву терять контроль, даже если она знала, что не должна была этого делать.

«Только на эти выходные, — отчаянно сказала она себе, — Только на одни единственные выходные».

— Хорошо, — мягко прорычал он ей в ухо, — Потому что... ой — я только что выронил губку, — разжав большую ладонь, Дрю позволил мокрой мочалке соскользнуть с нее в воду и скрыться под мыльными пузырями.

— Ты... ты сделал это?

— Угу, — пробормотал он. — Но я еще не закончил мыть тебя, детка. И что же мне теперь делать?

— Может быть просто... — Женестьева не могла поверить, что собиралась произнести нечто подобное, но с ее губ сорвалось: — просто своими руками, — прошептала она.

— Вот так? — набрав в пены, он обхватил ее грудь, вырисовывая круги вокруг ее сосков — терзая Джен тем, что он был так близко, но не касался трепещущих бутонов.

Женестьева ничего не могла с собой поделать.

— Больше, — умоляла она, вжимаясь возбужденной плотью в его большие и теплые ладони.

— Ммм, тогда, наверное, так, — он обхватил ее грудь обеими руками, перекатывая тугие горошины между пальцами, заставляя Женестьеву стонать и прижиматься к нему сильнее, хотя она и понимала, что это было неправильно.

— Да, именно так, — прошептала она, едва дыша. Женестьева чувствовала его твердый ствол, упирающийся ей в зад. Это подтолкнуло ее к мысли, — Ммм, то, что надо, — промурлыкала она. Приподняв бедра, Джен прижалась ими к члену Дрю, и начала об него тереться, даря ему в ответ наслаждение, хоть сколько-то равное тому, что давал ей он.

— Ммм, Джен... это очень грязно, то, что ты делаешь, — рыкнул он возле ее уха.

— Я знаю, — прошептала Женестьева, не прекращая покручивать тазом.

Боже, она не должна была этого делать, не должна была поощрять Дрю таким образом, но то, что она сказала ему, было правдой — Чарльз перестал прикасаться к ней почти за два года до конца их брака. Какая-то ее часть ужасно изголодалась по этому — изголодалась по прикосновениям и удовольствию, по тому, когда к ней относились, как к красивой и сексуальной женщине. То, что Дрю предлагал, было слишком хорошим, чтобы Женестьева могла отказаться от этого.

Вот почему она не возражала, когда большая рука оставила ее грудь и скользнула вниз под пену, в теплую воду, чтобы обхватить ее киску.

— Дрю, — простонала она тихо, хотя не сделала и попытки помешать ему, продолжая прижиматься к его телу. — Что... что ты делаешь?

— Мою тебя, — мурлыкнул он, пока два его пальца раздвинули губки ее киски, заставляя Джен задыхаться, пока теплая вода ласкала ее трепещущий клитор. — Мою тебя везде, детка. Хочешь, чтобы я остановился?

— Я должна бы была этого хотеть, — слабо запротестовала Женестьева. Но так и не попыталась свести ног.

— Но ты не сделаешь этого, да? — пробормотал Дрю ей на ухо. Пока он говорил, кончик его пальца скользнул между ее влажных складочек и принялся кружить вокруг изнывающего бутона. — Ты хочешь позволить мне вымыть тебя, пока ты вся не станешь чистой, да, детка?

— Ах! — Женестьева откинула голову на сильное плечо Дрю. И как только они перешли от отношений начальник — ассистент к тому, что сейчас она позволила ему, распахнув ее бедра, ласкать киску? Джен не знала... не желала знать. Она только была уверена, что не хочет, чтобы эти потрясающие ощущения, что дарил ей Дрю, когда-нибудь заканчивались.

— Тебе нравится, когда я мою тебя подобным образом, детка? — пробормотал Дрю ей в ухо, не прекращая кружить пальцем вокруг ее чувствительного клитора. — Хорошо ли ощущается, когда я мою твою сладкую маленькую киску?

— Д-да, — ответила Женестьева, будучи не в состоянии солгать. — Так и есть.

— И хочешь ли ты, чтобы я вновь заставил тебя кончить?

Джен предприняла отчаянную попытку вернуть контроль над собой. Ей не следовало делать этого — не следовало позволять Дрю заходить так далеко. Они должны были просто притворяться.

— Я... Я не должна... не должна этого хотеть, — выдохнула она.

— Пошло к черту то, что ты должна или не должна делать, — зарычал Дрю возле нее, заставляя Джен вновь судорожно вздохнуть. — Что ты хочешь?

— Я хочу... хочу, чтобы ты заставил меня кончить. Пожалуйста, — она никак не могла перестать задыхаться.

— Хорошо, — к ее удивлению, он неожиданно убрал руку.

— Что... Почему... — Женестьева смущенно огляделась вокруг, когда Дрю встал и вылез из ванны. — Что ты делаешь? — спросила она, когда он начал вытираться.

— Думаю, теперь ты полностью чистая, — Дрю послал ей кривоватую ухмылку, полную голода и обещания. — Пришло время для нашего второго интимного упражнения.

— Но я думала... ты сказал... — Женестьева покачала головой, когда Дрю вытащил ее из ванны и принялся вытирать сухим полотенцем.

— Думала, что я прямо сейчас доведу тебя до оргазма? — он бросил на нее взгляд, настолько горячий, что им можно было бы расплавить сталь — и Женестьева была уверена, что уж ее он точно растопит.

Прежде чем она успела запротестовать, Дрю отбросил полотенце, которым вытирал ее, и обнаженную повел в спальню.

Дрю не мог поверить, что касался пальцами своего красивого недостижимого босса. Сколько раз он фантазировал о вещах, которые хотел бы сделать с ней, пока они работали вместе? Сколько раз желал иметь такую возможность, как та, что сейчас свалилась ему прямо в руки?

И теперь, если быть совершенно честным, он больше не думал о Женестьеве, как о своей начальнице. Или как о Леди Драконе, или Ледяной королеве, или о любом другом ранящем прозвище, которым наградили ее ребята из офиса. Он думал о ней просто как о Джен, красивой женщине, под внешностью которой скрывалось намного большее, чем казалось на первый взгляд. Женщине, которой он хотел подарить удовольствие... женщине которую он желал довести до оргазма.

— Боже, ты великолепна, — пробормотал он, подводя Джен к кровати. — Не могу дождаться, когда смогу попробовать тебя на вкус.

— Попробовать меня? — Женестьева внезапно побледнела, и когда Дрю попытался помочь ей залезть на огромную белоснежную постель, она запротестовала. — О чем ты говоришь? Это не входит в, эм, интимные упражнения.

Дрю увидел, что попал по больному месту — ее огромные глаза излучали неуверенность. Неужели ее бывший никогда не пробовал ее, не опускался к этой сладкой сочной маленькой киске? Да что за идиотом был тот парень! Неважно, каким был предыдущий опыт Джен в этой области, Дрю знал, что мог подарить ей подобное

наслаждение, но не хотел торопить ее.

— Я лишь имел в виду краски для тела, — сказал он беспечно. Подойдя к ночному столику со своей стороны кровати, Дрю открыл ящик.

— Помнишь это? — он протянул Джен банки с темным и светлым шоколадом, к каждой прилагалась собственная кисточка. — Это мой сегодняшний выбор для второго интимного упражнения, — Дрю приподнял бровь. — Если только ты не хочешь, чтобы мы оделись, как непослушная школьница и сексуальный ковбой. Хотя я предупреждаю тебя, что люблю, когда меня как следует шлепают, если я вдруг решаюсь сыграть в школьницу. Тебе придется использовать большой пэддл, когда я задеру свою юбку.

Он почувствовал облегчение, когда в ответ на него непринужденную шутку, часть страха исчезла из огромных карих глаз Женеьевы.

— Нет, я... я думаю, что твой выбор подходит. До тех пор пока ты, ну знаешь, не решишь зайти слишком далеко.

Дрю стал серьезным и посмотрел на Джен в упор. Она все еще неуверенная стояла возле кровати, сжимая пальцы, словно маленькая девочка, потерявшаяся в лесу.

— Ну, мы уже решили, что я собираюсь довести тебя до оргазма, Джен, — тихо сказал он, удерживая ее взгляд своим. — Так скажи точно, насколько далеко будет уже слишком?

— Я... мы... — Женеьева прикусила губу, и Дрю заметил, как ее грудь приподнималась, пока она пыталась взять под контроль свое дыхание. Боже, ему нравилась эта новая Женеьева, такая неуверенная в спальне, и настолько самоуверенная и властная в залах заседаний. Она, казалось, лучше всего реагировала на его доминирующую сторону, поэтому Дрю решил использовать ее снова.

Поставив краски из шоколада на тумбочку, он встал рядом с Джен, сознательно входя в ее личное пространство.

— Я собираюсь прикоснуться к тебе сегодня, Джен, — произнес он, добавляя в свой голос низкие и требовательные нотки. — Собираюсь раскрасить все твое сладкое тело, а затем слизать все до единой капли, — Боже, Дрю не мог этого дождаться — одна мысль о подобном делало его член твердым, как камень. — Я заставлю тебя кончить, — продолжил он жестко.

— Я... Я знаю. Хорошо, — Женеьева посмотрела на него. Без шестидюймовых каблучков она была достаточно маленькой, и Дрю подумал, насколько он любил ее невысокое тело со всеми его потрясающими изгибами. — Но мы не можем... нам не следует...

Дрю неожиданно понял, что именно беспокоило Женеьеву.

— Не следует заниматься любовью? — тихо сказал он, отводя ее светлые, медового оттенка пряди с глаз и заправляя Джен за ухо. — Именно об этом ты переживаешь, Джен? Это ты имела в виду, говоря, о возможности зайти слишком далеко?

— Да, — она прикусила губа, неуверенно смотря на Дрю. — Это слишком для меня, Дрю. Я... мы... я просто не могу.

— Хорошо, — он бы соврал, если бы сказал, что не был разочарован, но, честно говоря, большего он и не ожидал. Они пообещали притворяться столько, сколько смогут. И, в конце концов, он собирался прикоснуться к Джен и попробовать ее на вкус — это уже было большим, чем Дрю когда-либо представлял возможным, мечтая о ней в офисе.

— Хорошо, — Женеьева выглядела одновременно успокоившейся, но и немного разочарованной — или может именно это Дрю желал в ней видеть. — Я рада, что мы, эм, прояснили это.

— Угу, — приподняв за талию, Дрю поднял ее и положил прямо на середину кровати.

— Дрю, — выдохнула Джен, когда он расположил ее голову на подушках. — Что ты делаешь?

— Возвращаюсь обратно к делу, — прорычал он. Возвышаясь над ней, Дрю посмотрел Женеьеве в глаза. — Я знаю твои пределы, Джен, теперь пришло время показать тебе мои. Подними руку над головой и возмись за изголовье.

Без слов, она сделала, как он сказал. Изголовье было сделано из крепкого кованого железа с замысловатыми изогнутыми прутьями, сделанными словно для того, чтобы за них было удобно держаться... или чтобы приковать кого-то к ним. На мгновение Дрю подумал о том, чтобы использовать наручники... но решил, что они на самом деле не нужны. Кроме того, он мог пожелать использовать интимное занятие с использованием легкого банджа на другую ночь. Дрю понравилась идея удерживать Женеьеву и делать всевозможные потрясающие вещи с ее телом, пока она была не в силах остановить его — очень понравилась. Но для сегодняшнего вечера он решил, что просто заставить Джен ухватиться за изголовье, будет достаточно, чтобы держать ее под контролем.

Конечно же, Женеьева протянула руки за голову и схватилась за изогнутые железные прутья прямо над ее подушкой. Из-за подобного положения она вытянулась, демонстрируя свое прекрасное тело — этого было достаточно, чтобы рот Дрю наполнился слюной.

— А теперь что? — голос Джен слегка дрожал, и ему захотелось успокоить ее.

— А теперь я собираюсь разрисовать тебя, детка, — прошептал Дрю мягко. Вновь склонившись к Женеьеве, он прижался своей щекой к ее и подарил ей горячий поцелуй, прижавшись приоткрытыми губами к чувствительному месту на ее шее. — Все будет хорошо, Джен, — выдохнул Дрю. — Ты такая красива, когда лежишь обнаженной передо мной. Я просто хочу, чтобы сегодня ночью тебе было хорошо.

Теплые слова Дрю, казалось, помогли Джен расслабиться, потому что когда он положил ладонь ей на живот, то почувствовал, как напряжение, охватившее ее тело, ослабевает.

— Хорошо, — прошептала она, и в этот раз ее голос почти не дрожал.

— Прекрасно, — Дрю послал Женеьеве ленивую улыбку, садясь на кровати возле нее. Дотянувшись до баночки с молочным шоколадом для рисования на теле, он открыл крышку и обмакнул кисть. — Итак, откуда же мне начать...?

Женеьеве пришлось проглотить стон, когда Дрю обвел ее правый сосок прохладной шоколадной краской. Боже, это ощущалось так правильно... и в тоже время столь неверно. Она не могла поверить, что позволяла ему это делать! Разве еще пару дней назад можно было даже предположить, что она даст Дрю ласкать ее грудь и киску в ванне, но вот она, разрешила ему и то, и другое.

«Только на этот уик-энд, — вновь напомнила она себе. — И он обещал не заходить слишком далеко. Просто отпусти себя и наслаждайся».

Но легче было сказать, чем сделать. У Женеьевы никогда не было партнера, который, казалось, был настолько поглощен ею, так интересовался ее удовольствием. Секс с Чарльзом едва ли занимал минут пять, а до него у Джен было не так уж и много любовников — она

была слишком занята, строя свою карьеру.

Ни один из мужчин, с которыми она была раньше, казалось, не желал до такой степени терзать и мучить ее, не поклонялся ей так, как делал это Дрю. Он уже провел, казалось, несколько часов, вырисовывая сложные узоры вокруг ее сосков, порой отстраняясь, чтобы насладиться своей работой. И все это время он настаивал, чтобы Джен держалась руками за изголовье, холодный металл согрелся под ее пальцами, пока она сражалась за то, чтобы оставаться на месте. Было трудно лежать обнаженной и такой уязвимой перед кем-то, особенно если он был моложе тебя, перед мужчиной, с которым, Джен это знала точно, она не должна была никогда связываться.

— Если... Если ты продолжишь в том же духе, то мне понадобится еще одна ванна, — отметила, наконец, Женестьева, когда Дрю сделал завершающий мазок по ее левому соску.

— Нет, не понадобится, — он поднял взгляд и подарил ей хищную ухмылку. — Это же съедобные краски, помнишь?

Прежде чем Женестьева успела ответить, Дрю наклонился и всосал ее правый сосок в свой обжигающий влажный рот, очищая его нежными прикосновениями языка, слизывая весь шоколад до последней капли.

— Ох, — Женестьева задохнулась, выгнув спину. Боже, его рот на ней ощущался так великолепно! Она сильнее сжала прутья, когда он мягко ущипнул ее плоть, посылая электрические импульсы удовольствия прямо от чувствительных сосков к ее киске.

— Ммм... — Дрю позволил ее напряженному бутону выскользнуть между его губ и улыбнулся Джен.

— Так вкусно. Я знал, что именно такой ты и будешь, — не дожидаясь ответа, он наклонился и взял другой сосок в рот, сначала поддразнивая его языком, а потом всосал его так глубоко, как мог.

— Дрю! — Женестьева вновь выгнулась спину, наслаждаясь тем, как глубоко погружалась ее чувствительная плоть в рот Дрю. Боже, он сводил ее с ума! Хотел ли он заставить ее кончить, просто лаская соски? Потому что, честно говоря, она думала, что ему это вполне могло удастся.

Но облизав ее тугие пики, казалось, он делал это целую вечность, Дрю внезапно отстранился и сел, потянувшись за шоколадной краской для тела.

— Дрю, — тихо прошептала Женестьева. — Я не... Я не уверена, что смогу вынести еще больше подобного.

— Ты должна, детка, — пробормотал он, глаза Дрю были полузакрыты, и в них плескалась дикая жажда, когда он посмотрел на Джен. — Потому что мы только начали. А теперь раздвинь свои ноги.

— Что? — Женестьева прикусила губу и неуверенно глянула на него. — Дрю, я не думаю, что это хорошая идея, если ты... станешь разрисовывать меня там, — особенно учитывая, что закончив творить кистью, Дрю очищал ее кожу от краски, облизывая и посасывая ее плоть.

— Это очень плохо, детка, — мягко прорычал он, используя свой глубокий и властный голос, который посылал дрожь по спине Джен. — Потому что я считаю это прекрасной идеей. А теперь раздвинь ноги и пусти меня.

Не веря, что она и вправду делала это, Женестьева подчинилась ему. Кто знал, что у Дрю была такая темная, доминирующая сторона, прячущаяся под его забавным и саркастичным поведением? Джен встречала в прошлом мужчин, которые пытались использовать свой рост

или размеры, чтобы запугать ее — будучи женщиной в мире бизнеса, Женевьева принимала это, как неизбежное. Но Дрю никогда не делал ничего подобного раньше. Он ни разу не вел себя иначе, как вежливо и по-джентельменски... до этого момента. И хотя она знала, что не должна, Женевьева почувствовала, что наслаждалась этой его новой стороной... желая, чтобы над ней доминировали... желая подчиниться.

Потому с тихим стоном она распахнула бедра, наблюдая, как Дрю встает между ними на колени с кисточкой в руке.

Вначале он принялся покрывать шоколадом ее внешние губы, и Женевьева обрадовалась, что сделала эпиляцию. Остался лишь небольшой треугольник белокурых кудряшек на ее лобке, остальная же киска было совершенно гладкой. Но в тоже время ей хотелось, чтобы ее прикрывало что-то большее там внизу. Ни с одним из ее мужчин Джен никогда не чувствовала себя такой смущенной, обнаженной и уязвимой, как это было сейчас, когда она раздвинула ноги, позволяя своему ассистенту рисовать холодной и щекочущей кисточкой шоколадными красками для тела на ее киске.

Дрю использовал темный шоколад на ее внешних складочках, а затем склонился, чтобы слизать краску.

Женевьева подавила стон, который зародился в ее горле, когда Дрю коснулся ее плоти и принялся облизывать ее киску. Это было невероятно жаркое, эротическое зрелище, видеть его между своих ног, его широкие плечи лишь сильнее раздвигали ноги Джен, когда он ласкал ее лоно. Она почувствовала некоторое облегчение от того, что Дрю, по-видимому, не собирался заходить дальше, но в тоже время ее охватило разочарование — клитор Женевьевы трепетал от нужды, но хотя Дрю был полностью поглощен ее киской, ему удавалось не дотрагиваться до ее внутренних губ.

«В любом случае, только к лучшему, что он не сделает этого», — убеждала себя Джен. Это было бы слишком смущающим, слишком личным. Так что хорошо, что он остановился на этом.

Но стоило ей подумать о подобном, как крик разочарования был готов сорваться с губ, а Дрю остановил свои ласки и, оторвавшись от нее, вновь сел.

Руки Женевьевы болели от того, что она так долго держала их над головой, а на ладонях, скорее всего, будут синяки, потому что она изо всех сил цеплялась за кованое изголовье кровати.

— Ты... теперь ты закончил? — прошептала она, голос Джен прозвучал чуть выше, чем ей бы хотелось.

Дрю подарил ей легкую полуулыбку и ответил вопросом на ее вопрос.

— Ты уже кончила?

— Эм... — Женевьева неуверенно извивалась, желая свести ноги вместе.

— Нет, не кончила, — ответил за нее Дрю. — Так что, не и я не закончил. На самом деле, я только начал. Теперь раздвинь ноги чуть шире, детка — я хочу рисовать внутри тебя.

О, Боже! В этот раз Женевьева знала, что должна была сказать нет, но каким-то образом не могла запретить Дрю хоть что-то. С тихим стоном Женевьева распахнула бедра еще шире, наблюдая за тем, как он аккуратно пальцами раздвинул внешние губы ее киски. Второй рукой, Дрю обмакнул кисть в шоколад и принялся, охлаждая и щекоча ее плоть, вырисовывать круги вокруг напряженного клитора.

— Дрю! — задохнулась Джен, когда он снова и снова окунал кисть в банку, чтобы затем терзать ее нежный бутон этими безумными ощущениями. Сердце в ее груди колотилось с

такой силой, что она почти не могла дышать, а железные перекладки под пальцами были такими твердыми и горячими. Боже, сколько еще она сможет вынести?

Но закончив, наконец, рисовать, Дрю нахмурился.

— Что... что не так? — спросила Женестьева, пытаясь говорить нормально, но потерпела неудачу. Ее голос ее был высоким и прерывался — голос женщины заведенной настолько, что она едва могла дышать — и Джен ничего не могла с этим поделать.

— У нас тут маленькая проблема, детка, — Дрю посмотрел на нее, все еще продолжая хмуриться. — Кажется, ты настолько мокрая, что краска не ложиться на твою кожу. Видишь? — он отложил кисть и провел двумя пальцами по ее трепещущим внутренним складкам. Подняв руку, Дрю показал Джен, какими блестящими и влажными были кончики его фаланг.

— Оо! — Женестьева почувствовала вспышку стада и смущения. Это была одна из причин, по которой Чарльз никогда не проявлял интереса к оральным ласкам, на которых настаивал Дрю. Бывший муж утверждал, что она всегда была слишком мокрой, и это отталкивало его, потому что было грязным.

Женестьева отчаянно попыталась свести ноги, но Дрю обхватил ее за бедра, без усилия удерживая их распахнутыми.

— Эй, все хорошо, Джен, — прошептал он, явно уловив ее беспокойство. — Это же не плохо — на самом деле, это чертовски сексуально, — подтверждая свои слова, Дрю положил два пальца, которыми он провел по ее киске, в рот, и с явным удовольствием облизал их. — Ммм... — его глаза были полузакрыты, когда он снова посмотрел на нее. — Такая вкусная — я знал, что такой ты и будешь.

— Ты... что ты имеешь в виду? Ты думал о том, какой я буду...

— Какой ты будешь на вкус? Какие звуки будешь издавать, когда я опущусь между твоих ног? — Дрю приподнял бровь и послал Женестьеве ленивую ухмылку. — Дьявол, да, я фантазировал об этом. И теперь я, наконец, могу узнать — как только мы решим маленькую проблему с красками для тела.

— Но... Я не знаю, — начала Женестьева. Она слегка ужаснулась, узнав, что Дрю мечтал о ней до этого... но также она ощутила, что лишь еще сильнее завелась и почувствовала себя польщенной. Она всегда считала себя слишком взрослой для своего ассистента, но, похоже, он сам так отнюдь не считал.

— Ну, а я знаю — и знаю, что мы собираемся делать дальше, — твердо сказал Дрю.

— Знаешь? И что? — Женестьева не могла поверить, что вела подобные разговоры, будучи полностью обнаженной, когда Дрю сидел на коленях между ее бедер, рассматривая ее киску.

— Это, — без предупреждения Дрю поднял баночку с молочно-шоколадной краской и вылил ее тонкой струйкой прямо между губ киски, полностью покрывая ее внутренние складки сладким липким сиропом.

— Дрю! — Женестьева задохнулась, когда он отставил емкость на прикроватную тумбочку. — Ты... я...

— Ах... ох... — он вновь бросил ей ленивую усмешку. — Кажется, я тут напачкал... думаю, что мне стоит убрать за собой.

Затем Дрю наклонился и, широко раскрыв губы киски, провел по ней языком, прикосновение было таким долгим и обжигающим. Он скользил по всему ее лону, обводя чувствительный клитор, посылая разряды чистого удовольствия через все тело Женестьева.

— О. Дрю! — выдохнула она, а затем ее руки каким-то образом выпустили прутья изголовья, вместо этого вцепившись в волосы Дрю. Джен ждала, что он сделает ей выговор, как было пару раз до этого, когда она пыталась опустить руки. Но он только жадно зарычал и снова лизнул ее киску, на этот раз уделяя особое внимание ее клитору, вновь и вновь кружа языком вокруг нежного маленького бутона.

— Ах! — застонала Женевьева, подаваясь ему на встречу, не в силах ничего с собой поделаться. Те несколько раз, когда Чарльз пытался ласкать ее подобным образом, решившись спуститься к ее киске в первые годы их брака, не шли ни в какое сравнение с тем, что сейчас делал Дрю. Он поглощал ее киску, как будто она была самая вкусной вещью, которую он когда-либо пробовал — словно он был зависим от ее вкуса. Язык Дрю, казалось, был повсюду, то кружа, то крепко надавливая на клитор, а затем опускался ниже, чтобы окунуться в лоно, точно желая стереть все следы шоколадной краски, которую Дрю вылил на Женевьеву чуть раньше.

Джен крепче сжала густые черные волосы Дрю, поднимая бедра, бесстыдно предлагая ему себя.

«Боже — обожеобожеобоже! Это ощущается так хорошо! Так потрясающе!» — проносились мысли в ее голове, пока Женевьева неслась навстречу своему оргазму. Дрю поклялся, что заставит ее кончить сегодня вечером, и внезапно, после того времени, что показалось ей часами, когда он дразнил ее, Джен оказалась на самой грани. Но ей было нужно что-то... что-то еще, что-то еще, чтобы подтолкнуть ее к краю.

— Дрю, — выдохнула она, извиваясь под ним. — Я хочу... Мне нужно...

Казалось, он понял ее прекрасно. С низким рыком, вибрации от которого, казалось, пронзили все киску, Дрю ввел глубоко в нее два длинных сильных пальца и принялся толкаться ими в лоно. Одновременно с этим, он втянул чувствительный клитор между губ и принялся ласкать его языком, заставляя тело Женевьевы сотрясаться.

— Оо! Боже, Дрю, да! — задыхалась она, не в состоянии остановиться. — Да Пожалуйста, да!

Оргазм пронесся сквозь Женевьеву, более глубокий и насыщенный, чем тот, который она получила предыдущей ночью, когда он просто терся об нее. Это было удивительно... удовольствие, подобного которому Джен не испытывала еще никогда в жизни, и оно распространялось в каждую ее клеточку, словно солнце взорвалось внутри, порождая суперновую звезду. От кончиков волос до пальцев на ногах — каждую часть ее тела пронзило наслаждением.

А затем, до того как она успела хоть что-то осознать, Дрю скользнул по ней вверх, прижав к кровати.

— Дрю? — Женевьева посмотрела на него, ее глаза неожиданно распахнулись еще шире от страха, когда она почувствовала твердую длину члена, прижимающегося к ее животу. — Ты сказал... ты обещал...

— Расслабься, детка, — Дрю посмотрел на нее, его глаза сверкали. — Мы собираемся просто притвориться, помнишь?

Происходящее совсем не казалось Женевьеве притворством, особенно когда она чувствовала, что длинный толстый ствол раздвигает опухшие губы ее киски. Но, хотя он скользил вдоль нее самым интимным образом, Дрю даже не пытался войти в лоно своим членом. Вместо этого он остался между ее бедер, потирая ее чувствительный клитор своим стержнем, толчок за толчком, пока Джен не почувствовала, что внутри нее начал

зарождаться еще один оргазм.

Сдавшись удовольствию, Женевьева застонала и обвила его бедра ногами. Боже, что с ней было не так? Ей не следовало делать подобного! Это было уже слишком — слишком близко к черте, через которую Джен не желала переступить! Но, казалось, ничто не могло остановить мужчину, возвышающегося над ней. Он удерживал ее под собой, прижимая своим большим и мускулистым телом к матрасу, доминируя над Джен так, как никто и никогда в ее жизни. Женевьева чувствовала себя абсолютно открытой... полностью принадлежащей Дрю, когда он прижимался к ней, толкаясь против нее.

— Дрю! — выдохнула Джен, посмотрев на него.

— Поцелуй меня, — прохрипел он, склоняясь, чтобы завладеть ее ртом. — Я хочу целовать тебя, пока подвожу тебя к оргазму, Джен.

С легким стоном, она отдала ему свои губы, разомкнув их для голодного языка Дрю, когда тот стал настойчиво просить впустить его. У него был вкус шоколада и Джен — соков с ее киски — и это лишь завело еще больше. Боже, все это напоминало воплотившуюся жаркую эротичную фантазию — Женевьева не могла поверить, что делала это! Но чувствуя, как Дрю с каждым толчком терся о ее клитор, она ничего не могла поделать, кроме как подаваться ему навстречу... и часть ее хотела, чтобы он сделал намного больше, нежели просто скользил вдоль киски.

— Дрю! — беспомощно застонала она, разрывая их поцелуй, когда почувствовала, как второй оргазм накатывал на нее. — О мой Бог, я кончаю! Ты заставляешь меня кончать так сильно!

— Вот так, детка — кончи для меня, — мягко прорычал он. — Кончи на мой член.

Грязные слова, произнесенные низким хриплым голосом, какого Женевьева не слышала у Дрю, до того как между ними начали зарождаться эти новые сексуальные отношения, толкнули ее через край. Она выгнулась к нему навстречу, а затем, низко застав, почувствовала, как его толстый член пульсирует между внутренних губ киски, а что-то горячее и влажное брызнуло на ее живот.

Они вместе кончили, и было не важно, что говорил Дрю о том, что они не будут смешивать их личные и рабочие отношения, Женевьева знала, что ничего уже не будет между ними как раньше.

«Мы должна прекратить это, — поклялась она себе, — Должны вернуться к простому притворству. Все идет слишком быстро — стоит нам только пересечь черту, и мы оба пожалеем об этом, вернувшись на работу после Рождества».

А затем Женевьева отбросила эти мысли. Завтра, она прекратит все, что происходило между ними... завтра. А сейчас Джен просто хотела наслаждаться удовольствием, которое Дрю подарил ей, и забыть обо всем остальном.

— Итак, судя по всему, вчерашняя ночь у вас прошла *немного* лучше.

Доктор Филлипс с одобрением посмотрел на изображение на экране.

— Да, эм, думаю да.

Голос Женевьевы звучал тихо и смущенно, в то время как они смотрели на запись вчерашних ночных интимных упражнений.

Дрю, бросив на нее обеспокоенный взгляд, увидел, что, несмотря на полумрак в комнате, Джен покраснела. Что касалось его самого, то он считал, что наблюдать за восхитительно чувственными вещами, что они вытворяли с обнаженными телами друг друга, было возбуждающе — или было бы возбуждающе, будь они единственными, кто смотрел запись. Но доктор Филлипс был с ними, и Дрю мог бы сказать, что именно из-за этого Джен испытывала неловкость и смущение.

От него не скрылось то, что она расстроилась, и, сидя в другом конце комнаты от него, раздосадовано поправляла рубашку. Дрю разозлился. Чертов идиот Филлипс с его склонностями к вуайеризму!

— Слушайте, — сказал он, нахмурившись, — вы увидели достаточно, чтобы понять, что мы последовали вашим предписаниям, так почему бы нам сейчас не покончить с этим?

— Думаю, пока нет, — пробормотал Филлипс. — Однако мы немного ускорим процесс.

Быстро перемотав сцену в ванной, он перешел к той части, где Джен лежала обнаженной на кровати, а Дрю рисовал на ее груди шоколадной краской для тела.

— Боже!

Теперь щеки Джен горели ярким пламенем, и Дрю почувствовал потребность защитить ее, а в его горле зародилось собственническое рычание. Не раздумывая, он потянулся к ней и притянул ближе к себе. Сначала Женевьева напряглась, но потом, спрятав лицо у него на груди, словно не могла больше на смотреть на экран. Ее столь явное сокрушение разозлило Дрю еще больше.

— Сейчас же остановите это гребаное видео, — прорычал он Филлиппсу. — То, что вы наблюдаете за нами, заставило Джен почувствовать себя действительно плохо, и, лично мне не нравится, когда другой мужчина смотрит на мою жену.

— Х-м-м, этот небольшой просмотр упражнений, видимо, открыл совершенно иную вашу сторону, Дрю, — пробормотал Филлипс, не остановив запись. — Ваше чувство собственности и потребность защитить раскрылись в вас намного больше, чем во время нашего прошлого просмотра.

— На этой записи мы намного больше обнажены, чем на прошлой, — подметила Джен. Несмотря на то, что ее голос звучал приглушенно, слова были понятны.

— Для вас это проблема, Женевьева? Чувствовать себя *обнаженной* и уязвимой? Это было сложным упражнением для вас? — спросил Филлипс, указывая на экран, где Дрю облизывал и посасывал ее соски.

— Это... было нелегко, — призналась она, наконец, сев прямо, с пылающими щеками. — Но *это* тоже не просто.

— Смотреть? Или знать, что кто-то другой посмотрит? — допытывался Филлипс.

— И то, и другое. Любое. Выберите то, что вам нравится больше, — выдохнула Женевьева, прикрыв щеки руками. — Пожалуйста, можем мы просто выключить это?

— Через секунду. Расскажите мне, почему это было трудно для вас? Мне кажется, что это связано с вашей уязвимостью. Вот здесь, например, — размышлял Филлипс, показывая на экран. — Я вижу, что вы держите руки над головой — почему вы делаете себя еще более уязвимой, чем есть на самом деле?

— Потому что я велел ей это, — огрызнулся Дрю, нахмурившись.

— О? И вы были готовы сделать то, что он сказал? — психотерапевт неодобрительно посмотрел на Женевьеву. — Не возражаете следовать его приказам?

— Дрю был... очень доминирующим в, хм, спальне.

Щеки Джен покраснели еще больше, и она бросила взгляд на Дрю, который разглядывал ее с интересом. Ему *казалось*, что женщина неплохо отреагировала на его доминирующую сторону — то, чего она, разумеется, никогда не встречала на работе.

— Как сейчас? — Филлипс выглядел заинтригованным. — И вам нравится, когда ваш муж доминирует, Женевьева?

— Я... — она бросила на Дрю еще один взгляд. — Да, — почти что прошептала Джен. — Это... Я, ох, никогда не была с мужчиной, который... который действовал бы так. Но я... ммм, мне нравится это.

— Очень интересно, — Филлипс сделал пометку. — Конечно, на работе, Женевьева, вы всегда должны все контролировать — говорить другим, что делать. Но в спальне, вы не возражаете подчиниться приказам Дрю, отдавая ему контроль — правильно?

— Да. Я... Думаю, так и есть. О!

Дрю, изучавший ее лицо, пока Джен говорила, поднял взгляд, чтобы посмотреть, что именно заставило ее ахнуть. На экране была как раз та часть, где он расположился между ее ног, чтобы разрисовать ее киску шоколадной краской для тела. Дрю собирался вновь потребовать, чтобы Филлипс остановил запись — он, возможно даже, встав и перехватив контроль, сделал бы это самостоятельно, когда вновь посмотрел на лицо Женевьевы.

Ее щеки уже не просто порозовели от смущения — они пылали. Зрачки расширились, а дыхание было рваным.

Она была невероятно смущена... или невероятно возбуждена?

Филлипс, что внимательно следил за ее реакцией, вместо того, чтобы смотреть на сцену на экране, видимо, тоже хорошенько уловил язык тела Женевьевы.

— Кажется, этот момент прошлой ночи особенно влияет на вас, Женевьева, — пробормотал мужчина.

— Ам... да. Да, думаю, это так, — прошептала она в ответ, не отрывая взгляда от экрана.

Казалось бы, Джен не хотела смотреть, но почему-то не могла отвести взгляд. Быстро посмотрев на экран, Дрю понял, что сейчас как раз настало время той части, где он отказался от кисти, решив попросту разлить шоколадный соус на ее тело и слизать его.

Против воли, его член, и до того находящийся в полувозбужденном состоянии, затвердел в джинсах. Боже, он все еще помнил теплый, женственный запах ее киски... солоноватый вкус под приторной сладостью шоколада... то, насколько она стала влажной для него. Дрю бросил взгляд на экран, где был как раз тот момент, когда Джен запустила руки в его волосы, прижимаясь к его губам, полностью отдаваясь ему. Черт, это было горячо!

Он почувствовал, как рядом с ним беспокойно заерзала на диване Женевьева. Если она хотя бы наполовину чувствовала то, что чувствовал он...

— Я вижу, что вы, наконец-то, убрали руки от изголовья, — сухо прокомментировал

Филлипс, пока все трое наблюдали за тем, как Джен изгибалась, стонала и объезжала язык Дрю.

— Я... Я не могла ничего с этим поделать, — прошептала Джен. — Я... Думаю, я потеряла контроль.

— И это было сложно для вас? Потерять контроль? — поинтересовался доктор. — Могу предположить, что это как раз то, что вы делаете редко.

— Никогда. Я... Я всегда держу все под контролем, — Джен все еще не отрывала взгляд от экрана.

— Но Дрю *заставил* вас потерять контроль... он позволил вам отказаться от ваших запретов и открыть для себя удовольствие... любить, — поддразнил Филлипс.

— Любить?

Отведя взгляд от экрана, Женестьева посмотрела на Дрю, который в ответ смотрел на нее.

Любви? Это слово крутилось в его голове. Это правда: Дрю чувствовал себя больше защитником и собственником по отношению к женщине, что сидящей рядом с ним, к женщине, к которой он привык чувствовать неприязнь, и думать о ней, как о боссе из ада. Но теперь он узнал ее лучше — и не только на плотском уровне. Под ее холодным колючим внешним видом пряталась страстная искренняя натура. Женщина, что сильно пострадала из-за развязности и предательства ее бывшего... потерянная маленькая девочка, которой хотелось, чтобы ее удержали и иногда подбадривали. И Дрю поймал себя на том, что ему нравилось быть тем, кто удерживал бы ее и успокаивал, любил это так же, как прикасаться и пробовать на вкус ее прекрасное тело.

Но было ли это любовью? Или, по крайней мере, началом любви?

Он не знал, но глядя в большие карие глаза Джен, подумал о том, что не возражал бы узнать.

— Джен, — пробормотал Дрю, протянув руку, желая прикоснуться к ее щеке.

— Дрю...

Наклонившись, она прижалась к его руке всего на мгновение. А потом, сделав усилие над собой, рассеяла чары, что каким-то образом обрушились на них двоих.

— Мне жаль, — встав, Джен скрестила руки на груди. — Я... Я не могу больше смотреть на это.

— Женестьева, — начал было доктор, но она покачала головой.

— Нет. Это вторжение в частную жизнь. И я отказываюсь быть предметом изучения.

— Мне жаль, что вы чувствуете себя подобным образом, — пробормотал Филлипс. — В таком случае, я ухожу.

— Что?

Дрю с удивлением посмотрел на доктора. Джен тоже выглядела потрясенной.

— Я сказал, что уйду, если вас так беспокоит необходимость разделить с кем-то ваш интимный момент. Но это не оправдывает вас двоих, — доктор указал на парочку своим длинным чуть кривоватым пальцем. — Я хочу, чтобы вы остались и досмотрели эту запись с прошлой ночи, а потом поговорили об этом — действительно *поговорили* о том, каким образом это заставило вас так открыться друг другу.

И прежде, чем кто-либо из них успел сказать хоть что-то, Филлипс вышел со своего кабинета, оставив Джен и Дрю наедине с их домашним секс-видео, все еще проигрывающимся на экране.

— Вау, — Женестьева вновья села на диван рядом с Дрю, устроив голову на своих руках. — Это было...

— Неожиданно, — низкий голос Дрю прозвучал тихо. — Не думал, что он может вот так просто уйти.

— Мне кажется, хорошо, что он так сделал, — Женестьева провела рукой по волосам. — Я, ах, не могла больше выносить это... эту сексуальную пытку, — женщина указала на экран. — Можем мы остановить запись, как думаешь?

Дрю задумался, но после покачал головой.

— Лучше не стоит. Если у него есть камеры во всех комнатах, кто может гарантировать, что в его собственном кабинете нет прослушки? Филлипс велел нам остаться и досмотреть — мы должны просто сделать это.

— Но это так *неловко*.

Женестьева вновья посмотрела на экран, где прямо в тот момент застыла картинка, как Дрю спрятал между ее бедер свою голову. Боже, как долго длилась эта часть записи? Казалось бы, она *вечность* наблюдала за тем, как он вылизывал ее.

Только Дрю больше не ощущался просто ее партнером или подчиненным. Не теперь, когда ей открылась его доминирующая сторона. Мужчина, что удержал ее и подарил ей удовольствие накануне ночью, полностью отличался от того славного, вежливого, с чуть саркастичным чувством юмора коллеги, которого она знала.

«*Кто ты?* — пронеслось в ее мыслях, когда Женестьева посмотрела на Дрю. — *У меня такое чувство, что я тебя не знаю больше*».

Или, может быть, она знала его теперь слишком хорошо...

— Почему тебе неловко? — пробормотал Дрю, удерживая ее взгляд. — Потому что ты получала наслаждение?

Он указал на экран, на котором Джен изгибалась и стонала, к счастью, беззвучно, поскольку запись не предусматривала этого.

— Что с этим не так?

— Ничего, если бы мы были... если бы мы на самом деле были парой, — произнесла Женестьева, скрестив руки на груди в защитном жесте. — Но я просто... Я никогда не думала, что это... может зайти так далеко.

— Мы не пересекли черту, — Дрю указал на экран, где он, расположившись между ее бедер, прильнул к ней.

Для кого-то другого, Женестьева знала, что это будет выглядеть так, словно Дрю на самом деле вошел в нее. Она покраснела, глядя на то, как выгнулись его бедра и подтянутая задница, когда Дрю навис над ней. Боже, она все еще чувствовала его между своих ног! Его горячий язык, и жесткое восхитительное движение его твердого члена об ее киску...

— Нам нужно остановить это, — вздохнула женщина, вновья встав с дивана. — Я не могу... не могу...

— Не можешь что, Джен? — Дрю пристально посмотрел на нее. — Не можешь позволить себе быть уязвимой? Или быть чувственной?

— Я... — она покачала головой, не зная, что сказать.

— Знаешь, в этом и причина, по которой ты получила прозвище «Снежная Королева» в офисе, — мягко произнес он. — И дело не только в том, что трудно работать под твоим руководством. Ты никогда никого не пускаешь внутрь, Джен, — поднявшись, Дрю взял ее руки в свои. — Я работал на тебя много лет, но это впервые, когда я чувствую, что знаю тебя — тебя *настоящую*.

Женевьева почувствовала, как с ее губ сорвался истерический смешок.

— Точно, и стоило только оказаться со мной обнаженным, чтобы понять это.

— Дело не в этом. Не только в *этом*, — настоял Дрю, указав на экран. — Это то, что позволяет тебе быть со мной настоящей. То, как мы говорили о наших бывших. Черт возьми, даже то, как мы одурачили Майрона и Митци вместе! Суть в том, чтобы быть *рядом* с тобой, Джен. Я... Черт возьми... — Дрю провел рукой по волосам. — Ты мне *нравиться*. И даже больше, чем нравишься. Думаю, я начинаю...

— Не говори этого! — выпалила Женевьева. — Пожалуйста, Дрю. Ты... Ты не можешь.

— Хорошо, — вздохнул он. — Я не скажу этого. В любом случае, не сейчас.

«*Никогда*», — подумала Джен, но почему-то не могла заставить себя произнести это слово. К ее облегчению, запись сцены прошлой ночи, наконец, закончилась. Она наблюдала за тем, как Дрю отстранился от нее и направился за полотенцем, чтобы очистить их двоих. Затем, когда парочка уже была чистой и сухой, он устроился за ее спиной, обняв и прижав к своей широкой груди.

Женевьева не могла остановить тоскливый вздох, сорвавшийся с ее губ. Просто наблюдая за этой нежной сценой, она вспомнила, насколько нежным был Дрю, насколько тепло и защищенно чувствовала себя в его объятьях, как комфортно ей было дремать в его мускулистых руках.

— Вот прямо здесь, — тихо сказал Дрю, указывая на экран. — *Вот* почему я чувствую, что, наконец-то, начинаю узнавать тебя. Женевьева... — обхватив ее за плечи, он посмотрел Джен в глаза. — Когда ты позволяешь себе опустить свои щиты, то становишься настолько прекрасной, детка, — пробормотал он.

— Дрю... — Женевьева покачала головой. — Я... Я не могу сейчас говорить об этом.

— Хорошо, — Дрю опустил руки. — Понял. Как на счет того, чтобы пойти посмотреть, что там на обед?

— Конечно. Я, эм, проголодалась, — солгала Женевьева.

Но в ее животе порхала одна большая стая бабочек. Возможно, здесь происходило что-то большее, чем просто деловая сделка? Возможно, она влюблялась в Дрю... но мог ли и он полюбить ее в ответ?

«*Не будь смешной*, — сказала она себе. — *Он слишком молод для тебя. Это ничего не значит, все прекратится в ту же минуту, как мы уедем*».

Но, когда Дрю взял ее за руку и переплел их пальцы, она и не попыталась отстраниться. Джен позволила ему вывести себя из офиса Филлипса, и даже прислонилась к его широкой груди, когда Дрю обнял ее.

«*Еще всего пара дней*, — сказала она себе. — *Это еще всего на несколько дней. Нужно взять от них как можно больше*».

— О, прекрасный выбор. У вас очень хороший вкус, сэр.

— Ну, спасибо, — кивнул Дрю пожилому джентльмену по ту сторону прилавка с ювелирными изделиями.

Он был рад, что подумал о том, чтобы заглянуть в ювелирный магазин в правом крыле «Соснового рая». После сегодняшнего сеанса с Филлипсом, их отношения с Джен стали напряженными, и Дрю подумал, что это смогло бы смягчить ситуацию между ними.

— Эй, вот ты где. А я все думала, куда ты ушел после ланча.

Женевьева приблизилась к нему сзади, и от вида огромного розового камня на золотом кольце ее глаза расширились.

— Вау, это...

— Поддельный цирконий, — с усмешкой закончил за нее Дрю. — Я помню, как ты сказала, что тебе до смерти надоели твои огромные безвкусные *настоящие* бриллианты, — Дрю кивнул на грушевидный камень на ее руке. — Так что я подумал, почему бы не заменить его огромным, безвкусным и *поддельным*?

Закончив расплачиваться с консультантом, он протянул кольцо Женевьеве.

— В смысле, я мог бы выбрать что-то элегантное и со вкусом, но подумал о том, кому это нужно? Это же так *скучно*.

— Чрезвычайно скучно, — согласилась с ним Джен с улыбкой на губах. — Но, Дрю, не стоило! Даже если это не настоящий бриллиант — тут украшения все равно стоят довольно дорого, — Женевьева указала на маленький элегантный магазин, внутри обрамленный черным бархатом и сверкающий подобно Яйцу Фаберже.

— Все в порядке, малышка — просто называй меня безнадежным романтиком. Ничто, кроме самых дорогих фальшивых украшений для моей девушки, — забрав кольцо, Дрю опустил на колено. Взяв Джен за руку, он с любовью посмотрел в ее большие карие глаза. — Женевьева, ты выйдешь за меня замуж?

— Дрю!

Щеки Женевьевы покраснели, и на какое-то мгновение она подумала, что его шутка зашла слишком далеко. Но потом, сняв обручальное кольцо с самым настоящим бриллиантом со своего пальца, спрятала его в карман юбки. Вытянув левую руку, Джен произнесла:

— Ладно, надень его на меня.

Ухмыльнувшись, Дрю надел на ее палец блестящее розовое кольцо.

— Я знал, что ты тоже безнадежный романтик.

— Пожалуй.

Женевьева все еще любовалась кольцом, когда за ними раздался глубокий сухой голос:

— Как вижу, вы готовитесь к вашей церемонии обновления обетов на Рождество. Просто убедитесь, что при покупке обручального кольца, вы выберете то, что будет соответствовать помолвочному.

Вскинув голову, Дрю увидел надвигающегося на них Филлипса, полы его пиджака развевались, словно паруса корабля, шедшего на полном ходу.

— Ах...

Мужчина смутно помнил, что Филлипс говорил что-то об обновлении обета, когда они

впервые увидели его, но Дрю и не мечтал о том, чтобы они с Джен провернули это в действительности. Но, почему бы и нет? Не то, чтобы это имело какую-то юридическую силу.

— Ага, — ответил он, поднявшись на ноги и обняв Женеьеву. — Мы не можем дожидаться церемонии.

— Что же, хорошо, — с жаром кивнул Филлипс. — Думаю, для вас двоих еще есть надежда. Вы уже выглядите гораздо ближе и счастливее, чем были, когда впервые приехали сюда.

— Да?

Дрю посмотрел на Женеьеву. Ее щеки чуть покраснели, но она не выглядела расстроенной. Он припомнил, с какой неохотой она вначале позволяла ему даже просто держать себя за руку. Теперь же, Джен уютно устроилась в его объятьях, не говоря и слова.

— Думаю, так и есть, — пробормотал Дрю, улыбнувшись Женеьеве.

Ему нравилось то, как ощущалось ее мягкое, пышное тело, напротив его собственного, гораздо большего. То, как Джен смотрела на него с чем-то похожим на доверие в глазах.

— Хорошо, я оставлю вас, продолжайте то, чем занимались, — кивнул им Филлипс. — Только помните, что церемония пройдет завтра в десять, сразу после завтрака, — он мило улыбнулся. — Лично я не могу придумать лучший способ провести Рождество, чем повторно подтвердить свою любовь.

— Звучит прекрасно, — пробормотала Джен, и Дрю почувствовал, как она едва ощутимо, с облегчением, выдохнула, когда Филлипс развернулся и направился к другой несчастной парочке.

— Фух, — проворчал он, когда Филлипс оказался вне зоны их слышимости. — Я боялся, что он мог еще раз раскритиковать наше «представление» прошлой ночью.

— Он ужасный, — прошептала в ответ Джен. — Мне кажется, что Стюарт на самом деле и не представляет о том, что здесь происходит.

— Ну, ты можешь сказать ему об этом, когда мы вернемся, — вздохнул Дрю. — Кажется, пришло время групповой терапии. Интересно, какое удивительное произведение искусства мы будем делать сегодня? Возможно, на этот раз у них будет куча мольбертов, и у тебя появится шанс нарисовать меня в обнаженном виде.

— Дрю, — Джен с улыбкой покачала головой.

— Что? — он приложил руку к груди в притворной обиде. — Я просто удивительно артистичная модель, и ты убедишься в этом. В колледже я все время был моделью ню.

— Ты не мог, — запротестовала Женеьева, идя по коридору с ворсовым ковром в комнату групповой терапии.

— О, еще как мог, — в ответ возмутился Дрю. — Я решил, что это круче, чем переворачивать котлеты для гамбургеров в Макдональдсе. Кроме того, все леди интересовались моим именем, — он склонил голову в сторону. — Конечно... удивительно, что они помнили, как меня зовут, учитывая, что класс моего позирования был для дома престарелых. И я должен признать, что когда они говорили о позировании, я думал, организаторы подразумевали, что я буду использовать глину и помогать постояльцам лепить пепельницы. Тем не менее, никто не возражал, когда я оголился, так что я понял...

Дрю замолчал, потому что Джен смеялась так, что едва могла стоять, и ему пришлось придержать ее одной рукой.

— Дрю, — задыхаясь, она обняла его за талию, покачав головой. — Ну что ты за

человек? Почему ты всегда пытаешься рассмешить меня?

— Возможно потому, что мне нравится слышать твой смех, — ответил он с внезапной серьезностью. Чуть приподняв ее подбородок, Дрю посмотрел в глаза Женевьевы. — У тебя великолепный смех: мягкий и сексуальный. Не думаю, что слышал, как ты когда-либо смеялась. До этих выходных, понимаешь?

Джен тоже внезапно посерьезнела.

— У меня было немного причин для смеха, — пробормотала она. — Особенно в последние шесть месяцев, когда я переживала из-за того, что могла потерять работу.

— Ты не потеряешь свою работу, — пообещал ей Дрю. — Хотя... — он наклонился и прикоснулся к губам Джен мягким поцелуем. — Ты можешь потерять свое сердце.

Дрю подразумевал это, как шутку — еще один способ рассмешить Джен. Но ее прекрасное лицо было серьезным, когда он чуть отстранился, чтобы посмотреть на нее.

— Дрю, — прошептала она. — Я...

— Да, детка?

Чувствуя, что ей нужно сказать что-то важное, он наклонился ближе.

— Гм... Я... У меня есть для тебя подарок, — выпалила Джен. — Вот, что я хотела рассказать, когда нашла тебя в ювелирном магазине.

Дрю подумал, что это не то, что она хотела сказать, но ее слова заинтриговали его.

— Подарок? Что это?

— Это касается ужина. Мы не должны проводить его с Митци и Майроном, или с Стэном и Джорджией.

— У тебя появилась на примете новая парочка друзей для нас? — спросил Дрю, нахмурившись. Сам он считал, что любая другая пара будет лучше тех двух, с которыми они уже ужинали, но это нельзя было никак предугадать.

— Не-а, мы не будем ни с кем сидеть. Мы будем наедине.

Мужчина ухмыльнулся.

— Звучит словно чудо сочельника. Как тебе удалось провернуть это?

— Я сходила на кухню и договорилась о том, что сегодня мы устроим себе импровизированный пикник, вместо ужина.

— М-м-м, звучит мило, — кивнул Дрю.

— Ты еще не слышал лучшую часть — мы можем свалить из «Соснового рая» — мы действительно уходим! Уходим из-под пристального внимания Филлипса на какое-то время.

Женевьева выглядела очень взволнованно и воодушевленно.

— Хочешь сказать... на самом деле выйти на улицу и устроить пикник на свежем воздухе? — Дрю нахмурился. — Смотри, Джен, я не против прохладной погоды — я рос в Колорадо и привык к этому. Но ты — девчонка из Флориды, а на улице похоже всего сорок градусов⁸.

— Мне все равно, насколько там холодно, — пылко произнесла она. — Я бы поужинала и в мясохранилище, просидев там до тех пор, пока у меня не пропало бы ощущение, что Филлипс, подобно падальщику, не кружит над моим плечом.

— Хэй... — Дрю неотрывно смотрел на Джен. — «Сеанс терапии» этим утром действительно расстроил тебя, не так ли?

Прикусив губу, она отвела взгляд.

— Мне не нравится чувствовать себя так. Чувствовать себя так... Уязвимо.

Дрю подумал о том, говорила Джен сейчас о чувстве уязвимости перед Филлипсом...

или перед ним. Но в ответ он просто пожал плечами.

— Хорошо, если ты на самом деле не возражаешь против холода...

— Я буду в порядке. Кроме того, мы не уйдем далеко. В лесу, поблизости от пансионата, должен быть столик для пикника. Мы просто поужинаем и вернемся назад. Мы уйдем ровно настолько, чтобы пропустить ужин с остальными.

— Говоришь, как истинный отшельник — и девушка, которая мне по сердцу, — улыбнулся ей Дрю. — Хорошо, когда мы выходим?

— Сразу после групповой терапии. На кухне пообещали приготовить для нас корзинку для пикника — все, что нам нужно сделать, так это забежать и забрать ее.

— Сначала нам следует переодеться в теплую одежду, — подметил Дрю, рассматривая ее маленькую черную юбку и высокие каблуки. — Ты взяла с собой какие-нибудь походные ботинки?

— Мне не нужны походные сапоги, чтобы пройти несколько сотен футов от пансионата, — запротестовала Женевьева. — Не беспокойся, Дрю. Я буду в порядке. Это будет весело, вот увидишь.

— Не могу дождаться, — ухмыльнулся в он ответ. — Пошли, давай закончим с групповой терапией, чтобы мы могли пойти на пикник в самый разгар зимы в неподходящей обуви.

— Дрю!

Джен, ухмыльнувшись ему, игриво ударила спутника по груди.

Дрю улыбнулся в ответ, будучи счастливым только от того, что был рядом с ней. Когда он пошел на сделку с Джен, согласившись изобразить ее мужа в «Сосновом раю», он был уверен, что это будет один из самых длинных уикендов в его жизни. Теперь же он не мог поверить, что прошло уже больше половины отведенного времени. И Дрю ничего не мог поделать с желанием, чтобы это продлилось дольше, потому что он был чертовски уверен, что потом отношения между ними больше никогда не будут такими легкими и непринужденными. Стоит им только вернуться в офис...

«Не думай об этом, — строго сказал он себе. — Живи этим моментом — просто наслаждайся этим временем с Джен».

Но как бы он ни старался, Дрю не мог справиться с чувством, что росло внутри него... как и с желанием, чтобы и Джен чувствовала то же самое.

— Ты уверена, что здесь должен быть столик для пикника? Мы идем уже целую вечность, и я не вижу ничего, кроме бесконечных чертовых деревьев.

Дрю продирался сквозь заросли, держа в руке огромную плетеную корзину для пикника.

— Сотрудники кухни сказали, что нужное на место находится всего в паре десятков футов от отеля. Это должно быть где-то здесь.

Женевьева попыталась, чтобы ее голос звучал спокойно, надеясь, что ее зубы не стучат, пока она говорила. Дрю был прав — несмотря на то, что на ней был кашемировый свитер и пальто — здесь было чертовски холодно! И модные маленькие ботильоны на

четырёхдюймовых⁹ каблуках, единственная уличная обувь, которую Джен взяла с собой, действительно были непригодны для прогулок по лесу. Тем не менее, пикник был ее идеей, и ей не хотелось признавать собственное поражение.

— Где-то тут, — сказала Джен, беря из рук Дрю корзину. — Позволь мне немного понести ее.

— Она достаточно тяжелая, — возразил он, уступив корзину. — Думаю, кухня упаковала туда бутылку вина.

— Отлично. Прямо сейчас я бы не отказалась от бокала.

Нахмурившись, Женевьева оглянулась. Сейчас они уже далеко ушли в лес, а солнце садилось быстро. Огни отеля из-за деревьев напоминали мерцающие вдалеке свечи. Ну, по крайней мере, в случае чего, они могли найти обратный путь. Но Джен не хотела возвращаться, сдавшись. Несмотря на мороз, здесь они были, по крайней мере, вдали от бдительного надзора доктора Филлипса. И, учитывая, насколько она была расстроена, этого было уже достаточно, чтобы продолжить поиски столика для пикника.

— Что это?

Дрю указал на место впереди.

— Хах. Похоже на какой-то сарай.

Женевьева прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то в быстро наступающих сумерках.

— Или хижина?

— Как думаешь, здесь живет кто-то? — спросил Дрю, нахмурившись. — Или это какая-то пристройка пансионата?

— Я не зн... — ее слова были прерваны утробным сердитым рычанием, прозвучавшим позади них. — Дрю? Что это было?

Джен посмотрела на него, увидев, как Дрю замер, глядя куда-то за свое плечо.

— Джен, — мягко сказал он. — Дай мне корзину.

— Дать тебе... почему? — она обернулась, чтобы увидеть то, на что смотрел Дрю. К ним, из леса, приближался черный силуэт. Он находился прямо между ними и огнями «Соснового рая», и расстояние сокращалось крайне быстро.

— Дай мне корзину, — вполголоса повторил Дрю. — А потом так тихо, как только сможешь, уходи в тот сарай.

— Что... что это?

Джен чувствовала, что она словно приросла к месту. Черный зверь с каждой секундой был все ближе. И, будто в ответ на ее вопрос, он, подняв свою морду, вновь зарычал — глубокий гортанный рык, грозно прогрохотавший в тихом лесу.

— О... О Боже, — едва прошептала она. — Это... медведь? Я думала, что в это время года они в спячке.

— Многие. Но не все. Отдай мне корзину и уходи в сарай. Я попробую отвлечь его, чтобы ты смогла укрыться в безопасном месте.

— Дрю, ты не можешь — выдохнула Женевьева, когда он забрал у нее корзину. — Тебя убьют!

— Мы оба будем мертвы, если ты не доберешься до того сарая. Иди, Джен сейчас же!

Дрю говорил тихо, но из-за силы, прозвучавшей в его голосе, казалось, что он кричал.

Женевьева не хотелось оставлять его, но она не знала, что могла еще сделать. Она начала отступать назад, пытаясь рассмотреть, куда ступает, чтобы не споткнуться о какую-

либо лозу или ветку и, одновременно, держать медведя в поле зрения.

«*Боже, это все я и мои глупые идеи о пикниках! Но кто знал, что здесь будет медведь? Что нам делать? Я не могу оставить Дрю вот так — не могу!*»

Под ее ногами треснула веточка, и медведь, вновь зарычав, направился в ее сторону.

— Нет! Сюда! Сюда!

Заглянув в корзину, Дрю вытащил первое, что попало ему под руку, бросив найденное в медведя, который остановился, чтобы исследовать снаряд, вынюхивая его среди грязи и листьев.

— Продолжай идти, — сказал Дрю Джен все тем же низким сдержанным голосом. — Я отвлеку его, просто *продолжай двигаться*.

Чувствуя, что ее сердце вот-вот было готово выскочить из груди, а желудок похолодел от страха, Джен последовала словам Дрю. Она медленно подошла к ступеням крошечной хижины, молясь о том, чтобы дверь оказалась не заперта. Что же им делать, если у Дрю закончится еда в корзине для пикника, и медведь решит предпочесть на ужин их самих?

— Вот так, приятель.

Она слышала, как Дрю бросал из корзины все больше вещей к лапам медведя. Он тоже украдкой отступал назад, двигаясь с небывалой грацией для такого огромного мужчины.

Женевьева поднялась по шатким деревянным ступеням, бросив на медведя еще один взгляд, пока вслепую выискивала дверной замок. К ее облегчению, когда она надавила на металлическую защелку, то почувствовала, как дверь отворилась внутрь. К несчастью, из-за этого движения раздался такой громкий скрип, что медведь, подняв голову, вновь издал устрашающий рев.

Внезапно поднявшись на задние лапы, зверь низко гортанно зарычал в небо. Женевьева почувствовала, как ее накрыла волна чистого ужаса, когда огромный хищник, издал оглушительный рев, от которого, казалось бы, едва не лопнули ее барабанные перепонки.

— Осторожно — он атакует! — услышала она крик Дрю. А после он оказался рядом с ней на крыльце, заталкивая Женевьеву в крошечную хижину и захлопывая за ними дверь, когда медведь бросился в их сторону.

— Назад! — крикнул он Женевьеве, упершись плечом в дверь. — Черт возьми, есть что-то, что может запереть эту штуку? Или заблокировать ее?

— Попробуй это!

Рядом с входной дверью было небольшой диванчик — видимо, они оказались в хижине, а не в складском сарае. Женевьева попыталась сдвинуть его, но кушетка оказалось на удивление тяжелой. Наклонившись, она уперлась в нее плечом, со всей силой пытаясь сместить. С треском и скрипом маленькая, но прочная мебель заскользила по деревянному полу.

— Отлично, это просто отлично!

Как только диванчик оказалось достаточно близко, Дрю, вытянув руку, подтащил его вперед. Но едва им удалось пододвинуть мебель к двери, как снаружи раздался низкий рев, и огромная лапа с трехдюймовыми¹⁰ когтями просунулась между дверью и косяком. Тяжелый двухместный диван оказался отброшен назад, словно он весил не больше, чем кресло-мешок. Длинная притупленная оскаленная морда просунулась вслед за лапой — медведь рычал и сопел, пытаясь прорваться в хижину.

— Сукин сын! — проскрежетал Дрю. У него в руке оказалось что-то, и, рассмотрев, Джен увидела, что это была бутылка вина из корзины для пикника. Размахнувшись, он со

всей силы ударил медведя прямо по его чувствительному черному носу.

Раздался еще один рык — на этот раз переполненный боли, и лапа с мордой внезапно исчезли.

Выругавшись, Дрю захлопнул дверь, заблокировав ее диваном. А после принялся похлопывать над дверной перемычкой, словно выискивая что-то.

— Что ты... — начала было Джен.

— Нашел!

Дрю с торжеством достал маленький медный ключик и засунул его в замок, который на ощупь отыскал в тусклом свете, прибившемся сквозь высокие окна. Прозвучал приглушенный звук проворачивания, а после раздался звонкий щелчок, после чего Дрю отступил назад, спрятав ключ в кармане.

— Там... Это должно удержать его снаружи.

— Ты... ты уверен?

Женевьева приложила ладонь к тому месту, где так сильно стучало ее сердце — ей казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

— Боже мой, Дрю, он был огромным.

— Просто проснувшийся бурый медведь, — пожал он плечами. — Я видел и побольше, когда отправлялся на охоту с отцом.

Бросив взгляд в сторону одного из высоких окон, Дрю кивнул.

— Хорошо, видимо его больше заинтересовала корзина для пикника, чем желание вломиться сюда. Думаю, с нами все будет в порядке.

— Ты... Он... Я...

Внезапно, страх пронесся сквозь нее, заставив Джен почувствовать себя слабой и взволнованной, и она дала волю слезам.

— Дрю! — всхлипнула она, спрятав лицо в руках, оседая на пол. — О Боже!

— Джен?

Он, бросился к ней и обнял. Поскольку Женевьева уже сидела на пыльном паркетном полу, Дрю не осталось ничего другого, кроме как сесть рядом и перетянуть ее на свои колени.

— Ч-ш-ш, малышка, все в порядке, — пробормотал он, прижимая Женевьеву к своей широкой груди. — Все будет хорошо.

— Но он... он мог убить тебя! — удалось выдавить Джен, сквозь рыдания.

— Он мог нанести некоторые увечья, — признался Дрю. Женевьеве он все еще казался удивительно спокойным. — Но он не сделал этого.

— Не из-за того, что не пытался, — попыталась прийти в себя Джен. — Дрю, мне так жаль! Это все моя вина — в первую очередь, именно из-за меня мы оказались здесь. Просто потому, что мне хотелось хоть ненадолго сбежать от Филлипса и его чертовых камер наблюдения.

— Эй, не вини себя — я тоже хотел уйти. Идея с пикником казалась прекрасной, — Дрю состроил грустную мину. — Жаль, что корзину мне пришлось оставить Йоги¹¹.

— Я просто рада, что ты не оставил ему ногу или руку в придачу. — Джен утерла глаза рукавом пальто. — Не могу поверить, что ты так спокоен, когда тот зверь поджидает нас снаружи!

Дрю пожал плечами.

— Там, откуда я родом, медведи не редкое явление. Лучшая защита — держать под

рукой дробовик и парочку огромных собак. Конечно, если всего этого не оказалось рядом, сойдет и бутылка Шато де Гризли Нокаутер, — он кивнул на бутылку вина, которую все еще держал в руке.

— Дрю! — Джен внезапно поймала себя на том, что смеется сквозь слезы. Обернув руки вокруг его шеи, она прижалась покрасневшей щекой к нему. — Ты удивительный, — пробормотала Женева. — Веселый, храбрый и сильный, и...

— Эй, расслабься, ты расхвалишь меня.

Но когда Джен отстранилась, чтобы посмотреть на него, Дрю улыбался, явно довольный ее похвалой.

— Мне все равно, — честно призналась она. — Ты должен гордиться собой. Ты настолько отличаешься... в тебе есть нечто гораздо *большее*, чем я думала, за все эти годы, что мы работали вместе.

— Я мог бы сказать то же самое и о тебе, знаешь ли, — голос Дрю звучал низко и мягко, и Джен отметила в тусклом свете, что он прикрыл глаза. — Думаю, Ледяная Королева растаяла окончательно.

— И для этого потребовалось всего лишь нападение медведя, — Джен почувствовала, что, ступив на эту тропу, им стоит быть осторожными. И все же, часть ее, больше не хотела быть осторожной.

— В таком случае, напомни мне отвезти тебя на медвежью выставку в зоопарк, сразу же, как мы вернемся домой, — пробормотал Дрю. — Или на тебя оказывает подобное влияние любое крупное плотоядное млекопитающее? Львы..? Тигры..?

— Дрю... — Джен улыбнулась ему, поцеловав Дрю в щеку. — Спасибо тебе, — прошептала она ему на ухо. — И, что касается моего оттаивания, то тебе удалось справиться с этим лучше медведя.

— Что же, приятно это знать. Но, говоря о мистере Медведе, думаю, мы должны остаться здесь на некоторое время. Возможно, даже на ночь. Уже достаточно темно, и я не думаю, что будет хорошей идеей прогуляться по лесу вместе с голодным хищником. Мы можем гораздо больше сойти для него на полуночную закуску.

— Остаться здесь на ночь звучит хорошо, как по мне, — Джен задрожала. — Но, как думаешь, мы можем разжечь огонь в камине? В смысле, если он тут есть.

— Уверен, что есть. Дай мне посмотреть, — запустив руку в карман своего пиджака, Дрю достал оттуда небольшой фонарик. — Подумал, что нам он может пригодиться, когда мы собрались бы возвращаться с пикника, — объяснил он, щелкнув выключателем. — Идем, давай осмотримся.

Оказалось, что маленькая хижина была достаточно уютной, за исключением того, что была несколько пыльной. Дрю предположил, что, должно быть, это чей-то летний домик, а хозяин на зиму переехал куда-то в более теплое место.

Отопление не работало, потому что электричество было выключено, но в камине нашлась небольшая кучка дров, и, чуть поискав, они нашли на каминной полке спички.

Пока Дрю разжигал огонь, Женева, взяв фонарик, исследовала оставшуюся часть хижины. Здесь нашлась небольшая ванная и крошечная кухня, но, как ни странно, не обнаружилось спальни. Она отыскала стопку из пары съеденных молью одеял и нескольких простыней в крошечном узком шкафу, но для нее все еще оставалось тайной, где спал хозяин хижины.

— Ну, здесь есть ванная и кухня, но нет спальни, — сказала он Дрю, вернувшись со

своей короткой экскурсии. — Даже не знаю, где мы сегодня будем спать.

— Дай-ка посмотреть...

Отстранившись от камина, где уже горел огонь, Дрю поднялся на ноги и подошел к двуместному дивану, которым все еще была заблокирована дверь. Пока Женевьева заинтригованно наблюдала за его действиями, Дрю, сбросив диванные подушки, начал что-то искать.

— Ах, вот ты где, — воскликнул он.

Он рывком вытащил раскладную часть дивана с уже расстеленной на матрасе выцветшей простыней с цветочным узором.

— О, раскладной диван, я об этом и не подумала, — подметила Женевьева.

— Старый, — хмыкнул Дрю, вытаскивая маленькую кушетку и разворачивая ее к камину, от чего выдвинутая часть становилась похожей на высунутый изо рта язык.

— Сплошное железо — вот почему эта крошка была такой тяжелой. У моей бабушки такой же диван.

— Так вот где мы будем спать? — нахмурилась Женевьева.

— Если ты не предпочитаешь пол, я скажу «да», — Дрю пожал плечами. — Но я еще не хочу спать. Как на счет того, чтобы посмотреть, сможем ли мы что-то приготовить на ужин, поскольку мистер Медведь получил нашу еду для пикника?

Обыскав кухню, размером с почтовую марку, они нашли чуть залежавшуюся коробку с крекерами, а внутри крошечного холодильника — выглядевшую неплохо головку сыра гауда.

— Пир, достойный короля, или, по крайней мере, парочки избежавшей медвежьей атаки, — усмехнулся Дрю. — Просто нарежу все, и нам уже будет, чем перекусить. Не забывай, что у нас осталась бутылка вина, в дополнение к этому.

Пока Дрю занимался крекерами и сырной нарезкой, Женевьева меняла простыни и вытряхивала поеденное молью одеяло, расстилая его на крошечной раскладной кровати. Закончив, она подумала о том, что все выглядело достаточно уютно, особенно учитывая, что их место ночлега было прямо перед камином. В мягком розовом свечении даже казалось, что раскладная кровать выглядит привлекательно — ей даже удалось найти парочку подушек на самой верхушке крошечного бельевого шкафа. В комнате становилось все теплее, потому Джен сняла свое пальто, с благодарностью грея руки над маленьким огоньком.

— Выглядит, словно ты управилась со всем, — подметил Дрю, внося их ужин. Он тоже снял свое пальто, оставшись в обтягивающем свитере, подчеркивающим его широкие плечи и оттеняющий его глаза. — У меня тоже все готово, если ты не возражаешь пить вино из чашки для кофе. Не знаю, кто хозяин этой хижины, но здесь катастрофическая нехватка бокалов для шампанского.

— Я не возражаю против чашек для кофе, — Джен присела рядом с Дрю на краешек матраса, поставив тарелку с сыром и крекерами между ними, а чашку с хорошим красным вином взяв в руку. Она хотела было съесть крекер, но Дрю остановил ее.

— Подожди минуту, предполагалось, что это будет «накорми меня» пикник, где мы будем давать друг другу каждый кусочек пищи?

— О? — Джен удивленно посмотрела на Дрю. — Ты все еще хочешь этого?

— Только потому, что медведю досталась большая часть нашей еды для пикника, вовсе не означает, что это повод отказаться от всего этого, — отметил Дрю. — Более того, тот факт, что мы проведем ночь вдали от пансионата — избавляет нас от наших *упражнений*.

— Ты подразумеваешь интимные упражнения? — тихо спросила Женевьева. Ее щеки

покраснели, а сердце забилося быстрее, чем должно было.

— М-м-м-х-м-м, — в глазах Дрю застыло голодное выражение, что не имело ничего общего с крекерами и сыром между ними. — Я имел в виду, что если Филлипс спросит об этом завтра? — пробормотал он. — Нам нужно будет предоставить ему интимные подробности, даже несмотря на то, что у нас нет камеры, что засняла бы нас.

— Я... Думаю, ты прав, — пробормотала Женестьева, чувствуя, как ее щеки покраснели еще больше. — Но мы выполнили большую часть упражнений, оставив ролевые игры и, ах, другие реквизиты в пансионате.

— Кто сказал, что нам нужен реквизит? — пробормотал Дрю, подарив ей едва уловимую понимающую улыбку. — Уверен, мы сможем что-то придумать.

— Я... ах... — Джен не могла подобрать слов.

— Не волнуйся сейчас об этой, детка, — сказал ей Дрю. — Сначала давай продолжим наш пикник. Вот... — взяв крекер и небольшой кусочек сыра, он отправил их в рот Джен. — Наслаждайся.

Женестьева послушно съела предложенное, потягивая дорогое красное вино из надколотой китайской чашки, но она не могла не думать о предстоящей ночи и о том, какие «упражнения» придумает для них Дрю.

Конечно, в отсутствие камер, не было необходимости делать что-либо — они могли просто солгать Филлипсу, сочинив для него выгодную им басню. Но она не хотела делать этого, и что-то ей подсказывало, что и Дрю чувствовал то же самое. Хотя вначале интимные упражнения и были для них изрядной трудностью, но теперь они стали предлогом быть ближе к человеку, который стал для нее много значить — намного больше, чем следовало.

В ее животе запорхали бабочки беспокойства, и Джен не могла дождаться того, чтобы узнать, что же будет дальше.

— Ну, для пикника, все прошло не так уж и плохо, — отметил Дрю, отправив в рот Женевьевы последний крекер с сыром.

Послушно проглотив, прежде чем ответить, она отхлебнула крепкого красного вина.

— Нет, совсем нет.

Дрю посмотрел на Джен, подумав о том, что за мысли посетили ее голову. В свете камина, ее зрачки расширились, и когда он потянулся, чтобы прикоснуться к ее щеке, то поймал себя на мысли, что почувствовал, как едва уловимо задрожало ее тело.

— Так мы выполнили большинство других интимных упражнений, — размышлял он вслух для нее. — И ты отметила, что мы не можем заниматься ролевыми играми без наших костюмов. Но все еще актуальны несколько упражнений — взаимная мастурбация, легкое связывание... и порка.

— О, эм... — Женевьева широко распахнула глаза, и Дрю заметил, что ее дыхание стало быстрее. — Ты... Ты прочел информационный сборник, и узнал, что... что именно подразумевается под этими пунктами? — спросила она тихим и неуверенным голосом.

— На самом деле, я так и сделал.

Дрю отставил пустую тарелку и их чашки с вином от кровати, и развернулся лицом к Джен.

— Во время взаимной мастурбации мы должны ласкать себя, показывая друг другу, что приносит нам наибольшее удовольствие.

— Ммм-хмм, — она кивнула, ничего не ответив. — А что на счет остального?

— Легкое связывание — очевидно, предусматривает, что один из нас свяжет другого, — Дрю посмотрел на нее откровенно. — Я хотел бы сделать это с тобой, Джен. Я хотел бы связать тебя, надеть на глаза повязку и сделать всевозможные порочные вещи с твоим соблазнительным телом.

— Ты... ты бы хотел?

Прикусив нижнюю губу, она выглядела сногшибательно эротичной. Подавшись вперед, Дрю пленил ее мягкие сочные губы в медленном поцелуе. Она была на вкус, как красное вино и желание.

— Да, — пробормотал он. — Но не думаю, что смог бы найти здесь что-то, чтобы связать тебя. Конечно... — он сел, рассматривая ее лицо в свете огня. — Все еще остается порка.

— Порка?

Ее глаза еще шире распахнулись, и, казалось, на миг у нее перехватило дыхание.

— Ты... Ты не серьезно. Я же взрослая женщина!

Дрю приподнял бровь в ответ на это.

— Как это связано с этим?

— Ну, я имею в виду ты... ты не можешь просто отшлепать меня, словно непослушную маленькую девочку, — запротестовала Джен.

Но от Дрю не укрылось, как ускорилось ее дыхание, и порозовели щеки. Он хорошо помнил, что она рассказала Филлипу чуть раньше на их сеансе терапии — ей понравилось, когда он доминировал в спальне. И она, конечно, отреагировала на это ночью накануне.

— Но, думаю, мы выяснили, что ты непослушная девочка, Джен, — тихо проворчал

он. — Идея пойти на пикник в середине зимы была твоей, из-за чего нас почти съел голодный медведь. И теперь мы застряли здесь, в хижине, вместо нашей теплой красивой спальни в отеле.

— Я... но я думала, что ты не винишь меня за это, — прошептала Женевьева, сжав пальцы на своих коленях.

— Я не виню, — пробормотал Дрю, все еще удерживая ее взгляд. — Но это не значит, что ты не должна быть наказана за это.

— Н-наказана?

— *Отшлепана*, — понизив голос, подчеркнул он, мягким приказным тоном. — Я хочу тебя без твоих джинсов на своих коленях прямо сейчас, Женевьева.

— Я... но я... — начала было протестовать она, но Дрю решительно покачал головой.

— *Сейчас*, — прорычал он.

Женевьева уставилась на Дрю — он серьезно? Хотел отшлепать ее? И, что главное, — хотела ли она, чтобы он сделал это? Собиралась ли она ему это позволить?

Это все изменит — баланс сил между нами постоянно будет меняться. По крайней мере, в спальне. Это то, чего она хотела? Отказаться от своей силы и контроля? Уступить и позволить Дрю сделать то, что он хотел — отдать себя ему?

Глядя на его хмурое лицо и голод в пронзительных голубых глазах, Женевьева начала думать, что у нее не оставалось выбора. Дрю был здесь главным — он взял ситуацию под контроль, и она была полностью в его власти. С осознанием пришло что-то вроде облегчения. Как и ночью накануне, ей хотелось потерять контроль, полностью отдавшись мужчине рядом с ней.

— Я... хорошо, — наконец, прошептала она.

Еле стоя на ногах, Джен начала возиться с пуговкой и молнией на своих дизайнерских джинсах. Но, к ее удивлению, Дрю внезапно опустился перед ней на колени, и, отведя ее руку, сам занялся этой работой.

— Все в порядке, детка, — пробормотал он, подняв взгляд на Джен, быстро избавившись от узких штанов. — Я знаю, что тебе немного страшно.

— Я... Да, — призналась Женевьева, когда Дрю стянул вниз ее джинсы, и она осталась стоять перед ним обнаженной, не считая ее зеленого кашемирового свитера и черных шелковых кружевных трусиков. — Я никогда... не делала этого прежде. Или это делали со мной. В смысле, с тех пор, как я была ребенком.

— Все будет хорошо, — пообещал Дрю низким мягким властным голосом, который вытворял какие-то совершенно сумасшедшие вещи с ней. — Я не сделаю тебе слишком больно. И я обещаю, после твоей порки... — он подался вперед, прижавшись возбуждающим поцелуем к тонкой ткани ее трусиков. — Я *излечу* все поцелуями.

— О... — Женевьева не знала, что ответить на это. Он имел в виду то, что она подумала? Но здесь не было шоколадных красок для тела, чтобы слизать их. Будет ли он по-прежнему хотеть...

Прежде, чем она успела закончить мысль, Дрю сел на край кровати, похлопав по

коленям.

— Иди сюда, Джен. *Сейчас*, — тихо прорычал он.

Чувствуя одновременно возбуждение и неуверенность, Женестьева повиновалась. И прежде, чем осознала это, обнаружила себя на его коленях, расположившись грудью на матрасе, тогда как ее зад оказался в воздухе.

Джен ждала, что Дрю сразу же начнет шлепать ее, но, вместо этого, он погладил своей большой теплой рукой ее трепещущие ягодицы.

— Боже, у тебя превосходная задница, — тихо прорычал он. — Такая соблазнительная и мягкая.

— Дрю...

Она дрожала, а ее дыхание стало прерывистым. Джен хотела, чтобы Дрю покончил с этим, но в то же время, ей нравилось, как ласкала ее его большая рука.

А потом он стянул ее трусики, опуская вниз по бедрам Джен, обнажая не только ее зад, но и киску.

— О! — выдохнула Джен, почувствовав, как прохладный воздух прошелся по ее коже. — Дрю, я...

— Веди себя тихо, Женестьева, — его голос звучал низко и строго. — Ты была плохой девочкой и должна быть наказана за это. А теперь раздвинь ноги и приготовься получить свою порку.

— Раздвинуть ноги? — она посмотрела на Дрю через плечо. — Но зачем..?

— Я велел *раздвинуть... свои... ноги*.

Его голос звучал, как низкое властное рычание, которому нельзя было перечить.

Закусив губу, Женестьева сделала так, как велел Дрю, широко расставив ноги, полностью обнажая для него свою киску и зад.

— Хорошая девочка, — пробормотал Дрю, вновь поглаживая ее плоть. Затем, без предупреждения, мягкая ласка превратилась в жесткий удар, обрушившийся на ее ягодицу.

— О! — дернувшись, ахнула Женестьева. Боже, она действительно делает это? Неужели она на самом деле лежала на коленях своего намного более молодого помощника, позволяя отшлепать свою задницу? Но опять же, Дрю не воспринимался ею, как помощник. И хоть она всегда контролировала все, когда они работали вместе, сейчас не было сомнений в том, кто, буквально, всем управляет.

— Считай для меня, — велел Дрю. — Ты получишь еще пять таких же.

Он вновь шлепнул ее, на этот раз по другой ягодице.

— О! *Один*, — ахнула Женестьева. Еще один удар обрушился на ее попку. — Два, — простонала она.

Сейчас Джен извивалась на его коленях, чувствуя, как толстый член Дрю потирался о ее живот каждый раз, когда огромная его рука касалась ее обнаженной плоти.

В ответ на это ее тело, казалось, просто сошло с ума, возбуждение просто зашкаливало. Соски Женестьевы оказались болезненно твердыми и болели, спрятанные пот кружевным бюстгальтером и кашемировым свитером, а ее киска была возбужденной, мокрой и набухшей.

Боже, кто мог знать, что что-то подобное, сможет так завести ее? До этого уик-энда, Женестьева и предположить такого о себе не могла — она никогда бы и не подумала, что лишение контроля может быть настолько опьяняющим... настолько захватывающим. Впервые, здесь с Дрю, она позволила рухнуть стенам, что возводила вокруг себя столько лет

— и это было потрясающе. Горячо и одновременно успокаивающе.

Дрю продолжил шлепать ее, заставляя Женевьеву считать, с каждым жестким прикосновением к ее чувствительной попке, пока она не дошла, как он и обещал, до пяти. Но даже когда закончил, Дрю не отпустил ее.

— Дрю? — Джен неуверенно заерзала на его коленях, но одна его мускулистая рука так и прижималась к ее талии. — Дрю? — повторила она. — Моя, ах, задница сейчас и вправду горит. Не мог бы ты отпустить меня?

— Я так не думаю, Джен, — его голос звучал задумчиво... и даже больше, а потом Дрю чуть развернулся. Очевидно то, что он руководил ситуацией, повлияло на него так же, как и потеря контроля для нее. — Пока я не увижу, как сказалась на тебе эта порка.

— Что... Что ты имеешь в виду? — Джен едва смогла произнести эти слова, но в любом случае, заставляя себя спросить.

— Я имею в виду, что хочу увидеть, сделала ли порка тебя мокрой, детка, — мягко проурчал он. — Именно потому, прежде чем начать, я заставил тебя раздвинуть ноги.

— Дрю!

Внезапно Джен стало стыдно из-за того, что он знал, насколько это возбудило ее. Ее, взрослую женщину, удерживали и отшлепали — это не должно было сделать ее такой возбужденной, такой отчаянно нуждающейся. Но, несмотря на все ее попытки подняться с его колен, Дрю не отпускал Женевьеву.

— Не шевелись, детка, — тихо проворчал он. — Позволь мне увидеть тебя. Позволь мне почувствовать тебя.

Женевьева ощутила, как меж ее бедер проникла большая теплая рука, а потом нежные, кончики пальцев раскрыли внешние губы ее киски и скользнули по внутренним складочкам.

— Черт побери... — низкий голос Дрю звучал хрипло. — Ты такая мокрая, Джен.

— Я... Я не могу ничего поделаться с этим, — выдохнула она, почти плача от стыда и желания. — Ты... Ты сделал меня такой.

— Это все из-за порки? — пробормотал Дрю, ласково кружа по ее нежному, пульсирующему клитору кончиком одного пальца. — Или причина еще в чем-то? Возможно, это то, что ты, наконец-то, позволила кому-то другому стать главным?

Его слова настолько отражали ее мысли, что Женевьева была не в силах отрицать их. Но и признать их она не желала.

— Дрю... — умоляла Джен, избегая ответа на его вопрос. — Пожалуйста, не мог бы ты дать мне подняться сейчас? Позволь мне встать с твоих колен?

— М-м-м, как сексуально слышать твои просьбы, детка, — пробормотал он. — Да, я отпущу тебя со своих колен, но это не значит, что ты поднимешься.

— Что ты хочешь этим сказать? — Женевьева посмотрела на мужчину поверх своего плеча, в то время как сквозь нее пробежала дрожь страха и желания.

— Я имею в виду, что хочу, чтобы ты забралась на кровать, встав на четвереньки, и раздвинула ноги. Сейчас, — приказал Дрю, мягко, но твердо опуская женщину на колени.

Женевьеве казалось, что ее сердце пыталось выпрыгнуть из груди. Боже, она сделает это? Должна ли она настолько раскрыть себя для Дрю? Но, опять же, казалось, он не оставил ей большого выбора — он отдал приказ, который вызвал в Женевьеве волну стыда, но так же и невыразимо возбудил ее.

Встав на четвереньки, она поползла к центру узкого матраса и стала ждать. Хотя она все еще оставалась в своем бюстгальтере и зеленом свитере, Джен чувствовала себя невыносимо

обнаженной с выставленной напоказ киской и задом.

Очевидно, то, что она, полуобнаженная, опустилась на четвереньки, на кровати, порадовало Дрю. Он обошел вокруг самодельной кровати, рассмотрев ее со всех сторон, своими полуприкрытыми от возбуждения и желания голубыми глазами.

— Дрю... — начала было Джен, чувствуя, что больше не может выносить его рассматривание. Но он только покачал своей головой.

— Ч-ш-ш, детка, мы еще не закончили. Вот, я думаю, нам нужно сделать кое-что, чтобы подготовить тебя.

— Подготовить к чему? — Джен затаила дыхание, но ее вопрос перешел в стон, потому что Дрю, подняв вверх ее свитер, опустил ее бюстгальтер, обнажая грудь. Женевьева застонала, когда он потянул ее за обнаженные соски, посылая электрические разряды удовольствия от ее груди прямо к мокрому местечку между ее бедер.

— Разве это не хорошо, детка? — пробормотал Дрю ей на ухо, все еще сжимая и оттягивая ее нежные соски. — Тебе нравится быть открытой и беспомощной, стоя на четвереньках, пока я прикасаюсь к твоему прекрасному телу?

— Я... Я... О, Боже, Дрю! — Женевьева не ответила на его вопросы — она была настолько возбужденной, что едва ли могла говорить. Ее киска была такой мокрой, что она боялась, что влага начнет стекать по ее бедрам и попадет на кровать, но когда Джен попыталась свести ноги, Дрю покачал головой.

— Нет, Джен, оставайся раскрытой для меня, — велел он. — Боже, мне нравится насколько мокрая для меня твоя сладкая маленькая киска. Возбужденная, влажная и готовая.

Внезапно он опустился на колени рядом с ней на полу у подножия кровати и, подался вперед по тонкому матрасу, чтобы обернуть свои мускулистые руки вокруг ее бедер.

Женевьева удивленно ахнула, повернув голову, чтобы увидеть, как Дрю тянет ее к краю матраса. Прежде чем она успела запротестовать, Дрю прижался лицом меж ее бедер и лизнул ее киску, проведя по всей ее длине языком, опалая ее лоно.

— О, Дрю! — простонала Джен, подавшись назад, прижимаясь к его губам. — О, пожалуйста!

Она не могла заставить себя произнести что-то более последовательное, но, пошевелив бедрами, позволила ему понять, насколько ей хорошо от того, что он делает. Дрю, казалось бы, понял, что Женевьева пыталась сказать, потому что, он отстранился на мгновение.

— Вот так, детка, — хрипло прорычал он. — Просто подайся ко мне назад и объезди мой рот. Хочу почувствовать, как эта сладкая мокрая киска кончает мне на лицо, пока я трахаю тебя языком.

О, боже! Женевьева раньше и представить не могла насколько ей нравятся грязные разговоры — возможно, потому что она никогда не была с человеком, что действительно знал, что сказать. Ее бывший муж, Чарльз, во время секса, больше оставался безмолвным, ограничивая свои комментарии парой мычаний и стонов. Но, когда Дрю грязно разговаривал с ней этим низким властным голосом, Джен не могло это не нравиться, она не могла не реагировать на это. Когда Дрю вернулся к поглощению и посасыванию ее раскрытой киски, она почувствовала, как ее удовольствие приближается к пику.

— Дрю! — простонала Женевьева, когда оргазм накрыл ее, потрясая до глубины души.

Он еще сильнее обнял Джен руками, потянув ее назад, клеймя ее клитор своим языком, поднимая ее еще выше, пока Женевьева не подумала, что сойдет с ума. Часть ее хотела отстраниться — попытаться избежать этого интенсивного, почти невыносимого

удовольствия. Но Дрю был слишком сильным — не было ни единого шанса получить свободу — ничего, что она могла бы сделать, кроме как прижаться к его лицу, позволив его рьяному языку заставить ее кончить столько раз, сколько он хотел.

И, когда Дрю лизал, посасывая ее, и скользнул языком внутрь нее, Джейн кончила — вновь и вновь, пока ее голова не закружилась от удовольствия, а дыхание не перехватило от желания. Боже, кто знал, что он будет таким в этом? Или что он сможет свести ее с ума всевозможными движениями своего языка? Когда Дрю поглощал и дразнил ее раскрытую киску, Джен подумала, что взорвется, настолько хорошо это ощущалось.

Наконец, когда она потеряла счет тому, сколько раз достигала пика, Дрю отстранился, тяжело дыша, его широкая грудь вздымалась подобно кузнечным мехам. Женева тихо застонала, рухнув вперед, касаясь лбом предплечья, оставив ноги покорно расставленными.

Несмотря на интенсивность оргазмов, что подарил ей Дрю, она хотела большего. Джен чувствовала себя внутри пустой — пустой, возбужденной и влажной.

— Дрю? — наконец, прошептала она, подняв голову, развернувшись так, чтобы посмотреть на него.

— Да, детка? — Дрю выпрямился, и выпуклость на его джинсах была недвусмысленной. Его губы блестели от ее соков, а в глазах пылало желание.

— Дрю, я... — Джен не знала, как сказать это — не знала, как попросить о том, что желала... о том, что она понимала, не следовало желать. — Дрю, я хочу... Мне нужно...

— Да, детка? — вновь пробормотал он, взбираясь позади нее на кровать.

Женева все еще стояла на коленях, потому, когда его поджарые бедра мягко прислонились к ней, она не могла не почувствовать, как выпуклость его члена прижимается к ее открытой киске.

— Дрю, — тихо простонала она. — Пожалуйста, не мог бы ты... мог бы ты просто... просто потереться собой о меня? Как ты сделал прошлой ночью?

— Ты имеешь в виду, вот так? — Мужчина сильнее вжал свой скрытый за джинсами член в ее мокрое открытое лоно. — Или обнаженным?

— Обнаженным, — оглянувшись на Дрю, Джен почувствовала себя беспомощной, возбужденной и неспособной остановить себя. — Сними... Сними свои джинсы и нижнее белье, и потрись о меня обнаженным.

— Если ты хочешь, детка, — пробормотал Дрю. — Думаю, нам стоит закончить это «упражнение» также, как и остальные, когда мы были в нашей.

— Да, точно, — нетерпеливо кивнула Женева. — Просто... Потрись о меня. Я... Я хочу почувствовать тебя.

— С удовольствием, — прорычал он.

Расстегнув свои джинсы, Дрю стащил их вниз, освобождая свой длинный твердый член. Женева затаила дыхание, увидев, как на набухшей головке сверкнуло предсемя. Боже, они рискуют здесь! Джейн находилась в куда более уязвимом положении, чем накануне ночью, когда ее обнаженная раскрытая киска идеально соответствовала его члену. Но, хоть она и знала, что это та черта, пересечь которую они не должны, Джен не могла заставить себя попросить Дрю остановиться.

Она наблюдала за тем, как он обхватил свой ствол одной рукой, начав медленно водить широкой головкой между ее скользких половых губ, лаская клитор толстым кончиком. Этот нежные интимные движения заставили ее лоно затрепетать еще сильнее, и Джен подумала, что никогда еще в своей жизни не чувствовала себя такой опустошенной.

— Дрю, — простонала она, пошевелив бедрами, пытаясь заставить его еще больше прикоснуться к ней. — *Дрю, пожалуйста!*

— Будь осторожна, Джен, — одной большой ладонью он почти полностью обхватил ее бедро, пытаясь сохранить Женевьеву неподвижной. — Если ты не хочешь переступить эту черту, о которой мы вчера говорили. Но если ты все время будешь скользить вдоль моего члена, как сейчас — он просто может попасть внутрь. И тогда...

Но прежде чем он успел закончить предложение, Джен почувствовала давление чего-то толстого и горячего на вход ее киски, нечто чуть скользнуло внутрь.

Они оба замерли на мгновение, и часть ее мозга кричала, что это не правильно, что она не может зайти с Дрю так далеко. На этот раз у них даже не было камер наблюдения в качестве оправдания — пара была сама по себе, и они все еще занимались тем, о чем, вероятно, пожалеют позже.

Но чувствовать Дрю внутри — даже немного — она не могла отстраниться или попросить его выйти из нее. Вместо этого Женевьева вновь посмотрела на него через плечо.

— Дрю? — вопросительно произнесла она его имя.

— *Чтоб тебя,* — его низкий голос сменился неровным рычанием. — Я сказал тебе, что это случится, Джен... Замри, я внутри тебя.

— Только немного, хотя... Я чувствую тебя, — прошептала она, затаив дыхание. — Возможно... Возможно, тебе не навредит, если ты войдешь чуть глубже.

— Имеешь в виду, вот так?

Дрю подался вперед, и Джен попыталась сдержать стон, чувствуя, как его толстый член погружается в нее на дюйм, а затем еще на один.

— Да, — выдохнула она. — Вот... Вот так. Боже, Дрю, ты такой большой.

— Это просто ты очень узкая, детка, — он погладил ее по спине и бедрам в успокаивающем жесте. — Но, возможно, мне лучше выйти сейчас. Мы очень близко к той черте, о которой говорили прошлой ночью.

— Я знаю, но... — Женевьева вновь прикусила губу. — Но я ничего не могу поделать с этим — я хочу пересечь ее. Во всяком случае, немного.

— О? И как мы сделаем это? — его голос звучал наполовину заинтересованно, наполовину удивленно, но Джен заметила, что Дрю все еще не сделал попытки выйти из нее.

— Позволь мне только один раз почувствовать тебя внутри, — произнесла она. — Войди только единожды на всю длину, и замри. Мы можем сделать это?

— Мы можем сделать все, что захочешь, детка, — заверил ее Дрю хриплым голосом. — Если ты уверена.

— Я уверена. Пожалуйста...

Расставив ноги шире, Джен подалась назад, пытаясь заполучить в себя еще больше его длины.

Дрю со стоном подался вперед, его толстый член так растянул ее внутренние стеночки, что это было восхитительно и немного страшно. Женевьева никогда не была с кем-то таким же большим, но она не желала останавливаться. Она сказала себе, что просто хотела почувствовать вест член Дрю внутри себя, а потом она попросит его выйти. Джен довела бы его до разрядки своим ртом, подарив мужчине самый невероятный минет в его жизни. И это было бы так.

Но, почувствовав его ствол внутри, то, как широкая головка целует губы ее лона, она поняла, что не сможет попросить его выйти. Быть наполненной и раскрытой его членом —

это ощущалось так хорошо, так удивительно.

— Дрю! — тихо застонала она, подавшись к нему назад, желая, чтобы вся длина его эрекции оказалась внутри нее.

— Боже, Джен, полегче! — прорычал он, сжав ее бедра. — Я думал, что ты просто хотела, чтобы я вошел в тебя на минуту. Если мы не будем осторожны, мы закончим сексом.

— Может... Может, я хочу этого, — прошептала Джен, не в силах ничего с собой поделаться. Повернув голову, она посмотрела на него. — Боже, Дрю... Так хорошо чувствовать тебя внутри!

— Чувствовать тебя вокруг себя так чертовски удивительно, детка... Но ты уверена на счет этого? — Дрю посмотрел в глаза Джен, его длинные пальцы все еще сжимали ее бедра. — Ты уверена, что хочешь позволить мне трахнуть тебя... заняться с тобой любовью?

— Дрю! — умоляла она, отстранившись от него на несколько дюймов, а после опять подалась к его паху, чтобы вновь насадить себя на его член. — Боже, да! Пожалуйста, ты нужен мне внутри! Мне нужно больше!

— Тогда хорошо, детка — ты получишь больше, — хрипло прорычал Дрю.

Усилив хватку на ее бедрах, он почти полностью покинул ее тело, а после продолжительно и жестко вновь вошел в нее. Глубокий толчок заставил Женевьеву запрокинуть голову, застонав, подстроив свои собственные движения к его ритму, полностью отдавая себя, даже несмотря на осознание того, что это было плохой идеей.

Она не знала, как долго это продолжалось — но чертовски ясно, что это было значительно дольше, чем когда-либо с Чарльзом. Казалось, Дрю обладал неутомимой выносливостью, когда выходил из нее, а после опять возобновлял свои жесткие движения, что, казалось, полностью соответствовали ее дикой натуре.

И все время он разговаривал с ней, рассказывая Джен, насколько она узкая, насколько у нее красивое тело, и как ему нравится чувствовать ее вокруг себя.

— Боже, ты великолепна, детка... Люблю то, насколько горячей и мокрой твоя киска чувствуется вокруг моего члена. Люблю трахать тебя, — прорычал Дрю ей на ухо, сжимая ее соски, заставляя Джен стонать и вздыхать, когда ее тело еще ближе приблизилось к вершине оргазма.

— Дрю, пожалуйста! — простонала она, подавшись назад к нему, пытаясь насадиться на его член еще сильнее. — Не останавливайся, пожалуйста, *не останавливайся*.

— Никогда, детка, — поклялся он. — Я не собираюсь останавливаться, пока ты не кончишь на моем члене.

Женевьева чувствовала, что собирается сделать это в любой миг. Даже после всех мощных оргазмов, что Дрю подарил ей раньше, она могла сказать, что тот пик, которого она собиралась достичь сейчас, будет чем-то особенным — более наполненным удовольствием, чем те, что были раньше. Она застонала, затаив дыхание, чувствуя, как его тяжелые яйца ударяются о ее раскрытую киску, подразнивая ее уже опухший нежный клитор. В то время как Дрю глубоко вбивался в нее, жестко, во всю длину, вколачиваясь в ее киску, все ближе и ближе приближая Джен к потере контроля.

— Дрю! — услышала она свой полустон-полукрик, но почему-то не смогла остановиться. — О, Боже, Дрю, это ощущается *так хорошо*!

— И для меня, детка. Скоро кончу. Ты хочешь, чтобы я...?

— Кончи внутри меня, — безрассудно простонала Джен. — Сделай это, Дрю, я хочу, чтобы ты... хоч, чтобы ты кончил внутри меня.

— Боже, детка, ты так сексуальна, когда так говоришь, — простонал он. — Что на счет тебя — ты близко? Как думаешь, сможешь кончить на моем члене, пока я трахаю тебя?

— Да! — почти прорыдала Женевьева. — Да, Боже... Я кончаю... Кончаю сейчас!

Она чувствовала, как сжимаются и напрягаются ее внутренние мышцы вокруг его, сдавливая его толщину внутри, пытаясь вобрать в себя так глубоко, насколько только это было возможно, когда оргазм ударил по ней.

Должно быть, Дрю почувствовал, как она сжалась вокруг него, потому что глубоко вошел в ней, замерев неподвижно, а его член стал еще толще внутри нее.

— Боже, Джен! — застонал он. — Собираюсь... Не могу остановиться. Собираюсь кончить в твою узкую киску.

— Сделай это! — вновь призвала его Джен. Она понимала, что это безрассудно и бесповоротно изменит их отношения, но почему-то это не заботило ее. Она просто знала, что не хочет, чтобы Дрю выходил из нее — она просто понимала, что желала задержать его внутри как можно дольше.

Казалось, он весь застыл, его ладони сжались на ее бедрах, удерживая Джен на месте, когда он полностью наполнил ее. Наконец, Женевьева услышала, как он вздохнул, наклонившись вперед, прижимая ее спиной к своей груди.

С тихим стоном чистого истощения, Джен упала на бок, Дрю последовал за ней, они оба, лежали на кровати друг напротив друга, наслаждаясь охватившим их дурманом разделенного удовольствия.

— Боже, детка, — пробормотал ей в волосы Дрю, притягивая Джен ближе к себе. — Когда ты решаешься пересечь черту, то это просто нечто. Это было удивительно.

— Да, было, — пробормотала Джен, заплакав.

— Хэй... Хэй, ты в порядке? — Дрю, развернув ее лицом к себе, с тревогой всматривался в ее черты.

— О-отлично, — солгала Женевьева, не встречаясь взглядом с ним.

— Это не так, — настоял он. — «Отлично» не предусматривает то, что ты прячешь взгляд. Что случилось, Джен? Я сделал тебе больно? Я пытался быть не слишком грубым, но, может, я немного увлекся в конце...

— Ты н-не сделал мне больно, — Джен попыталась успокоиться, развернувшись лицом к матрасу, промокнув глаза простыней.

Как она могла рассказать Дрю, что ее слезы не имеют ничего общего с физической болью... и все это только из-за эмоциональной боли? Дело не в том, что она сожалела о произошедшем — ни в коем случае. Правда, они пересекли черту, чего не стоило делать, но не это беспокоило ее. Так получилось, что перейдя эту линию и отдав свое тело мужчине, лежащему рядом, она так же отдала ему и свое сердце.

Она пропала, сделав самую глупую вещь из возможных — Джен влюбилась в Дрю, даже несмотря на то, что их отношения были временными, и в реальном мире, за пределами «Соснового рая», они были просто невозможны. Он был слишком молод для нее, и они работали вместе — одно из тех препятствий, которое им не преодолеть вдвоем. И, кроме того, Дрю, вероятно, был бы рад пойти по своему собственному пути и найти кого-то его возраста, как только этот уик-энд, наконец, закончится.

Когда они уедут отсюда, вернувшись к своей старой жизни в Сарасоте, и вновь перейдут к своим старым взаимоотношениям — будет больно. Даже сильнее, чем при ее разводе с Чарльзом. Потому что ее бывшему мужу, хоть он и был временами очаровательным, прежде

чем стать холодным и отдалиться от нее, никогда не удавалось затронуть ее сердце, как это сделал Дрю. Раньше он шутил о том, чтобы растопить «Снежную Королеву», но он и понятия не имел, насколько был прав. Дрю действительно растопил ее прочные стены, полностью лишив ее эмоциональную сторону какой-либо защиты, и без нее Женевьева чувствовала себя обнаженной и уязвимой, словно черепаха без панциря.

— Детка? — пробормотал он тихо ей на ухо, и в его низком голосе слышалось искреннее беспокойство.

— Я просто... Я не могу сейчас говорить об этом, хорошо? — прошептала Джен наконец, вновь промокнув глаза. — Ты можешь... Можешь просто обнять меня, Дрю? Просто обнимать меня еще одну ночь?

— Люблю держать тебя в своих руках, детка, — пробормотал он. — Но давай сначала позаботимся об удобстве.

Они оба были полуодетыми, но Дрю, сняв с себя одежду, после помог Джен выбраться из свитера и бюстгальтера. Когда она вздрогнула в чуть прохладном воздухе хижины, он протянул ей свою футболку, что надел под свитер, и Женевьева с благодарностью натянула ее на себя. Дрю был намного выше нее, потому футболка, слабо отдававшая его теплом и пряным запахом, прикрыла ее бедра.

Как только они удобно оделись (или разделись, в случае Дрю), он потянул Женевьеву обратно на матрас, укрыв их покрывалом. Она дрожала из-за холода простыней, но Дрю пододвинул ее ближе к себе, вжимая в свое гораздо большее тело, когда они легли на маленькую кровать, разделяя тепло их тел.

Изнуренная сильным удовольствием и подавляющими эмоциями, что пришли после, Женевьева прикрыла глаза, впитывая в себя уют освещенной огнем хижины. Она наблюдала, как танцуют на стенах тени, и, наконец, уснула в успокаивающих объятьях Дрю.

Дрю проснулся еще до рассвета, дрожа от холода. Развернувшись на импровизированной кровати к крошечному камину, он увидел, что огонь почти потух, оставив после себя лишь несколько тлеющих угольков — неудивительно, что стало холодно!

Оставив Женевьеву на кровати, он выскользнул из-под одеял, бросив в камин еще несколько бревен, убедившись, что они начали гореть. Как только он увидел пламя, облизывающее толстую древесину, то удовлетворенно кивнул. Этого должно хватить.

Дрю вернулся к маленькой кровати, а его кожа покрылась мурашками от холода. Но, когда он попытался устроиться рядом с Женевьевой, не разбудив ее, то увидел в сумерках, как отблески огня отражаются в ее распахнутых в ее глазах — она уже проснулась.

— Дрю? — вопросительно прошептала Джен.

— Прости, огонь почти потух, — пробормотал он, устраиваясь рядом с ней под одеялом. — Не хотел, чтобы мы превратились в ледышки за ночь.

— Ты холодный, — пробормотала Джен, но вместо того, чтобы отстраниться, прижалась к нему, потираясь своей сочной задницей об его внезапно затвердевший член.

— Хм, тебе лучше не делать этого, детка, — мягко предупредил ее Дрю. — Если ты не хочешь повторения.

— Возможно, хочу, — ее голос прозвучал в темноте мягко и почти что мечтательно.

— Я не против, если и ты не возражаешь, — уверил ее Дрю, обхватив ее грудь и осторожно потянув за соски, от чего Джен застонала. — Но на этот раз, давай будем спокойнее, хорошо?

— Что... Что это значит? — ее голос уже звучал прерывисто, и Дрю вновь подумал о том, насколько невероятно сексуальной она была, и сколько удовольствия он желал ей подарить

— Я подразумеваю это.

Дрю навис над Джен, от чего она тихо застонала, удивившись, когда он расположился меж ее бедер.

Джен охотно раскрылась для него, вновь застонав, когда Дрю опустился вниз, потершись всей длиной своего члена об ее влажную открытую киску, прежде чем найти вход.

— На этот раз легко, детка, — пробормотал он, медленно скользнув внутрь. — Легко и медленно.

— Дрю! — простонала Джен, когда мужчина вошел в нее. — О боже.

Она уперлась головой в его предплечье, и Дрю пристально посмотрел в ее глаза, двигаясь внутри нее.

— М-м-м, ты такая красивая, Джен, — пробормотал он, наслаждаясь тем, как она выглядела в танцующих тенях и бликах огня. На ее лице появилось какое-то мягкое выражение и та открытость, о которой он не думал ранее.

Женевьева вернула ему взгляд, в ее глазах застыла мечтательность, они были полны эмоций, когда они наслаждались друг другом, полностью объединившись телом и разумом.

В мыслях Дрю не возникло сомнений — он влюблен в Женевьеву Уэллс. Он влюбился в своего босса, что вероятно было невозможно глупым поступком. Но, черт возьми, если бы он мог справиться с этим сейчас, когда узнал настоящую Женевьеву... и теперь, когда они разделили не только свои тела, но и сердца.

«Истинные Пары» говорят, что могут помочь каждому найти свою вторую половинку, и придерживаются этого, — подумал он. — Жаль, что я не понимал, что работаю со своей в течение стольких лет».

Он хотел рассказать Джен о своих чувствах — рассказать, что хочет ее, хочет быть с ней даже по окончании этого уик-энда. Но, что если она не чувствует того же? Или что если она не хочет продолжить их отношения, потому что считает, что это мешает работе?

Дрю чертовски хотел рассказать Джен о том, что любит ее, но заставил себя проглотить слова, рвавшиеся наружу.

«Я люблю тебя Джен, — подумал он, глядя в ее глаза, когда они вместе достигли удовольствия. — Люблю тебя так чертовски сильно! Я хотел бы, чтобы это никогда не заканчивалось...»

— Проснись и пой, красавица. Птицы поют, солнце сияет, и, надеюсь, Мистер Медведь вернулся в свою берлогу.

Ее разбудил веселый голос Дрю, и, первое, что поняла Джен — она замерзла.

— Здесь холодно! — пожаловалась она, закутавшись в покрывала.

— Это потому, что у нас закончились дрова. Мы все использовали вчера вечером, чтобы не замерзнуть, — Дрю присел на кровати рядом с ней, и обхватил щеку Женеьевы своей теплой ладонью. — Идем, детка, нам нужно вернуться на курорт. Уже за половину десятого, все будут задаваться вопросом, что с нами случилось.

— Тогда мы расскажем им правду: нас почти съел долбаный медведь, — проворчала Женеьева, наконец, сев. — Ох, моя голова!

Женщина схватилась за голову, когда яркий солнечный свет, пробившись сквозь высокие окна, ударил ей в глаза.

— Чувствуешь сожаление за то, что выпила вчера половину бутылки вина? — усмехнулся ей раздражающе бодрый Дрю.

— Я выпила только две полные чашки, — запротестовала Женеьева. — Я все еще уставшая. Мы, ох, заснули поздно вчерашней ночью.

— Ну, так и было, — Дрю выразительно посмотрел на нее. — Очень поздно.

— Эм... — Женеьева почувствовала, как ее щеки опалило жаром. — Я, ох... — пробормотала она, не зная, что сказать.

— Как насчет кое-чего немного тонизирующего? — спросил Дрю, к ее облегчению, сменив тему. Поднявшись, он вернулся с еще одной чашкой из китайского фарфора.

— Что это? — Женеьева приняла от него чашку.

— Я нашел растворимый кофе в шкафчике и сумел вскипятить немного воды, прежде чем огонь окончательно погас. Ничего необычного, но...

— Кофе есть кофе. Ты мой герой. — Женеьева принялась к теплому ароматному напитку, с благодарностью сделав глоток.

— Хм-м, если бы я знал, что все, что мне понадобится, чтобы получить статус твоего героя — кофе, то я мог бы не беспокоиться о схватке с медведем, — улыбнулся ей Дрю, и Женеьева ответила ему тем же.

Она заметила, что они вдвоем стараются обходить тему того, чем занимались прошлой ночью, и не знала, хорошо это или плохо.

«Наверное, просто такова реальность, — сказала она себе с сожалением. — Мы оба понимаем, что независимо от того, насколько хорошим был этот уик-энд — он не может длиться вечно. Даже если мы захотим этого».

Но хотел ли *этого* Дрю? Женеьева знала, что, разумеется, хотела вновь пережить те ошеломляющие эмоции, что зародились между ними прошлой ночью — она все еще помнила, как Дрю взял ее во второй раз... Его длинные, медленные, восхитительные движения, когда он аккуратно, но жестко прижимал ее к кровати, глядя ей в глаза, пока они занимались любовью. Но это желание было невыполнимым — и Джен понимала это.

— Думаю, нам пора уходить, — произнесла она, закончив пить кофе и начав одеваться.

— Ага, — Дрю уже был одет и ждал ее. Он выглядел так, словно хотел что-то добавить, но, в конце концов, просто продолжил ждать в тишине, пока Женеьева не будет готова.

— Хорошо, итак... — она закончила одеваться, проведя пальцами по волосам, пытаясь распутать их. Наконец, она сдалась. — Хорошо, пусть будет так, пока мы не вернемся в «Сосновый рай», и я смогу принять душ, — проворчала Джен, поправляя свой свитер.

— Ты выглядишь прекрасно, — пробормотал Дрю. Отперев дверь, он положил ладонь на замок, замерев, долгое время глядя на нее. — Джен, я...

— Да? — она посмотрела на него, ее сердце тяжело билось, хоть она и пыталась не показывать своего внутреннего беспокойства.

— Я... ох... — вздохнув, Дрю покачал головой. — Я только хотел сказать: с Рождеством тебя.

— О, уже Рождество, не так ли? — Джен потребовалось немного времени, чтобы осознать это — она никогда не придавала особого значения этому дню. — Я... Мне жаль, у меня ничего для тебя нет, — сказала она, пытаясь, чтобы ее голос прозвучал небрежно.

— Я бы так не сказал, — Дрю посмотрел на нее, прикрыв глаза, и Джен почувствовала, как ее щеки вновь опалило жаром.

— В этом случае, я бы сказала, что это был подарок, который мы подарили друг другу, — выпалила она. — Дрю, я...

— Да? — он внезапно пристально посмотрел на нее, и Женевьева почувствовала, как слова, что она собиралась произнести, покинули ее.

— Я... Я просто волновалась об... интересно, медведь все еще где-то там? — наконец, спросила она.

— О, — Дрю выглядел разочарованным. — Ну, мне лучше пойти первым на случай, если мистер Медведь все еще где-то там. Вероятно, он уснул в своем логове, но на всякий случай...

— О. О, конечно, — Женевьева попыталась улыбнуться, несмотря на фальшивую маску, застывшую на ее лице. Ей хотелось сохранить рассудок. Если бы она только была достаточно храброй, чтобы признаться в своих чувствах! Но, что если Дрю не чувствовал того же? Ей не хотелось выглядеть глупой. Джен хотела попытаться вновь сказать что-то, но Дрю уже открыл дверь и осторожно глянул в сторону леса.

— Итак, посмотри на это, — пробормотал он, раскрывая дверь так, чтобы Джен могла увидеть. — Прошлой ночью выпало немного снега.

— Да? — Женевьева, выглянув из-за него, увидела, что лес укрыт тонким, но прекрасным, снежным одеялом. — О, это великолепно! — воскликнула она. — Все выглядит свежим, новеньким и посыпанным сахаром!

— Говоря о посыпанным сахаром, сейчас я бы не отказался от посыпанного сахаром пончика или Frosted Flakes¹², — Дрю положил ладонь на свой живот. — От сыра и крекеров с прошлой ночи ничего не осталось.

— Ну, если нет признаков медведя — давай отправимся в пансионат, — произнесла Женевьева. — Надеюсь, нам удастся проскользнуть незаметно и отправиться прямо в нашу комнату, чтобы принять душ и переодеться. Возможно, мы даже сможем заказать обслуживание в номер.

— Звучит, как идеальное утро, — Дрю спустился с крыльца, а после протянул ей руку. — Здесь скользко, — произнес он, когда Джен неуверенно посмотрела на него. — Не хочу, чтобы ты упала в своей смехотворно неподходящей обуви.

— Ха-ха, — сказала она, все же приняв руку, почувствовав, как ее прошибла волна эмоций, когда Дрю переплел их пальцы. Он не отпускал ее, и пока они пробирались сквозь

деревья, держась за руки, они были словно парочка детей в заколдованном лесу. Посмотрев на Дрю, наблюдая за тем, как дыхание облаком пара тает в холодном воздухе, Женевьева почувствовала, что их эмоциональная связь, зародившаяся вчера ночью, никуда не делась. От этого ее сердце забилося в груди, и желание рассказать Дрю, что она чувствует к нему, было таким сильным — почти непреодолимым. Так или иначе, ей удалось сдержать свои чувства внутри и просто продолжить идти.

Ее мысли все возвращались к мысли, вдруг Дрю чувствовал то же, что и она. Он порой смотрел на Джен, пока они пробирались сквозь лес, время от времени бросая на нее взгляд, осторожно помогая ей пройти по заснеженной поросли. В скользком снегу, сапоги Джен, на высоком каблуке, были еще менее практичны, чем накануне.

— Джен, — произнес Дрю, когда они, наконец-то, добрались к входной двери пансионата. — Мне нужно сказать тебе кое-что.

— Тебе? — сердце Женевьевы забилося, когда она посмотрела на него. — Потому что я...

— Вот вы где! Мы крайне волновались о вас двоих!

Филлипс внезапно показался в дверном проеме, впуская их в огромный передний холл.

— О, мы... Мы застряли в лесу прошлой ночью, — быстро произнесла Женевьева, подумав о том, что сказал бы на это Дрю. — Мы решили устроить пикник на ужин, а после на нас напал медведь.

— Медведь говорите? — Брови Филлипса поднялись почти к его несуществующей линии волос.

— Большой голодный медведь, — подтвердил Дрю. — К счастью, мы нашли небольшую хижину, так что ночь мы провели там.

— Ну... — Филлипс покачал головой. — Я просто рад увидеть вас двоих в целости и сохранности, и вы как раз успеваете к большой церемонии.

— Церемонии? — Женевьева провела ладонью по своим все еще запутанным волосам, где, без сомнения, из-за похода по лесу, были кусочки листьев и веточек. — О чем вы?

— Церемония возобновления обетов, конечно же! — нахмурился Филлипс. — Сейчас Рождество — идеальное время для повторения клятв. Не говорите мне, что забыли!

— Простой ночью наши мысли были заняты тем, как отбиться от *голодного* медведя, и попытаться найти убежище, чтобы не замерзнуть, — раздраженно подметил Дрю. — Это опустило другие пункты вниз в нашем списке-выживания.

— Ну, шесть других пар и некоторые очень уважаемые гости, ждут вас прямо сейчас в часовне, — пробормотал Филлипс, нахмурившись. — Да бросьте, надеюсь, у вас все еще есть обручальное кольцо, что вы приобрели, Дрю?

— Эм... — Дрю искал что-то в своем кармане, пока они шли по роскошному коридору пансионата. — Вообще-то, да.

— Хорошо. И вы подготовили свои обеты?

— Наши обеты? — Женевьева посмотрела на него с сомнением. — Какие обеты?

Филлипс покачал головой.

— Обеты, что вы собираетесь дать друг другу! Вы вдвоем должны были написать свои обеты и произнести их, когда настанет ваша очередь, чтобы подтвердить свои обязательства друг перед другом.

— О, э-э... — Женевьева была близка к панике, и Дрю тоже выглядел неуверенным, но прежде чем кто-то из них успел запротестовать, Филлипс вновь заговорил:

— Не беспокойтесь, если вы забыли подготовить что-то, — произнес он, выглядя чуть менее сурово. — Просто говорите от всего сердца. Скажите своему партнеру и любимому о том, что чувствуете к нему, и почему хотите провести с ним всю оставшуюся жизнь. Это так сложно?

Женевьева открыла было рот, чтобы сказать «да» — это было сложно, особенно когда у нее не было времени, чтобы подготовиться или что-то случилось без предупреждения, но Дрю опередил ее:

— Нет. Нет, это совсем не сложно.

Удивленная, она посмотрела на него. В кобальтово-синих глазах Дрю, застыло то выражение, которое она иногда видела на работе, когда он искал решение для особо сложной проблемы. Женевьева хотел спросить его, о чем он думал, но как раз в этот момент Филипс протолкнул их в маленькую частную часовню.

Церквушка была совершенно надконфессиональной и имела четыре больших витражных окна, пропускающих зимний солнечный свет. От этого на деревянных полах пролегли яркие разноцветные узоры, а тусклая комната оказалась залита радужным сиянием. В одном углу стояла елка, украшенная в золотых и белых тонах, а в передней части комнаты был расположен небольшой приподнятый помост. В задней части часовни расположился балкон с узкой спиральной лестницей, но Женевьева не могла сказать, сидел ли кто-то в той стороне — площадка была скрыта в тени. Она задавалась вопросом, кем были «выдающиеся гости» Филипса — все, что она могла увидеть — пары из их программы.

— Сейчас, — пробормотал Филипс, сопроводив Женевьеву и Дрю к скамье. — Вы двое просто ждете здесь своей очереди. Мне нужно пройти вперед — я провожу церемонию.

— Конечно, — кивнула Джен, и они с Дрю сели на одну из скамеек, что были заполнены парами, ожидающими церемонии возобновления обетов.

— Похоже, здесь собрались все, — прошептал Дрю ей на ухо, пока Женевьева, сняв пальто, занялась тем, что пыталась заставить свои волосы выглядеть более презентабельно, укладывая их руками. — Думаю, Майрон и Митци первые.

— Я не знала, что Филипс будет проводить церемонию, — пробормотала Женевьева. — Сомневаюсь, что он когда-либо был служителем церкви.

— Может, он принадлежит к Церкви Любопытной Варвары, — пробормотал в ответ Дрю.

Женевьева подавила нервный смешок.

— Думаю, это не важно, так как, в любом случае, это просто шоу, — прошептала она.

— Ага... — по какой-то причине Дрю очень пристально посмотрел на нее. — Только ради шоу.

В этот момент из динамиков раздалась органная музыка, и Филипс взошел на помост в передней части часовни.

— Дорогие возлюбленные, — начал он, широко улыбнувшись всем собравшимся парам. — Мы собрались здесь вместе, в это прекрасное рождественское утро, чтобы подтвердить вашу любовь друг к другу. Поскольку каждая пара выйдет вперед, чтобы произнести свои клятвы, давайте уделим им наше внимание, и вспомним, почему мы здесь — чтобы вновь воссоединиться с людьми, о которых мы больше всего заботимся в нашей жизни, и чтобы дать нашим партнерам понять, почему мы любим их, — он подозвал Майрона и Митци. — Не могла бы наша первая супружеская пара выйти на шаг вперед, пожалуйста?

Они сделали это. Митци засеменила в своем излишне узком горячем розовом платье и туфлях на высоких каблуках в тон. Филлипс провел стандартную свадебную церемонию: берете ли вы этого мужчину и эту женщину, чтобы любить и оберегать, в болезни и здравии, обменяйтесь кольцами и так далее, а потом он дал им произнести их клятвы друг другу. Он объявил их мужем и женой, пара поцеловалась, все поздравили их, а после процесс повторился со следующими влюбленными.

Это было на самом деле трогательно... Или было бы так, если бы Женестьева смогла расслабиться.

Однако она не смогла. Джен с нарастающей нервозностью наблюдала, как пара за парой выходила на помост, чтобы возобновить свои обеты. Некоторые заучивали свои клятвы на память, тогда как у других были небольшие листки бумаги или карточки для заметок. Один из мужей даже пропел свой обет, опустившись на одно колено, душевно глядя в глаза своей жене. Стало ясно, что все остальные приложили много усилий для этого. Женестьева почувствовала себя так, словно вернулась в старшую школу, когда нужно было выступать с устным докладом, осознавая, что остальная часть ее одноклассников подготовилась, тогда как она и вовсе забыла о задании.

«О, Боже, что мы будем делать? Что я скажу?»

Джен никогда не боялась публичных выступлений... но она так же никогда не была и большим поклонником этого. Женестьева достаточно неплохо могла выступить перед группой... если была готова.

«И это не считая того, что я оказалась здесь под ложным предлогом, солгав о своем браке с этим мужчиной, сидящим рядом со мной», — тоскливо подумала Женестьева. Неужели весь их обман сейчас раскроется, разлетевшись на кусочки прямо перед всеми? Будет ли она выглядеть заикающейся идиоткой, не зная, что сказать? Была ли она...

— А теперь давайте поприветствуем нашу последнюю пару — Дрю и Женестьеву Уэллс, — ворвался голос Филлипса в ее безрассудные мысли.

Женестьева поднялась на нетвердые ноги, почувствовав, как Дрю взял ее за руку. Должно быть, он увидел в ее глазах паническое выражение, потому что, наклонившись, пробормотал: — Хэй, Джен, ты в порядке?

В его пронзительных голубых глазах застыло встревоженное выражение.

— Я... Я не знаю, — прошептала она в ответ. — Я... Я не знаю, что собираюсь сказать.

— Я знаю, — Дрю подарил ей успокаивающую улыбку, сжав ладонь Джен. — Послушай, я пойду первым — просто следуй моему примеру. Хорошо?

— Хорошо.

Чувствуя, что паника немного отступила, Женестьева позволила Дрю провести ее на приподнятый помост, в передней части помещения, где стоял Филлипс, всем своим видом напоминавший священника.

Когда пара предстала перед ним, Филлипс важно кивнул, начав:

— Дорогие возлюбленные...

Для Женестьевы вся церемония прошла, словно, в тумане. Слова вырвались из нее, и она произнесла: «Я согласна», позволив Дрю надеть на ее палец золотое кольцо, что шло в паре с обручальным, с огромным розовым поддельным цирконием, который Дрю купил для нее в качестве шуточного подарка.

Дрю произнес: «Согласен», а после, почти до того, как она осознала это, Филлипс сказал:

— А теперь, наша последняя счастливая пара должна сказать кое-что друг другу, — он кивнул им. — Вы можете произнести свои обеты.

— Женестьева... Джен... — Дрю обхватил своими ладонями обе ее руки, и, когда она посмотрела на него — ее сердце забилося быстрее, а во рту пересохло.

— Дрю, — прошептала Женестьева, не зная, что скажет, когда придет ее очередь.

— Джен, — вновь произнес Дрю. — Когда мы впервые решили провести эти выходные вместе, я не знал, чего ожидать. Я думал, что ты холодная и сдержанная, и что мы никогда не сможем поладить и справиться с этой работой. Но, когда... все изменилось. — Дрю убрал прядь волос от ее лица и обхватил щеку Женестьевы своей ладонью. — Я начал узнавать тебя... Настоящую тебя, — пробормотал он. — Женщину, которую ты держишь запертой внутри и никому не показываешь. Но ты показала ее мне — ты показала мне себя. Доверилась мне, — прошептал Дрю. — Ты позволила себе быть открытой и уязвимой со мной, и я ничего не мог поделать с собой... Я влюбился в тебя.

— Дрю? — Казалось, дыхание Джен замерло в ее горле. Он серьезно сейчас? Он не самом деле сказал о своих чувствах или просто отлично сыграл свою роль? Но, то, как Дрю смотрел на нее, эта искренность в его глазах заставляла ее сердце биться быстрее, а слезы набежать на глаза.

— Я люблю тебя, — повторил мужчина. — Ты так прекрасна, детка, ты — воплощение всего, что я когда-либо хотел найти в женщине... и в своей жене.

— О! — Женестьева подумала, что заплачет, но она не хотела, чтобы это увидели другие.

— Дрю, — сказала она, забыв о том, что должна произнести свой обет, забыв о Филлипсе и других парах, что наблюдали за ними — забыв обо всем, кроме мужчины перед собой. — Дрю, я не думала, что из этого уик-энда может что-то получиться, — произнесла Джен низким сдавленным голосом. — Раньше мне было так больно, и я... Я не хотела доверять тебе, не хотела вновь доверить кому-либо свое... свое сердце.

— Детка, — Дрю накрыл ее щеку своей огромной теплой ладонью.

— Я не хотела никому доверять, — продолжила Джен, приподняв подбородок, чтобы посмотреть на него. — Но ты заставил меня довериться. И даже больше — ты заставил меня смеяться, а потом... Потом ты сделал так, что я влюбилась.

Женщина накрыла его ладонь своей, прижимаясь щекой к руке Дрю.

— В тебе есть нечто большее, чем я считала раньше, — сказала она ему. — Ты сильный и смелый, находчивый и забавный. Ты равно хорош, как в живописи, так и в гончарном деле... — Джен покраснела, подумав о том, как он использовал шоколадные краски на ней. — И в сражении с медведями, — добавила она.

Дрю усмехнулся, а Женестьева услышала, как Митци пробормотала из зала:

— Сражении с медведями? Что она имеет в виду, говоря о «сражении с медведями»?

Но Джен не обратила на нее внимания.

— Думаю, что я пытаюсь сказать, то... Я тоже люблю тебя, — прошептала Женестьева, глядя на Дрю. — Так сильно. Больше, чем думала, что смогу. И я знаю, что между нами стоит слишком многое...

— Ничего из этого не имеет значение, — Дрю притянул Джен ближе, обернув вокруг нее свои руки, посмотрев вниз, серьезно глядя в ее лицо. — Все остальное не важно, кроме того, что мы нашли друг друга. После всех этих лет я, наконец-то, нашел тебя, Джен — настоящую тебя. И я никогда не позволю тебе уйти.

— О, Дрю, — прошептала она, а после он накрыл губы Женестьевы своими, приподняв

ее от земли, так, чтобы ее ноги висели в воздухе, пленив ее в столь страстном поцелуе, что кровь прилила к голове, а сердце забилося так, что она поймала себя на мысли, что оно вот-вот взорвется.

Джен услышала приглушенный голос Филлипса, когда тот сказал:

— Теперь я объявляю вас мужем и женой.

Краем глаза женщина увидела, как другие счастливые пары покинули часовню, но она была слишком счастлива, чтобы обратить на это внимание. Влюбленные застыли в объятиях друг друга, и Женестьева знала, не спрашивая, что Дрю разделяет ее чувства — что он хочет, чтобы у них все получилось, и они были вместе.

А потом, когда последняя пара покинула часовню, в зале раздался глубокий звонкий голос:

— Очень мило, Женестьева... Дрю. Должен сказать, что представление получилось крайне убедительным. Жаль, что все это неправда.

Женевьева почувствовала, как кровь в ее жилах превратилась в ледяную воду, услышав знакомый низкий голос. Подняв взгляд, она увидела, как чей-то силуэт появился из тени балкона. Высокая фигура, облаченная в белое, подошла к перилам, устремив взор на нее и Дрю.

— Стюарт? — прошептала она онемевшими губами.

— Мистер Соломон? — озадачено пробормотал Дрю.

— Во плоти, — прогремел их босс, глядя на парочку. — Я преодолел весь путь сюда на *Рождество*, чтобы убедиться, что вы, Женевьева, воссоединились со своим супругом. Представьте мое удивление, когда я обнаружил вас здесь с вашим *помощником*.

— Стюарт... — Женевьева покачала головой. — Я... Я могу объяснить.

— Уж лучше бы вы могли, — Стюарт покинул балкон, спустившись вниз по винтовой лестнице, чтобы предстать перед парой, уперев руки в бедра. — И вам лучше сделать это, прежде чем я уволю вас обоих. Что ты делаешь здесь с Дрю, вместо своего мужа — Чарльза?

Пару мгновений Джен просто смотрела на своего босса. У Стюарта были ослепительные белые зубы и очень модная прическа, словно он был какой-то телезвездой, он почти всегда носил светлые или белые костюмы, сшитые на заказ. Его появление обычно не волновало Женевьеву, но в тот момент ей хотелось схватить Стюарта за его дорогой шелковый галстук и задушить. Тем не менее, ей удалось сохранить голос ровным и спокойным.

— Чарльз бросил меня, — равнодушно произнесла она. — Оставил меня ради своей секретарши около шести месяцев назад.

Стюарт приподнял свою светлую бровь.

— Значит, ты думала, что можешь поступить так же, сбежав со своим помощником?

— Наверяд ли, — нахмурившись, шагнул вперед Дрю. — Это полностью было моей идеей, мистер Соломон. Я сказал Джен, что она должна представить меня, как своего мужа, чтобы не потерять работу.

— Нет, Дрю, ты не можешь взять вину на себя, — воскликнула Женевьева, положив ладонь ему на плечо. — Это моя вина! Мне никогда не стоило этого делать. Я должна была знать, что это не сработает.

— Тебе *нужно было*, как это указано в твоём контракте, прийти ко мне за советом, как только у вас с Чарльзом появились проблемы, — пророкотал Стюарт.

— Нет, прежде всего, ей никогда не стоило подписывать этот дерьмовый контракт, — огрызнулся в ответ Дрю. — Послушайте, Соломон, возможно, вы были слишком заняты, чтобы заметить, но я был рядом с Женевьевой на протяжении многих лет, и я своими глазами видел, как тяжело она работала для вас. Она в офисе семь дней в неделю, пятьдесят две недели в году — и вы удивляетесь, почему развалился ее брак? — он посмотрел на Стюарта. — Все из-за того, что никто не может выйти замуж за кого-то, а потом никогда не видеть друг друга. Джен пожертвовала своими отношениями для вас и «Идеальной пары», и теперь вы хотите наказать ее за это? Я так не думаю. Это чертовски неправильно!

— Дрю! — Женевьева посмотрела на него с опаской. Его широкая грудь вздымалась, а глаза сузились, стоило Дрю посмотреть вниз на Стюарта Соломона, который был достаточно низким, несмотря на каблуки его дорогих итальянских кожаных туфель. Дрю встал между ней и своим боссом, защищая Джен, и на мгновение ей показалось, что он

может ударить Стюарта.

— Знаешь, Дрю, в этом есть смысл, — произнес стоявший позади них на помосте доктор Филлипс, о котором они забыли. Он вышел вперед и, нахмурившись, обратился к Соломону: — Ты очень загружаешь своих сотрудников, Стюарт,

— Филлипс? — выдохнул Стюарт, хмуро глядя на подошедшего мужчину. — Мне стоило бы уволить и вас! Вы тоже виновны в этом, позволив этим двоим вас одурачить! Что, Господа ради, заставило Вас поверить в то, что Дрю и Женестьева на самом деле были парой?

— Потому что я увидел настоящие эмоции между ними, — мягко произнес Филлипс. — Даже в самом начале, когда они все еще притворялись, что заботятся друг о друге — я увидел настоящую связь, — он пожал плечами. — Мне хотелось увидеть, что произойдет... во что это перерастет.

— Подождите минуточку... — прищурившись, Женестьева посмотрела на психотерапевта. — Вы говорите, что все время знали о том, что мы с Дрю на самом деле не были вместе?

Филлипс кивнул.

— Послушайте меня, мисс Уэллс, я наиболее тщательно изучаю всех наших клиентов, приехавших в «Сосновый рай». Дрю не был вашим мужем... но я видел, что он может стать вашей истинной парой, если только вы вдвоем дадите друг другу шанс, — Филлипс пожал плечами. — Потому я решил дать вам время и посмотреть, что произойдет.

— Мы полюбили друг друга — вот, что произошло, — Дрю обнял Джен за плечи, и она с благодарностью прислонилась к нему, счастливая от того, что чувствовала его поддержку.

— Дрю прав, — сказала она, глядя на своего босса. — Возможно, приехав в «Сосновый рай» мы и не были парой, но стали ей сейчас. Ты... — она прочистила горло. — Ты волен уволить меня, если хочешь, но, даже понимая, что могу потерять работу, я бы все равно повторила все это. Это стоит нашей с Дрю связи, — Джен посмотрела на него, подарив Дрю трепетную улыбку.

Он улыбнулся в ответ, сжав ее плечи.

— Джен права, — решительно произнес он. — И если вы уволите ее, то увольняйте и меня. Мы идем в комплекте — куда она, туда и я.

— Точное определение любви и жертвования, — подметил Филлипс, чуть улыбаясь. — Должен сказать, я очень рад видеть, как далеко вы оба зашли.

— Ну, а я нет! — вздохнул Стюарт Соломон и провел рукой по своим безукоризненно уложенным волосам. — Женестьева, ты должна понимать, в какое неудобное положение меня поставила! Ты мой главный маркетолог — моя правая рука. Я не хочу терять тебя, но согласно подписанному тобой контракту, ты с твоим супругом должна была прийти ко мне за советом, если вы почувствовали, что ваши отношения находились на грани краха.

— И они сделают это, — мягко произнес Филлипс. — Поскольку Дрю и Женестьева теперь женаты.

— Мы *что*? — несколько ошеломленно, Джен посмотрела на психотерапевта.

— *Что* вы сказали? — нахмурившись, спросил Дрю.

— Я сказал, что вы женаты. Я лично провел церемонию десять минут назад, — Филлипс обвел помещение руками. — Прямо здесь, в часовне «Соснового рая».

— Мы... мы женаты? — Джен посмотрела на Дрю.

— Мы на самом деле женаты? — легкая недоверчивая улыбка появилась в уголке его

губ. — Но мы думали, что это было просто частью представления.

— Уверяю вас, это все вполне законно — я, знаете ли, помимо лицензированного психиатра, мировой судья. Вам просто нужно получить подписанное свидетельство о заключении брака — и все готово, — самодовольно улыбнулся Филлипс. — И не беспокойтесь, я использовал ваши истинные имена, чтобы все было законно и обладало юридической силой.

— Но я... но мы... — Женевьева не могла оторвать глаз от Дрю, который смотрел на нее с каким-то удивлением на лице. — Дрю, — тихо проронила она. — Как... Как ты относишься к этому?

— Мне это нравится. — он обхватил лицо Женевьевы ладонями, серьезно глядя на нее. — Я хочу сказать, я в любом случае собирался попросить тебя выйти за меня замуж... если бы когда-нибудь осмелел настолько, чтобы сказать, что я на самом деле чувствую. Что я собственно и сделал, когда мы произнесли наши клятвы — я имел в виду каждое слово, что произнес.

— Я тоже, — с улыбкой призналась Джен.

— Я счастлив, детка, — улыбнулся в ответ Дрю. — Понимаю, что это внезапно и действительно, действительно неожиданно, но я думаю, что это здорово.

— И я, — Женевьева подумала о своем большом пустом доме, и о том, насколько одинокой и нежеланной чувствовала себя после ухода Чарльза. Теперь же дом вновь станет живым — наполненный присутствием Дрю, и любовью, что они разделят. Или они могут продать дом и начать сначала где-то в другом месте. Почему нет? Пока они вместе — Джен все равно, куда они уедут или что будут делать.

— Значит, ты хочешь подписать свидетельство? — с надеждой спросил Дрю.

— Хочу, — Женевьева, почувствовав слезы на своих глазах, попыталась сморгнуть их. — О, Дрю, да... Да, я хочу.

— Думаю, тогда вопрос решен, — Филлипс улыбнулся им двоим. Он посмотрел на Стюарта Соломона. — Стюарт, думаю, тебе следует дать им второй шанс. Или, если хочешь уволить их из главного офиса в Сарасоте — я был бы счастлив, если бы они работали здесь для меня.

— Нет... Нет, этого не понадобится, — задумался Стюарт. — Возможно, я слишком поспешил со своим решением. Но, Женевьева... Дрю, я действительно настаиваю на том, чтобы вы пришли ко мне, если у вас возникнут какие-то проблемы в будущем.

— Единственная проблема, о которой я могу сейчас думать — где провести наш медовый месяц, — подметил Дрю, ухмыльнувшись Женевьеве. — В смысле, «Сосновый рай» хорош, но, думаю, мы с Джен хотели бы немного отдалиться от всего этого... Возможно, отправимся в круиз по Аляске, чтобы посмотреть на медведей. Я слышал, что там они вырастают до ужасно огромных размеров.

— Дрю! — засмеявшись, Джен привстала, чтобы поцеловать его. — Я люблю тебя, — прошептала она, глядя в его глаза. — Я так сильно люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, детка, — внезапно посерьезнел Дрю, его глаза смотрели на Женевьеву с бесконечной уверенностью. — И теперь, когда я, наконец, заполучил тебя, то уже никогда не позволю уйти.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Magic Bullet — кухонный комбайн

[

←2

]

Shamwow — супервпитывающие салфетки

[

←3

]

Шоу Опры — (The Oprah Winfrey Show) — ток-шоу, выходившее на американском телеканале ABC в 1986–2011 годах. Постоянная ведущая шоу — Опра Уинфри.

[

←4

]

15,2 см

[

←5

]

1,93 см

[

←6

]

1,6 м

[

←7

]

«Привидение» (другое название — «Призрак», англ. Ghost) — кинофильм режиссёра Джерри Цукера, вышедший на экраны в 1990 году. Фильм получил ряд наград и номинаций, в том числе пять номинаций на премию «Оскар» в 1991 году, две из которых оказались победными.

[

←8

]

Имеется в виду сорок градусов по Фаренгейту — примерно 4,4 градуса по Цельсию

[

←9

]

Около 10 см

[

←10

]

Около 7,6 см

[
←11

] Герой из американского мультфильма, а затем и фильма — Мишка Йоги.

[
←12

] Хлопья для завтрака